This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3470
S79D4

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Оглавленіе.

1. Строевъ-Тволгинъ. Декабристъ. Историческ. роман.

2. Андре Тіверье. Молочная сестра. Роман.

Stroev-Pollin, I A

ДЕКАБРИСТЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИЗЪ ЭПОХИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ

НИКОЛАЕВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ

И. А. Строева-Поллина

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. дв., 18. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12.
1903

PG3470
S79D4

ТИПОГРАФІЯ
поставщиковъ двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Спб., В. О., 16 л., № 5—7.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 января 1903 года.

ДЕКАБРИСТЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ НИКОЛАЕВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

И. А. СТРОЕВА-ПОЛЛИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая читателямъ настоящій трудъ, авторъ считаетъ необходимымъ предупредить, что канвой для него послужилъ цѣлый рядъ событій изъ дѣйствительной жизни,—жизни людей николаевскихъ временъ, чрезвычайно богатой различными сцѣпленіями обстоятельствъ и злоключеніями, доказывающими,—не въ первый, впрочемъ, разъ,—что часто многое, происходящее въ нашей жизни и происходившее въ жизни нашихъ предшественниковъ, подчинено необъяснимымъ тайнымъ велѣніямъ судьбы, дѣлающей нашу жизнь иногда интереснѣе и замысловатѣе любого вымышленнаго романа.

Запасшись необходимыми справками, замѣтками, записками и документами, касающимися жизни описываемаго времени, и измѣнивъ только имена дѣйствующихъ лицъ, авторъ, не отступая ни на іоту отъ истины, предлагаетъ благосклонному вниманію читателей это произведеніе, въ которомъ дѣйствительность вполнѣ замѣняетъ самый фантастическій вымыселъ.

I. ВЪ «КАМЕННОМЪ МѢШКѢ».

Сидя въ «каменномъ мѣшкѣ» Петропавловской крѣпости, подпоручикъ Журинъ раскаивался.

Почти абсолютная тишина его камеры и прилегающаго коридора, уныніе, царствовавшее въ его душѣ, полнѣйшее бездѣйствіе въ продолженіе долгаго времени и, наконецъ, холодъ, временами посѣщавшій его неуютное, суровое временное жилище, лучше всякихъ медикаментовъ оказали самое благопріятное дѣйствіе на его нѣсколько экзальтированную, увлекающуюся и впечатлительную натуру и очень значительно поуспокоили молодой горячій пылъ, искусно разжигаемый ранѣе агитаторами только-что минувшихъ «декабрьскихъ событій». Агитаторы эти состояли главнымъ образомъ изъ враговъ нашего отечества, разныхъ любителей сильныхъ ощущеній,—каковы-бы они ни были,—и, наконецъ, впечатлительной молодежи. Послѣдняя дѣлилась на 2 категоріи: 1) отчасти по убѣжденію попавшихъ въ декабрьскую исторію и принимавшихъ въ ней непосредственное участіе какъ до, такъ и въ самый день,—день исключительный для Россіи—14-го декабря 1825 года; 2) отчасти впечатлительныхъ, искавшихъ правды и добра, незрѣлыхъ и попавшихъ главнымъ образомъ благодаря «науськиванію вожаковъ партій», т.-е. по ложному убѣжденію и вслѣдствіе общаго волненія умовъ,—волненія, которое требовало какого-нибудь исхода, волненія, скорѣе безотчетнаго и даже безсознательнаго, такъ какъ эта послѣдняя часть молодежи (да и не одной молодежи!) не знала въ точности «въ чемъ дѣло?», не задавала даже себѣ серьезно вопросовъ: зачѣмъ? почему? нужно-ли это и *почему* нужно? и, главное,—какая цѣль всего этого и какой смыслъ, и будетъ-ли или можно-ли ожидать, что будетъ изъ всего этого «бѣсенія» какой-либо *положительный* результатъ. Послѣдняя часть молодежи, повторяю, не задавала себѣ серьезно вопросовъ, не говоря уже о томъ, что не отвѣчала на нихъ и не обдумывала ихъ...

Подпоручикъ Журинъ принадлежалъ именно къ этой категоріи молодежи, и, поостывъ и поуспокоившись на досугѣ,

сколько ужь разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ: зачѣмъ я туда попалъ?! Но было поздно, и этотъ вопросъ не могъ уже его спасти отъ того, что предначертала для него судьба. Вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ, на громадномъ досугѣ, Журинъ вспоминалъ вкратцѣ свою предшествовавшую жизнь,—жизнь отроческую въ маленькой деревенькѣ отца въ Волынской губерніи, жизнь, полную неизъяснимой прелести въ большомъ барскомъ домѣ, беззаботную, тихую, покойную. Вспоминалъ съ особенной печалью, но смутно, о смерти своей матери, послѣдовавшей, когда ему было всего только 6 лѣтъ. Помнилъ онъ, какъ пріѣхала по этому случаю къ нимъ въ деревню тетя, жившая постоянно въ Петербургѣ, откуда и была взята его мать отцомъ его—тогда поручикомъ одного изъ славныхъ гвардейскихъ полковъ. Они вмѣстѣ уѣхали въ деревню и навсегда рѣшили поселиться тамъ, наслаждаясь любовью и мирнымъ, тихимъ житьемъ-бытьемъ послѣ столичной «сумятицы»,—какъ выражался отецъ, — и здѣсь-же произвели на свѣтъ здороваго, крѣпкаго и свѣжаго, какъ огурецъ, первенца, его — Ильюшу. Пять лѣтъ, по словамъ отца, у нихъ не было другихъ дѣтей, но вотъ на шестой родился мертвый ребенокъ, ради котораго пришлось дѣлать операцію, чтобы его извлечь, и операція эта оказалась неумѣлой и, вслѣдствіе этого, роковой. Ильюша отлично помнилъ тотъ моментъ, когда мать опускали въ могилу, даже теперь онъ ясно представляетъ себѣ эту ужасную картину: у могилы, еще не засыпанной, на колѣняхъ стояли отецъ его и тетка-вдова, и позы ихъ, казалось, олицетворяли собой горе. Онъ, Ильюша, молча стоялъ подлѣ нихъ, смотрѣлъ въ могилу, смотрѣлъ на нихъ и, кажется, чувствовалъ, что въ жизни его происходитъ нѣчто ужасное, необыкновенное, и онъ вспоминалъ, что въ то время въ первый разъ въ жизни задумался. Тетка, пока, осталась у нихъ. Отецъ не находилъ себѣ мѣста отъ горя, жадно прислушивался къ шедшимъ съ запада толкамъ о побѣдахъ непобѣдимаго Наполеона, и искренно завидовалъ гдѣ-то тамъ далеко сражающимся. Онъ чувствовалъ всей душой, что только смерть можетъ служить

ему истиннымъ утѣшеніемъ въ его ужасномъ горѣ и, какъ исключительно военный по натурѣ, онъ, кажется, грѣшилъ, желая участія русскихъ войскъ противъ Наполеона, хотя также, какъ исключительно военный, не могъ не преклоняться передъ военнымъ геніемъ этого великаго человѣка. Прошло два года, и Ильюша уже отчетливо помнитъ, какъ верховой карьеромъ влетѣлъ въ ихъ усадьбу, произведя сенсацію какъ между людьми, такъ и между собаками и птицами, наполнявшими обширный помѣщичій дворъ. Пернатыя разлетѣлись въ разныя стороны, собаки ринулись къ лошади, а отецъ и Ильюша, гулявшіе по двору, и дворня окружили курьера съ вопросами: что? почему?

— Вамъ письмо!—сказалъ верховой, подавая конвертъ.

Отецъ схватилъ письмо, взломалъ печать, взглянулъ на бумагу и съ крикомъ: «Ага! Наконецъ!» — весь возбужденный и красный отъ волненія, бѣгомъ пустился къ дому, оставивъ въ недоумѣніи и нѣкоторомъ изумленіи дворню, въ первый разъ, кажется, видѣвшую барина бѣгущимъ. Ильюша вприпрыжку поскакалъ за отцомъ, подгоняя себя прутикомъ.

Оказалось, что Наполеонъ перешелъ границу.

Черезъ два дня Ильюша распрощался съ отцомъ послѣ напутственнаго молебна.

Ильюша, тетка и дворня остались безъ барина, который предлагалъ для полной безопасности переселиться на время южнѣе, въ Херсонскую губернію, гдѣ у него былъ большой хуторъ, служившій ранѣе, при его отцѣ, мѣстомъ ссылки для крѣпостныхъ. Но тетка отвергла это предложеніе, предполагая, что Наполеонъ въ Волынскую губернію и не заглянетъ.

— Конечно,—отвѣтилъ отецъ,—мы его прогонимъ сейчасъ-же, но ты—баба, побоишься, пожалуй... Если-бы вдругъ какой-нибудь отрядъ, не дай Богъ!.. Ильюша... одинъ сынъ, а они, говорятъ, на войнѣ — варвары, несмотря на то, что французы.

При воспоминаніи объ Ильюшѣ, тетка задумалась. Составился маленькій совѣтъ, въ которомъ приняли участіе священникъ и нѣкоторые изъ крѣпостныхъ вѣрныхъ слугъ, обѣщавшихъ ско-

рѣе лечь костьми, нежели позволить себѣ, чтобы барыню да барчука-наслѣдника не защитить грудью, «ежели-бы чего, оборони Боже!..»

Рѣшено было барынѣ и барчуку остаться.

Наполеонъ, конечно, къ нимъ въ гости не пожаловалъ, а мародеры заглянули-таки, да и то на обратномъ пути и всего лишь въ количествѣ человѣкъ 10—12 и съ честью были отбиты отъ двора, при чемъ былъ взятъ «въ плѣнъ» раненый—молодой тогда человѣкъ, m-eur Дюшосье, поступившій съ теченіемъ времени экономомъ къ Журинымъ, оставшійся навсегда въ Россіи и выписавшій изъ Бордо, послѣ окончательнаго паденія Наполеона, свою жену. Журинъ-отецъ, искавшій утѣшенія въ бояхъ, былъ раненъ, но раненый-же отправился и за границу преслѣдовать непріятеля и съ побѣдоносными войсками вошелъ въ Парижъ, откуда отписалъ къ себѣ въ деревню письмо, значительно измѣнившее судьбу Ильюши. На основаніи этого письма, тетка съ Ильюшей переѣхала на жительство въ Петербургъ, гдѣ Ильюша, которому уже шелъ одиннадцатый годъ, поступилъ въ корпусъ.

Здѣсь-же въ Петербургѣ они и свидѣлись съ произведеннымъ уже въ полковники Журинымъ, который, пробывъ въ строю еще 3 года,—когда Ильюша переходилъ уже въ 4-й классъ,—подалъ въ отставку и поѣхалъ къ себѣ въ вотчину генераломъ.

Вспоминалъ подпоручикъ Журинъ тяжелые кадетскіе годы, суровую дисциплину, къ которой, впрочемъ, со временемъ привыкъ; вспоминалъ тѣ чудные рѣдкіе часы, которые онъ проводилъ во время отпуска у тетки, жившей въ то время въ собственномъ домѣ, вблизи Большого театра. Вспоминалъ, съ какой тоской и нетерпѣніемъ ждалъ онъ каждаго праздника, каждаго воскресенья, чтобы, не забѣгая никуда по пути, мчаться на «Ванькѣ», а то и пѣшкомъ, въ уютный домикъ тетки. Съ какой радостью перебѣгалъ онъ громадную площадь Большого театра! Кстати сказать, въ то время нынѣшней улицы Глинки, конечно, не существовало, какъ не существовали и дома, находящіеся нынѣ въ раіонѣ улицъ: Офицерской, Глинки, а также Крюковъ каналъ

и часть Екатерининскаго,—за театромъ. Налѣво отъ Поцѣлуева моста были два-три низенькихъ деревянныхъ домика. Если смотрѣть отъ Поцѣлуева моста, который тогда былъ деревянный, какъ и всѣ почти мосты на каналахъ, то представлялась громаднѣйшая площадь, на которой возвышался горделиво Большой каменный театръ, трехъэтажный снаружи, своимъ фасадомъ напоминавшій нынѣшнюю Биржу, благодаря, главнымъ образомъ, своимъ семи громаднымъ колоннамъ при подъѣздѣ. Маріинскаго театра, разумѣется, тогда тоже не было. И вотъ этакую громадную площадь Ильюша перебѣгалъ, какъ говорится, однимъ духомъ и, ворвавшись въ квартиру тетки, бросался ей на шею, душилъ ее въ объятіяхъ, вертѣлъ вокругъ себя, а иногда и танцовалъ, прося жившую у тетки бывшую ея бѣдную подругу-сироту немедленно-же играть польку. И тетка, вполнѣ замѣнившая ему родную мать, и бѣдная ея подруга были въ такихъ случаяхъ не менѣе его рады и съ особеннымъ наслажденіемъ принимались «пичкать» его пирожками, вареніемъ, соленіемъ и прочими домашними прелестями. За все время корпусной жизни, считая послѣ отъѣзда отца-Журина въ имѣніе, Ильюша, съ теткой разумѣется, всего лишь одинъ разъ лѣтомъ побывали въ деревнѣ, да одинъ разъ пріѣзжалъ къ нимъ отецъ, когда Ильюша уже былъ въ шестомъ классѣ. Отецъ прочиталъ ему тогда серьезную лекцію, какъ надо вести себя, не теряя своего достоинства, какъ учиться, какъ относиться къ обязанностямъ своимъ и какъ любить «нашего отца-батюшку государя, нашего благодѣтеля»; впрочемъ, въ послѣднемъ отецъ-Журинъ былъ увѣренъ вполнѣ, такъ какъ Ильюша прямо-таки обожалъ государя, разсказывая постоянно теткѣ до мельчайшихъ подробностей о каждомъ посѣщеніи императоромъ корпуса. У Ильюши въ то время было пять пуговицъ отъ мундира государева, изорваннаго при отъѣздѣ его изъ корпуса восторженными кадетами; одна цѣлая шпора и одна половинка и кусочекъ подкладки отъ мундира,—итого, пока, всего «восемь государевыхъ вещей», какъ значилось у него въ его записной книжкѣ подъ рубрикой «приходъ».

— Я тебѣ читаю мораль,—заканчивалъ генералъ,—потому, что, быть-можетъ, не такъ скоро свидимся, ибо задержатъ меня дѣла на сіе остальное время въ вотчинѣ моей; къ тому-же при дворѣ желаютъ, дабы я принялъ на себя постъ предводителя въ нашей губерніи, а сіе отниметъ времени и заботъ отъ меня не мало. Поэтому будь умнымъ, тебѣ уже шестнадцать годовъ, сударь мой, ты уже не мальчикъ. Когда гнали французовъ, такъ у насъ въ полку два юнкера были по шестнадцати,—это не шутка! Веди себя пристойно, и дадутъ офицерскій чинъ. А ужь какъ офицеромъ будешь служить, я и не имѣю опаски, ибо и мой дѣдъ, и отецъ мой, и твой отецъ всегда примѣрными слугами царскими считались и дворянскую доблесть и честь всегда на первый планъ во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ ставили и посему отъ государей своихъ щедрое и милостивое награжденіе имѣли. Если можешь лучшимъ быть, будь, и я тебѣ первый спасибо скажу и первый возгоржуся тобою, а хуже коли будешь, или, оборони Боже, совсѣмъ плохой,—и думать не смѣй—тогда не сынъ ты мнѣ. Прокляну на вѣки вѣковъ! А лучше будь такимъ, какъ всѣ мы—Журины, и царь будетъ доволенъ тобою! Да и будешь такимъ, — вижу вѣдь что молодецъ!.. Ну, иди сюда—поцѣлуй меня!

И отецъ съ чувствомъ поцѣловалъ Ильюшу, и этотъ поцѣлуй сынъ помнилъ всю свою жизнь такъ-же, какъ помнилъ и эти слова, потому что самъ въ то время всей своей душой и желалъ и чувствовалъ даже себя вполнѣ способнымъ быть тѣмъ примѣрнымъ царскимъ служакою, какими были и предшествовавшіе ему Журины.

И теперь, сидя въ «каменномъ мѣшкѣ» Петропавловки, молодой офицеръ рыдалъ самымъ искреннимъ образомъ при воспоминаніи о наставленіяхъ отца. Онъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы и отъ досады на себя, и отъ угрызеній совѣсти за муки, причиненныя теткѣ, и за таковыя-же, которыя, рано-ли, поздно-ли, будутъ причинены его отцу: неизвѣстно еще, какъ отнесется отецъ къ извѣстію о мѣстопребываніи и о позорѣ сына, который станетъ и позоромъ отца, такъ его любившаго!..

Журинъ вспоминалъ, какъ онъ въ первый разъ надѣлъ офицерскій мундиръ прапорщика. Семнадцати съ половиною лѣтъ — и офицеръ!.. Прослуживъ съ полгода въ строю, онъ выпросилъ у своего начальства, которое къ нему благоволило, отпускъ и самъ рѣшилъ отправиться къ отцу въ деревню, не предупредивъ его объ этомъ.

За четыре дня до отъѣзда великій князь Михаилъ Павловичъ, которому сразу понравился лихой молодой красавецъ-офицеръ, произвелъ смотръ полку, въ которомъ служилъ прапорщикъ Журинъ, и, спросивъ у командира полка объ успѣхахъ прапорщика, узналъ, что Журинъ на-дняхъ ѣдетъ въ отпускъ, къ отцу. Желая, очевидно, сдѣлать пріятное генералу Журину, котораго великій князь зналъ лично, онъ вызвалъ прапорщика изъ строя и велѣлъ ему «примѣрно» командовать ротой. Ильюша прекрасно исполнилъ возложенное на него порученіе, продѣлавъ со своей временной ротой ломку фронта такъ красиво и энергично, что великій князь пришелъ въ восторгъ и, подозвавъ къ себѣ прапорщика, объявилъ:

— Завтра надѣюсь поздравить тебя подпоручикомъ!

— Покорнѣйше благодарю, ваше императорское высочество! — не помня себя отъ неожиданной радости, прокричалъ Ильюша.

— Ты ѣдешь въ отпускъ, такъ кланяйся отцу; мы съ нимъ пріятели,—прибавилъ великій князь, чѣмъ привелъ еще въ большій восторгъ Ильюшу и наполнилъ его сердце пріятнымъ чувствомъ гордости за своего отца.

На другой-же день прапорщикъ Журинъ былъ произведенъ въ подпоручики, а на третій, т.-е. за день до назначеннаго времени, укатилъ изъ Петербурга, не надолго, впрочемъ, такъ какъ большого отпуска ему не дали и объяснили, что ему теперь на первыхъ порахъ «особенно познанія разныя усвояти надлежитъ».

Встрѣча отца съ неожиданно пріѣхавшимъ сыномъ, въ офицерской формѣ, да еще въ чинѣ подпоручика, не поддается описанію!..

Достаточно сказать, что генералъ, никогда не пившій воды, по совѣту домашняго «лѣкаря»,—знаній котораго никогда, впрочемъ, не признавалъ и искусству котораго не вѣрилъ ни на грошъ,—долженъ былъ выпить для успокоенія цѣлыхъ два стакана,—настолько убѣдилъ его лѣкарь во вредѣ для его здоровья такого сильнаго волненія, которое стало въ моментъ встрѣчи очевиднымъ для всѣхъ, не исключая и самого генерала. На другой-же день генералъ не вытерпѣлъ и поѣхалъ съ Ильюшей въ городъ «хвастаться сыномъ».

Сколько было восторговъ въ городѣ! И дѣйствительно, было чѣмъ восторгаться: генералъ, которому тогда не было полныхъ 39 лѣтъ, стройный, красивый брюнетъ безъ сѣдинки въ волосахъ, и красавецъ-сынъ, — и тотъ и другой возбуждали искренній восторгъ мужчинъ своей молодцоватостью, осанкой, выправкой и манерами, а о дамахъ, особенно вдовицахъ и demoisell'яхъ—и говорить нечего! Изъ нихъ многія, особенно кто постарше, такъ прямо-таки пищали отъ удовольствія!. Но ни тотъ, ни другой не поддались на прелести провинціальныхъ львицъ,—генералъ далъ торжественный обѣтъ еще послѣ смерти жены, когда ему было всего лишь только 27 съ небольшимъ лѣтъ,—никогда болѣе не жениться, а теперь, болѣе того считалъ это неприличнымъ и мысленно записалъ себя въ старики, имѣя сына офицера, да еще подпоручика; послѣдній-же какъ-то мало и вниманія обратилъ на всѣ эти кринолины, да и рано ему еще было и обращать-то его!.. Вѣдь тогда были и другіе люди, и другое время...

II. ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Быстро, очень быстро промелькнулъ отпускъ, и вотъ, послѣ утомительной, длинной, монотонной дороги, Ильюша—опять въ полку!..

И пошла служба у него прекрасно, поощряемая часто милостивымъ къ нему вниманіемъ великаго князя и даже государя Александра Павловича!

Все предсказывало ему блестящую будущность...

Прошло года два съ половиною, во время которыхъ Ильюша завелъ знакомства, сталъ бывать въ домахъ. Появились товарищи и друзья—большею частью военные, но бывали и статскіе,—общество у него, слѣдовательно, бывало самое разнообразное. Въ выборѣ знакомствъ онъ не былъ особенно требовательнымъ и строгимъ, такъ какъ по натурѣ былъ человѣкъ добрый и искренній. Указать-же ему на дурныя знакомства никто не могъ, такъ какъ тетка почти никогда не видѣла его друзей и товарищей, а отецъ служилъ предводителемъ.

Въ эту эпоху моды,—если можно такъ выразиться,—разныхъ обществъ мистическаго характера, само собою разумѣется, что и другія общества были «въ ходу» и особенно привлекали къ себѣ молодежь. Многіе изъ военныхъ товарищей Ильюши, не желая отставать отъ другихъ, также были членами этихъ обществъ, подчасъ имѣвшихъ не совсѣмъ патріотическую подкладку.

Такимъ-то образомъ, т.-е. черезъ эти, вначалѣ совершенно безвредныя общества и, вводя постепенно новыя, врагъ россійскаго благоденствія и проложилъ себѣ дорогу, искусно и умѣренно агитируя, разжигая мало-по-малу страсти и успѣшно привлекая на свою сторону впечатлительную молодежь, съ жадностью всегда бросающуюся на все новое, особенно если оно кажется идеальнымъ, возвышеннымъ!..

Тактика велась іезуитски терпѣливо, умно и безукоризненно правильно.

Само собою разумѣется, что во главѣ этихъ обществъ и заправилами ихъ состояли, главнымъ образомъ, поляки, бывшіе тогда въ Петербургѣ тоже въ большой модѣ, благодаря тому, вѣроятно, что императоръ Александръ Павловичъ по своей гуманности считалъ ихъ народомъ слегка обиженнымъ Россіею и, по своей довѣрчивости и удивительной добротѣ, покровительствовалъ имъ. Въ кругу этихъ обществъ было много и различныхъ авантюристовъ-иностранцевъ—политическихъ и иныхъ.

И такъ, все это общество успѣшно завлекало въ свои сѣти

и для своихъ цѣлей нашу молодежь, не исключая и офицерства и даже многихъ положительныхъ людей, конечно, ставя имъ на видъ самыя святыя идеи и цѣли...

Но вотъ Петербургъ, а съ нимъ и всю Россію постигла и поразила страшная новость: пришло извѣстіе, что въ Таганрогѣ, во время путешествія по югу, скончался любимый государь Александръ I.

Агенты и «дѣйствительные» члены обществъ,—которые къ этому времени сумѣли такъ подготовить своихъ «членовъ-соревнователей» въ нужномъ имъ направленіи, что эти *тайныя* общества, имѣвшія недурную и достойную лучшаго примѣненія организацію, намѣтили уже цѣль *явно* враждебную правительству—стали распускать различныя басни и небылицы по поводу смерти императора Александра, волнуя, хотя безцѣльно на этотъ разъ, умы. Но вотъ, какъ на грѣхъ, отказывается отъ престола бывшій въ то время въ Царствѣ Польскомъ наслѣдникъ Константинъ Павловичъ, и агенты изъ тайныхъ рѣшили обратиться въ совершенно явныхъ, разжигая умы и страсти открыто, на площадяхъ и... вспыхнулъ явный, дерзкій, безпримѣрный бунтъ...

Но Николай Павловичъ, получивъ отъ старшаго брата офиціальное добровольное отреченіе, не теряя и минуты, вступилъ на престолъ и—такою увѣренною и твердою ногою, что только щепки полетѣли ото всѣхъ этихъ по ложному убѣжденію участвовавшихъ, ото всѣхъ этихъ легкомысленниковъ—горячихъ головъ и, главное и болѣе всего,—ото всѣхъ этихъ «умниковъ, безумниковъ и полоумниковъ»...

Ильюша былъ горячая голова, гордая и упрямая, при чемъ упрямство часто принималось у него за гордость и—наоборотъ, но въ глубинѣ души онъ никогда не сочувствовалъ своимъ товарищамъ, вовлеченнымъ въ эти общества. Вначалѣ, когда его намѣревались завербовать въ эту банду, онъ долго и горячо ратовалъ «противъ», а «за» все-же никогда не былъ, хотя раза три ходилъ на «совѣщанія», такъ какъ боялся прослыть и трусомъ и «подъюбникомъ»,—при чемъ въ послѣднемъ случаѣ на-

мекъ относился непосредственно къ тетушкѣ, а Ильюша былъ офицеръ да еще и подпоручикъ, а потому онъ и захотѣлъ доказать, что онъ не «подъюбникъ», что и исполнилъ. Послѣ этого доказательства, дважды повтореннаго, онъ и въ третій разъ пошелъ уже по своему желанію,—такъ какъ назначалось, какъ говорили, очень интересное и «чрезвычайное» собраніе,—послушать, но въ дебатахъ и преніяхъ участія не принимать, — что опять-таки исполнилъ! «За» онъ не былъ главнымъ образомъ потому, что воспитаніе, данное ему отцомъ и теткой, возымѣло все-же свое вліяніе и принесло даже и здѣсь нѣкоторую пользу.

Журинъ обвинялся въ томъ, что его видѣли на площадяхъ: передъ бунтомъ—на Исаакіевской площади, а во время бунта — на Дворцовой, куда онъ пробрался изъ-за разгорѣвшагося до крайности любопытства. Онъ помнилъ, что даже, обѣщая самъ себѣ никакого активнаго участія въ этой исторіи не принимать, между тѣмъ кричалъ что-то, топалъ ногами и махалъ руками,—до того заразительно подѣйствовала на него взволнованная страшная толпа!—но что именно кричалъ онъ и кому это нужно было, и зачѣмъ онъ собственно топалъ ногами и махалъ руками,—этого онъ не зналъ, несмотря на то, что усиленно напрягалъ память именно по этому поводу. Перебирая «на свободѣ» самыя мельчайшія подробности всего происшествія, онъ вспомнилъ, что и на Исаакіевской даже площади что-то кричалъ, именно въ тотъ моментъ, когда адъютантъ Николая Павловича С. С. Стрекачовъ привезъ къ площади для увѣщанія и вразумленія «мракобѣснующихся» митрополита Серафима, при видѣ котораго толпа заорала, замахала руками и, среди ругательствъ, слышны были отдѣльныя слова:

— Долой!.. Долой его!.. Не надо проповѣдей!! Къ чорту рацеи!!

Умъ Ильюши былъ ненормальнымъ въ тотъ моментъ; онъ чувствовалъ шумъ въ ушахъ и приливъ крови къ головѣ; все ему казалось, какъ въ туманѣ; умъ его не могъ работать правильно и шелъ за настроеніемъ толпы; но онъ все-же крикнулъ вмѣстѣ со всѣми «долой!», хотя тогда еще за головами не видѣлъ

митрополита, а увидѣлъ возвышающуюся голову и плечи Стрекачова и не зналъ точно въ тотъ моментъ, къ кому собственно относилось это «долой».

III. ЧТО ПРОШЛО, НЕ ВОРОТИТЬ!..

При воспоминаніи объ отцѣ, котораго Ильюша любилъ безконечно и горячо, его пронимала дрожь, и холодный потъ выступалъ на спинѣ...

— Какъ онъ узнаетъ?! Что подумаетъ?! Какъ ему сообщатъ?! Ахъ! зачѣмъ, зачѣмъ все это случилось? Зачѣмъ я полѣзъ въ эту толпу?!.. — уже въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ молодой человѣкъ, которому въ это время едва-едва исполнилось 20 лѣтъ.

Но отецъ узналъ все отъ тетки. На ея двѣ эстафеты, посланныя одна за другой, съ просьбой немедленно пріѣхать, генералъ отвѣтилъ эстафетой-же: «Въ скорости прибуду. Павелъ Журинъ».—И черезъ три дня прибылъ въ Петербургъ, и прямо въ домъ къ теткѣ.

Потрясенная случившимся до глубины души, она скрыла отъ него въ своихъ эстафетахъ причину необходимости его пріѣзда, предполагая какъ-нибудь, съ помощью подруги, объяснить въ мягкой формѣ отцу то ужасное, что случилось съ его сыномъ. Но когда она сама вышла на крыльцо встрѣчать гостя, то прежде всего была поражена удивительно измѣнившимся видомъ генерала: вся фигура какъ-то опустилась, лицо сморщилось и осунулось, глаза утратили свой веселый, бодрый видъ и въ волосахъ въ изобиліи серебрилась сѣдина...

— Ты... знаешь?.. откуда?..—только спросила она и зарыдала у него на груди.

— Я предчувствовалъ... такое время!.. но все-же...—началъ генералъ взволнованнымъ и необыкновеннымъ для него унылымъ голосомъ,—все-же я думалъ... что мои предположенія не вѣрны... и вотъ... вотъ!—ты своимъ вопросомъ лишила меня и этого послѣдняго утѣшенія!..—и генералъ, шатаясь, вошелъ въ домъ.

Послѣ весьма продолжительнаго разговора, который онъ имѣлъ съ теткой, убѣждавшей его немедля хлопотать о сынѣ, котораго могутъ или повѣсить, или разстрѣлять,—генералъ, рѣшительно махнувъ рукой, сказалъ:

— И все-таки... мнѣ стыдно!.. Нѣтъ!.. мнѣ стыдно хлопотать за него, просить за него... тревожить государя!.. Разъ его арестовали, слѣдовательно были улики!.. иначе бы не арестовали офицера!.. И онъ! онъ, въ котораго я вѣрилъ! На котораго такъ надѣялся!..

— Его завлекли!..—убѣжденно возразили и тетка и ея подруга въ одинъ голосъ.

— Пусть такъ! Онъ долженъ былъ быть твердъ!.. Нѣтъ! я за него не проситель. Какъ разсудитъ государь, пусть такъ и будетъ! Я полагаюсь на его волю!..

— Да пойми-же...—начала добрая женщина.

— Довольно-съ!—сказалъ генералъ, всталъ со своего мѣста и направился къ выходу,—мнѣ теперь стыдно въ люди показаться!—грозно прибавилъ онъ и, едва слышно, сейчасъ-же прошепталъ, бросивъ взоръ въ уголъ, на образъ:—Боже! Боже!.. единственный сынъ!..—и вышелъ изъ комнаты.

IV. ВЪ КАНЦЕЛЯРІИ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССІИ.

На другой день онъ отправился въ полкъ, гдѣ, впрочемъ, ему заявили, что все дѣло его сына, вмѣстѣ съ его бумагами, находится въ настоящее время на разслѣдованіи въ канцеляріи верховной слѣдственной комиссіи. Здѣсь онъ,—имѣя знакомыхъ, относившихся всегда къ нему съ большимъ уваженіемъ,—встрѣтилъ сочувствіе своему горю, дошедшее даже до того, что ему позволено было взять всѣ бумаги сына и переписку по слѣдствію о немъ и, запершись въ отдѣльной комнатѣ, тутъ-же—разсмотрѣть все съ начала до конца, не спѣша, и рѣшить самому насколько велика вина сына и что его можетъ ждать.

Изъ бумагъ объ арестѣ и слѣдствіи объ арестованномъ генералъ узналъ, и это его особенно поразило, что противъ сына

его были вѣскія улики: показаніе Стрекачова о присутствіи подпоручика Журина на Исаакіевской площади, когда онъ, Стрекачовъ, привозилъ туда митрополита; показаніе другихъ должностныхъ лицъ о присутствіи на Дворцовой площади среди заговорщиковъ Журина, который громко выражалъ вмѣстѣ съ послѣдними ихъ требованіе, и протоколъ, изъ коего видно, что послѣ ареста подпоручика Журина у него въ квартирѣ въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола были найдены три письма изъ тайнаго общества, доказывающія несомнѣнную его принадлежность какъ къ обществу, такъ и къ числу заговорщиковъ, такъ какъ третье письмо,—первыя два—простая переписка съ членами общества, украшено фразой: я, ты и слѣдовали еще два имени наиболѣе извѣстныхъ «ревностныхъ дѣятелей». Письмо было за подписью господина Пискинскаго,—разумѣется, поляка,—и такого яраго агитатора, что еще при арестѣ его было рѣшено впредь, что онъ вполнѣ заслуживаетъ смертной казни черезъ повѣшеніе. Прочитавъ (конечно, въ переводѣ, такъ какъ письмо было написано особой шифрованной азбукой) эти строки, отецъ понялъ, что для сына его спасенія быть не можетъ, особенно, когда узналъ, кто таковъ былъ панъ Пискинскій. Генералъ никакъ не могъ и въ мысляхъ допустить, чтобы сынъ его, Ильюша, бывшій все время его радостью жизни, могъ себѣ позволить переписку съ людьми столь неблагонадежными и явно враждебными правительству, которому онъ служилъ. Это было новое и тяжелое открытіе, повергшее отца въ неизъяснимое горе и нанесшее ударъ родовой гордости.

Отецъ нѣкоторое время машинально перебиралъ и перелистывалъ бумаги и наткнулся на аттестацію своего сына, взятую при слѣдствіи изъ «кондуитнаго» списка офицеровъ его полка, которой отцу не представлялось еще случая видѣть, такъ какъ всѣ бумаги корпусныя и иныя хранились при канцеляріи полка.

Такъ какъ документъ этотъ въ наше время представляетъ интересъ сравнительно съ настоящими нашими документами и любопытенъ по своему перечню изучавшихся наукъ даже въ

то отдаленное время, то я и привожу его почти цѣликомъ. Послѣ имени, фамиліи, званія владѣтеля аттестаціи и прочихъ предшествовавшихъ самой «сути» словечекъ, шли вопросы и отвѣты:

«Усерденъ-ли по службѣ?—Усерденъ.

«Каковыхъ способностей ума?—Отмѣнно хорошихъ.

«Россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ-ли?—Отвѣтъ:

«Законъ Божій и священная исторія.

«Языки: россійскій, нѣмецкій, французскій.

«Рисованіе и черченіе ситуаціонныхъ плановъ.

«Географія.

«Исторія.

«Ариѳметика.

«Алгебра съ примѣненіемъ оной къ геометріи.

«Геометрія простая.

«Прямолинейная тригонометрія съ примѣненіемъ оной къ съёмкѣ.

«Правила строевой, гарнизонной и лагерной службы.

«Главныя правила тактики и малой войны.

«Полевая фортификація.

«Начальныя понятія объ артиллеріи.

«Военное судопроизводство и письмоводство.

«Коническія сѣченія.

«Начальныя основанія физики и химіи.

«Продолженіе артиллеріи.

«Долговременная фортификація и минное искусство.

«Каковъ въ нравственности?—Хорошъ отмѣнно.

«Каковъ въ хозяйствѣ?—Хорошъ».

И, читая эту аттестацію, генералъ ясно себѣ представлялъ, какую блестящую карьеру уже разбилъ его сынъ...

И невольныя слезы капали изъ глазъ и скатывались по щекамъ съ виду суроваго вояки...

Выходя изъ канцеляріи верховной слѣдственной комиссіи, генералъ еще разъ рѣшилъ, что просить за сына «въ такомъ разѣ»—прямо немыслимо.

Ѣхать къ сыну и свидѣться генералъ считалъ также для себя «зазорнымъ», такъ какъ, не зная какъ, что и почему все это случилось, онъ видѣлъ факты и итогъ: сынъ его виновенъ!— и, скрѣпя сердце, какъ отецъ, до крайности любящій свое дитя, и какъ истый служака того добраго стараго времени, сказалъ теткѣ:

— Виновенъ!—и пусть несетъ кару! Что заслужилъ—то заслужилъ!

На третій день послѣ своего пріѣзда, генералъ представлялся государю Николаю Павловичу, какъ предводитель дворянства; но ни отецъ, ни Николай Павловичъ, хорошо знавшій генерала Журина еще великимъ княземъ, не обмолвились ни единымъ словомъ о подпоручикѣ.

Время шло, но ничего пока еще не было категорически извѣстно о предстоящей судьбѣ подпоручика Журина.

Наконецъ, тетка, особенно опасавшаяся за цѣлость жизни своего племянника, убѣдила-таки генерала просить за сына.

Аудіенція была дана.

V. АУДІЕНЦІЯ У ГОСУДАРЯ.

Когда дежурный флигель-адъютантъ ввелъ Журина въ кабинетъ государя, молодой императоръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, занятый собственноручнымъ письмомъ. Его твердая рука быстро, энергично и красиво нанизывала одна къ другой французскія буквы.

Журинъ остановился. Государь, не отрываясь отъ письма и не глядя на него, мотнулъ слегка головой и продолжалъ писать.

Но вотъ онъ окончилъ писать и поднялъ голову.

Генералъ «подтянулся».

— Здравствуй,—сказалъ императоръ.

— Здравія желаю вашему императорскому величеству.

— Ты хотѣлъ меня видѣть... говори короче.

Генералъ замялся. Государь, думая, что онъ стѣсняется дежурнаго, сдѣлалъ ему знакъ выйти.

— Ну?

— Мой сынъ...—сказалъ отецъ и заикнулся, такъ какъ неожиданно почувствовалъ, что горло ему сдавили спазмы отъ подступившихъ слезъ и отъ стыда, такъ какъ онъ въ данный моментъ явно почувствовалъ, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души своей, что не имѣлъ права просить за сына послѣ такихъ уликъ.

— Ну? — повторилъ императоръ и, вставъ, подошелъ къ генералу.

— Онъ... онъ у меня одинъ, ваше величество, — забормоталъ генералъ и вновь остановился.

— Говори, говори,—мягко сказалъ государь, своими орлиными глазами глядя прямо въ измѣнившееся лицо несчастнаго отца и положивъ ему руку на плечо, чѣмъ еще болѣе смутилъ его.

— Онъ... онъ... — бормоталъ бравый и храбрый воинъ, чувствовавшій себя теперь въ чрезвычайно скверномъ положеніи и стыдясь въ данный моментъ себя вслѣдствіе своей недостойной, какъ былъ увѣренъ, просьбы,—онъ... онъ...

— Онъ—въ Петропавловской,—твердо сказалъ государь,— это естественно послѣ того, что онъ сдѣлалъ... Чего-же ты хочешь?

Генералъ не въ силахъ былъ болѣе выдержать и быстро пробормоталъ:

— Я хочу... свидѣться съ нимъ, ваше величество!..

— Ааа... хорошо, разрѣшаю!..—и государь слегка пожалъ ему руку.

Генералъ повернулся налѣво кругомъ и быстро вышелъ изъ кабинета, забывъ даже поблагодарить императора. Онъ чувствовалъ, что государь зналъ о его предварительномъ намѣреніи, понялъ о немъ изъ его словъ, и ему становилось еще тяжелѣе...

Какъ ни любилъ Ильюша отца, но въ глубинѣ души не могъ не сознаться, что *теперь* онъ не желалъ его видѣть; вѣрнѣе,—ему тяжело было видѣть его, стыдно и унизительно, и онъ чувствовалъ ясно, что если-бы отецъ и увидѣлъ его здѣсь, въ крѣпости, то это было-бы величайшее для отца оскорбленіе

и большой позоръ для него, сына,—предъ лицо отца предстать въ такой ужасной обстановкѣ.

Все это сознавалъ и отецъ, однако долженъ былъ поѣхать въ крѣпость уже потому, что лично отъ государя такъ неожиданно для себя и даже помимо своего желанія получилъ на это разрѣшеніе

Свиданіе состоялось на другой-же день послѣ аудіенціи у императора.

Ильюша очень удивился, услыша звукъ отворяющагося замка у своей камеры и, предполагая какое-либо извѣстіе, могущее измѣнить его судьбу, жадно бросился къ двери.

Дверь открылась. Ильюша увидѣлъ дежурнаго офицера, дневальнаго солдата и за ними генерала, почти старика.

Сердце екнуло у него въ груди и больно сжалось: хотя онъ еще не узнавалъ умомъ, что это отецъ, но, очевидно, почувствовалъ сердцемъ. Но когда всѣ сомнѣнія прошли, Ильюша вздрогнулъ, почувствовалъ безсиліе, голова его закружилась, мысли смѣшались, — онъ находился въ полуобморочномъ состояніи и прислонился къ косяку своей арестантской двери, опустя взоръ внизъ, не смѣя взглянуть на того, который такъ много хорошаго и славнаго ожидалъ отъ сына, на того старика, который стоялъ теперь передъ нимъ.

Отецъ подошелъ и молча взялъ его за руку. Сынъ положилъ другую свободную руку на руку отца. Генералъ вглядѣлся въ лицо арестованнаго, который судорожно вздрагивалъ плечами и порывисто вдыхалъ въ себя воздухъ... По щекамъ его катились обильныя слезы.

Дежурный офицеръ и дневальный солдатъ молча стояли тутъ-же.

Такъ продолжалось минуты двѣ. Никто не проронилъ ни слова, въ которыхъ, впрочемъ, не было никакой надобности: отецъ и сынъ вполнѣ поняли другъ друга.

Генералъ уѣхалъ изъ крѣпости нѣсколько просвѣтленный и твердо сказалъ теткѣ:

— Нѣтъ! онъ не измѣнникъ!..

VI. САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ ГЛАВА.

...Время шло!.. Три недѣли промелькнули незамѣтно для петербуржцевъ послѣ 14-го декабря. И эти три недѣли казались Ильюшѣ ужасными! Насталъ ужь Новый 1826 годъ, много приговоровъ постановила слѣдственная комиссія по многимъ дѣламъ, а по дѣлу Журина ничего еще не было извѣстно!

Журинъ, нетерпѣливый по натурѣ, страдалъ ужасно отъ неизвѣстности и ожиданія и рѣшилъ, наконецъ, обратиться, во имя прежняго къ нему милостиваго отношенія, съ письмомъ къ великому князю Михаилу Павловичу, въ которомъ умолялъ его высочество, «буде возможно», подвинуть дѣло впередъ, объясняя полную готовность и даже желаніе умереть, обѣщая принять смерть, какъ должное, но только не мучить ожиданіемъ!.. «Если-же, — писалъ онъ, — его императорскому величеству благоугодно будетъ, помиловавъ меня отъ смерти, сослать куда-либо, то, какъ милости, просить ваше высочество имѣю честь, умолить его величество повелѣть сослать меня на Кавказъ, гдѣ я смогъ-бы въ дѣлахъ и стычкахъ со врагомъ умереть болѣе почетною смертью».

Только онъ успѣлъ отправить это письмо, какъ на другой день ему былъ объявленъ,—слѣдовательно постановленный до его письма,—высочайше конфирмованный приговоръ слѣдственной комиссіи, по которому подпоручикъ Илья Журинъ разжалывался въ солдаты и ссылался въ городъ Архангельскъ съ зачисленіемъ рядовымъ Архангельскаго гарнизона.

Тогда не медлили, и на другой-же день по объявленіи приговора, его, послѣ позорной церемоніи разжалованія, одѣли въ солдатскую шинель и отправили къ мѣсту назначенія.

Отецъ не счелъ для себя возможнымъ увидѣть сына въ солдатской шинели и... они не видѣлись...

Генералъ отслужилъ у часовни Спасителя молебенъ и отправился во-свояси.

VII. СЪ МѢСТА ВЪ КАРЬЕРЪ!

Вмѣстѣ съ Ильюшей отправленъ былъ въ Архангельскъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, бывшій морской офицеръ, мичманъ, Николай Ива-Писакинъ, также назначенный рядовымъ въ этотъ-же городъ за принадлежность его къ Южному тайному обществу. Этотъ Писакинъ не успѣлъ даже хотя немного оріентироваться въ новомъ для него обществѣ и никакъ еще не могъ и до сихъ поръ узнать, въ чемъ тутъ дѣло и какія собственно цѣли преслѣдовало оно.

Для ознакомленія съ намѣреніями общества, онъ собралъ нѣсколько книгъ его, циркуляровъ и проч., но, не успѣвъ даже мало-мальски съ ними ознакомиться, попался, какъ мышь въ мышеловкѣ, не успѣвшая еще попробовать приманки. Всю дорогу, эту длинную, монотонную, ужасную дорогу,—когда только представлялся случай,—Писакинъ разспрашивалъ у Журина объ этихъ обществахъ, желая знать, въ чемъ въ самомъ дѣлѣ онъ виноватъ, и въ чемъ тутъ по крайней мѣрѣ дѣло въ этомъ бывшемъ шумѣ, который, какъ и вообще ему подобные, да еще и посерьезнѣе, оказался до глупости безрезультатнымъ?!.. Ильюша, озлившійся на свою судьбу, ругалъ, какъ только могъ и своихъ завлекателей-обманщиковъ и себя, а за компанію и Писакина за глупую довѣрчивость... Непривыкшій къ такимъ суровымъ лишеніямъ, какія приходилось ему переносить, Журинъ очень страдалъ дорогой, и съ ужасомъ думалъ о будущемъ, своими предположеніями запугивая и своего новаго товарища Писакина.

Но оба они, къ счастью, ошиблись. Въ Архангельскѣ они были приняты комендантомъ этого города, Ѳаддѣемъ Ивановичемъ Штейномъ, конечно, не съ распростертыми объятіями и радостью, такъ какъ такое отношеніе прямо-таки показалось-бы злой и оскорбительной ироніей,—но вполнѣ радушно и съ видомъ снисходительности къ заблужденіямъ молодежи, еще не окрѣпшей и не имѣвшей своихъ личныхъ убѣжденій, а если даже и имѣвшей, то незрѣлыя, за которыя они были достаточно наказаны.

Особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ на генерала Штейна Ильюша, и онъ пригласилъ этихъ молодыхъ людей бывать у себя.

Генералъ Штейнъ подалъ этимъ примѣръ прочему обществу маленькаго и малолюднаго тогда Архангельска, и «вновь испеченные рядовые» являлись вездѣ желанными посѣтителями; опять-же—особенно нравился Журинъ, такъ какъ былъ по наружности очень привлекателенъ, а перенесенное имъ только-что горе придало его глазамъ какое-то особенно прелестное, грустное, или «томное» выраженіе. Ильюша, привыкшій къ любви отца и тетки, теперь, благодаря всему случившемуся съ нимъ горю и такой ужасной «высидкѣ» въ Петропавловкѣ, особенно искалъ любви и утѣшенія!... Душа его рвалась изъ груди, сердце ныло... однимъ словомъ, онъ былъ въ настроеніи для него новомъ, которое требовало и исхода новаго, благотворнаго для него.

У Штейна была дочь Лизанька—чудное, казавшееся неземнымъ, созданіе, съ великолѣпными, пышными, каштановаго цвѣта волосами, шатенка съ большими темносиними глазами, немного повыше средняго роста, съ прекрасной дѣвственной фигурой. По письмамъ и нѣкоторымъ замѣткамъ, уцѣлѣвшимъ съ того времени, Елизавета Ѳаддѣевна Штейнъ была «красоты и прелести замѣчательной».

Надо-ли говорить, что настроеніе Ильюши нашло себѣ должный исходъ? Или надо-ли говорить, что Лизанька осталась равнодушной къ частымъ посѣщеніямъ красавца-Журина, который для того времени былъ прекрасно образованъ, воспитанъ, великолѣпно владѣлъ французскимъ языкомъ, обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и былъ хорошій музыкантъ? Къ тому-же Журинъ въ обществѣ считался первымъ красавцемъ и, кромѣ того, весьма «интереснымъ» именно своимъ солдатскимъ мундиромъ. Въ глазахъ Лизаньки онъ былъ «несчастная жертва своихъ заблужденій и чужихъ интригъ».

Молодые люди съ перваго-же раза произвели другъ на друга неотразимое впечатлѣніе, а узнавъ другъ друга поближе,

полюбили — первой, страстной, туманившей разсудокъ любовью...

Они объяснились приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго свиданія, хотя, начиная съ него, уже любили, уже страдали и уже проводили безсонныя ночи!..

Это было въ самомъ началѣ апрѣля; въ одинъ холодный вечеръ генерала кто-то экстренно вытребовалъ изъ-за чайнаго стола по поводу какого-то происшествія—въ казармы. Этимъ и воспользовался Журинъ, бывшій въ то время у нихъ въ гостяхъ.

И, по уходѣ отца, Лизанька знала, что объясненіе состоится, такъ какъ увѣрена уже была въ откровенности ея возлюбленнаго, а ихъ взгляды, кромѣ того, давно уже сказали другъ другу то, чего ждали они сами и какъ-бы подсказывало сердце.

На горячее признаніе, Лиза отвѣтила таковымъ-же и первая схватила Журина за голову,—долго-долго смотрѣла въ его глаза и первая-же прильнула къ его губамъ. И это былъ первый мужчина, котораго она цѣловала,—конечно, за исключеніемъ отца,—и первый мужчина, котораго она *такъ* цѣловала.

Это она, впрочемъ, ему и выразила, несмотря на свою кажущуюся съ перваго взгляда робость.

Молодой человѣкъ привлекъ ее къ себѣ и страстно сказалъ:

— Поклянись!.. Поклянись всѣмъ для тебя святымъ, дорогимъ, что будешь любить меня вѣчно!.. несмотря ни на какія препятствія!

Лизанька исполнила требованіе. Поклялся и Журинъ, который усадилъ ее послѣ этого съ собою на диванъ близко-близко, обнялъ ее и прижалъ къ себѣ. Лизанька положила свою чудную головку къ нему на плечо, на солдатскій погонъ, и они, казалось, застыли въ этомъ нѣмомъ блаженствѣ... и не проронили ни единаго слова вплоть до возвращенія отца, который и въ мысляхъ не допускалъ ничего подобнаго тому, что за его отсутствіе совершилось у него въ столовой!

VIII. НЕОЖИДАННОСТЬ.

Штейнъ, хотя и носилъ нѣмецкую фамилію, но свободно могъ считаться чистокровнымъ русскимъ, такъ какъ еще дѣдъ его Карлъ Штейнъ, вывезенный Петромъ I изъ Германіи молодымъ человѣкомъ, женился въ Петербургѣ на русской и по убѣжденію принялъ православіе. Отецъ генерала Штейна, Иванъ, также былъ женатъ на русской и, слѣдовательно, Ѳаддѣй Ивановичъ Штейнъ по праву называлъ себя русскимъ и любилъ, когда его въ обществѣ называли «чистокровный руссакъ»; онъ даже подавалъ просьбу государю Александру Павловичу о переименованіи его фамиліи въ Штейнова-Петрова, но въ то время вступилъ въ предѣлы Россіи Наполеонъ, и было не до подобныхъ просьбъ; къ тому-же ему сообщили, уже послѣ возвращенія императора изъ Парижа, что въ понятной вполнѣ суматохѣ его просьба затерялась. Онъ вновь подалъ ее, но опять въ неудачное время, именно, когда императоръ собирался въ путешествіе по югу Россіи, во время котораго, какъ извѣстно, и скончался въ Таганрогѣ. Ѳаддѣй Ивановичъ Штейнъ былъ женатъ на княжнѣ Пирятиной, которую боготворилъ и которая умерла, когда Лизѣ было двѣнадцать лѣтъ. Смерть жены и вызвала у вдовца самовольное желаніе отправиться въ ссылку. Онъ былъ изъ маіоровъ гвардіи произведенъ въ генералы, съ зачисленіемъ по арміи, съ каковымъ чиномъ и явился въ Архангельскъ комендантомъ и тихо и скромно проживалъ здѣсь вотъ уже шестой годъ, воспитывая дочь,—которая своей прелестной наружностью вполнѣ напоминала его покойную жену,—въ страхѣ Божіемъ и правилахъ православной вѣры, въ которой самъ всегда находилъ утѣшеніе. Онъ держалъ вообще дочь очень строго, не позволяя не только никакихъ излишествъ и роскоши у себя дома, но даже безъ себя никуда не отпускалъ ее. Для преподаванія наукъ, необходимыхъ барышнѣ, и для практики французскаго языка, онъ привезъ съ собою изъ Петербурга гувернантку-француженку, которая провинилась передъ нимъ въ чемъ-то предосудительномъ только-только передъ прибытіемъ «ссыльныхъ

рядовыхъ» въ Архангельскъ, и генералъ уступилъ гувернантку засѣдателю. Лиза была очень огорчена уходомъ m-lle Marthe, которая, строго говоря, и не нужна ей теперь была, такъ какъ отецъ считалъ образованіе дочери поконченнымъ, а практикой языка сталъ самъ заниматься съ дочерью, такъ какъ изъяснялся на этомъ языкѣ превосходно. При встрѣчахъ въ домѣ съ дочерью и ранѣе съ m-lle Marthe, онъ разговаривалъ съ ними не иначе, какъ по-французски.

Но все-таки Лиза тосковала, и ее очень обрадовало и оживило прибытіе ссыльныхъ, особенно одного изъ нихъ.

Прошелъ день послѣ объясненія Журина, другой, третій. Писакинъ, который жилъ вмѣстѣ съ Ильюшей, сталъ замѣчать за нимъ перемѣну, о чемъ и освѣдомился, прибавивъ свое предположеніе...

— Только не лги!.. Не можешь болѣе терпѣть? а?..

— Что терпѣть?—спросилъ Журинъ.

— Ну, оставь, пожалуйста! Будто я не вижу, что влюбленъ по самое горло въ Елизавету Ѳаддѣевну!—сказалъ Писакинъ.

— А тебѣ она не нравится?—лукаво спросилъ Ильюша.

Ива-Писакинъ вздохнулъ.

— Нравиться-то нравится, да ужь вижу, что «не про насъ тутъ писано!»

— Какъ? изъ чего видишь?

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь свои уловки! Съ перваго-же раза видѣлъ я, что она тебѣ понравилась... да и ты ей!.. Куда-же мнѣ,—ты красивѣе меня, разбитной такой! Я и ретировался. Да и чего-же ради я буду причинять тебѣ, моему товарищу, неприятности?

Журинъ всталъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и обнялъ Иву-Писакина.

— Хорошій ты парень, Ива, сердечный! Спасибо тебѣ. Ну, слушай,—все равно давно хочу признаться тебѣ: да, я

люблю ее... но скажи, — вдругъ быстро перебилъ онъ себя, — какъ ты думаешь, она меня любитъ?

— Натурально любитъ! — отвѣтилъ Ива и даже пожалъ плечомъ отъ удивленія,—это по всему замѣтно!..

— Ха-ха-ха!.. — весело расхохотался Журинъ, пошлепывая озадаченнаго товарища по спинѣ,—чудакъ!.. Да вѣдь мы въ послѣдній разъ объяснились и, оказалось, что и она любитъ меня...

— Да-аа?.. Неужели объяснились? Ну, разскажи, это очень, очень интересно и, можетъ-быть, пригодится мнѣ... Вѣдь я никогда никому не объяснялся въ любви.

— Ну, разсказать — разскажу, но пусть въ другой разъ. Слушай!

— Слушаю, ваше прошло-благородіе!—и Писакинъ усѣлся въ кресла.

— Я, видишь-ли, хочу твоего товарищескаго совѣта: какъ теперь быть?

— А что?—простодушно спросилъ Ива,—тебѣ теперь совѣстно?.. а-аа! понимаю, оттого ты три дня теперь и не ходишь, и меня не пускаешь, и вмѣстѣ идти отказываешься.

— Глупости, глупости,—перебилъ Ильюша,—ничего мнѣ не совѣстно, а, наоборотъ, радостно. Но я не ходилъ потому, что прилично-бы было сдѣлать декларацію на свой второй визитъ въ ихъ домъ, понимаешь?

— Понимаю... и ты боишься?..

— Откровенно говоря, старикъ меня смущаетъ! Онъ ничего подобнаго и не ожидаетъ отъ меня, и боюсь, что сочтетъ за дерзость: вѣдь мы съ тобой рядовые, братъ.

— Аа... ага!.. такъ-съ, сударь мой!—въ раздумьѣ сказалъ Ива,—та-акъ-съ... но я думаю, что онъ не обратитъ на это никакого вниманія. Вѣдь онъ знаетъ, кто ты, и...

— И кромѣ того онъ можетъ найти,—перебилъ Журинъ,— что я для нея не пара!

— Почему?

— Ахъ, mon Dieu! Мало-ли какія у него могутъ быть соображенія! Я думаю пообождать недѣли двѣ и разсудить.

— Да мы со скуки издохнемъ!—взмолился Писакинъ.

— Не безпокойся! Не безпокойся! Я, братъ, тоже не могу жить безъ нея. И такъ эти три дня намучился. Все боялся старика. Онъ хотя и предобрѣйшій, но иногда бываетъ очень строгъ!.. Собирайся, черезъ полчаса пойдемъ.

— Знаешь что?—сказалъ Ива,—ты-бы попросилъ ее подготовить отца...

— Нѣтъ... этого она никогда не сдѣлаетъ! У нихъ не такія отношенія! И она никогда не рѣшится на это!.. Впрочемъ, за совѣтъ спасибо, попытаюсь: попытка не пытка!

— Счастливъ-же ты!—съ искреннимъ чувствомъ сказалъ Писакинъ,—женишься, заживешь здѣсь бариномъ, устроишься!..

— Ну-ну! Не гадай впередъ, а то ничего не выйдетъ! Надѣвай сермягу-то!..

Придя къ генералу Штейну, молодые люди по обыкновенію были радушно имъ приняты, тогда какъ на ученіи, въ силу устава, генералъ на нихъ и покрикивалъ, и называлъ на ты, а бѣднаго Писакина однажды даже посадилъ на сутки на гауптвахту, давая этимъ понять имъ обоимъ, что обязанности рядового они обязаны нести такъ-же, какъ и «заправскіе» рядовые.

Весь этотъ вечеръ генералъ не покидалъ маленькаго общества, а потому Журинъ и не могъ ничего передать Лизѣ, только при прощаніи они обмѣнялись значительнымъ рукопожатіемъ.

На слѣдующій день онъ написалъ къ ней письмо, которое предполагалъ передать при прощаніи.

Но въ этомъ не представлялось надобности, такъ какъ именно въ этотъ вечеръ генералъ долженъ былъ окончить какую-то работу и, вызвавъ изъ-за чайнаго стола своего адъютанта и извинившись передъ «рядовыми», вышелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Журинъ поймалъ ручку Лизы и нѣжно сжалъ ее, отчего она испугалась и метнула глазами въ сторону Писакина.

— Онъ все знаетъ,—сказалъ Журинъ и приготовился уже разговаривать съ ней по интересующему его вопросу, но Лиза же-

стами запротестовала, когда онъ только ей сказалъ: «Я тебѣ...»— и сдѣлала ему жестъ, доказывающій, что при Писакинѣ она считаетъ неудобнымъ этотъ разговоръ. Ива-же о чемъ-то задумался и водилъ пальцемъ по скатерти, то собирая, то разсыпая крошки отъ сухарей и, очевидно, забылъ, что Журину нужно переговорить tête-à-tête съ Лизой и что ему слѣдовало-бы выйти для этого въ гостиную, щадя дѣвическую застѣнчивость, тѣмъ болѣе, что по этому поводу былъ именно такой уговоръ. Журинъ началъ покашливать, желая обратить на себя вниманіе Ивы, чтобы сдѣлать ему знакъ уйти, когда онъ на него посмотритъ, но тотъ какъ разъ въ это время разсыпалъ крошки и собирался водворить ихъ опять въ одну кучку.

— Не надо!.. послѣ!..—сказала Ильюшѣ Лиза.

Но Журинъ былъ нетерпѣливъ и, махнувъ рукой Лизѣ, не вытерпѣвъ, громко сказалъ:

— Ива!

Писакинъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Голубчикъ, Ива, не въ службу, а въ дружбу, пойди, пожалуйста, въ гостиную и посмотри, нѣтъ-ли насъ тамъ?

Ива нѣсколько мгновеній оставался озадаченнымъ, но вдругъ лицо его прояснилось, и онъ радостно заговорилъ, какъ-бы вспомнивъ:

— А-ахъ! да-да-да-а! А я и забылъ! Извини, голубчикъ... иду, иду,—и, замѣтя, что Лиза страшно переконфузилась, онъ прибавилъ: — Ничего, ничего, вѣдь я все знаю... и поздравляю васъ!—И вышелъ.

— Какой онъ славный!—сказала Лиза.

— Рѣдкой доброты товарищъ!—отвѣтилъ Журинъ и, насколько могъ обстоятельно, передалъ ей все, что собирался, и мелькомъ намекнулъ, чтобы она стала подготовлять отца къ предложенію его, Журина.

— Нѣтъ! нѣтъ!.. Ни за что!—и Лиза, сдѣлавъ испуганные глаза, даже замахала на него руками.—У насъ съ нимъ и разговора-то приблизительно подобнаго не бываетъ... никогда!..

— Ну, ладно, я самъ скажу!..

— Но все-же не торопись, милый! Мы теперь живемъ на деждой, а вдругъ отецъ откажетъ, и все рухнетъ!..

— Не можетъ все рухнуть! Что ты говоришь... и такъ легко!..—попрекнулъ онъ ее.—Скажи, когда хочешь, чтобы я просилъ отца?

— Черезъ мѣсяцъ... или два!..

— Нѣтъ!—категорически сказалъ Журинъ, вставая,—я не могу такъ долго ждать! Не могу! Нѣтъ силъ! Я слишкомъ люблю тебя!

— Боже мой! — съ чувствомъ сказала Лиза, моментально сдѣлавшись грустной, — и мнѣ тяжело! видитъ Богъ, какъ я люблю тебя и всегда, всегда любить буду, но я боюсь... боюсь...

— Чего-же бояться?—мягко сказалъ Ильюша и нѣжно прижалъ ее къ себѣ, и въ этотъ моментъ почувствовалъ какъ дорога ему эта дѣвушка и какъ немыслимо для него было-бы отказаться отъ нея.

— Отца... отца боюсь!..—но вдругъ она выпрямилась и, смѣло взглянувъ на Журина, сказала:—а, впрочемъ, какъ хочешь... когда хочешь!.. все равно одинъ конецъ!.. Николай Степановичъ!—позвала она, и пока Писакинъ входилъ, она успѣла шепнуть Ильюшѣ:—Только, ради Бога, не предупреждай меня, когда будешь говорить съ папой, въ какой именно день, а то я все время до этого дня буду волноваться и страдать!.. Милый! Неужели тебя отъ меня отымутъ?

Журинъ не вытерпѣлъ и уже въ присутствіи Ивы порывисто схватилъ любимую дѣвушку и сжалъ въ объятіяхъ. Ива видѣлъ эту сцену прекраснѣйшимъ образомъ, но, по натурѣ застѣнчивый, догадался сейчасъ-же выбросить бывшій въ ту минуту у него въ рукахъ носовой платокъ и сосредоточенно сталъ подымать его, думая этимъ обмануть Лизу, которая видѣла его входящимъ и теперь изо всѣхъ силъ старалась вырваться.

— Ничего... ничего...—сказалъ ей прерывающимся голосомъ Ильюша, — онъ знаетъ... онъ хорошій, не бойся... Ива, ты видѣлъ?

— Я ищу платокъ...

— Ты его нашелъ уже! Я спрашиваю: ты видѣлъ?

— Нѣтъ... не видѣлъ.

— А что ты не видѣлъ? — спросилъ Ильюша, желая уличить его во лжи, что ему прекраснѣйшимъ образомъ и удалось: Ива стоялъ растерянный и съ виноватыми глазами, будто самъ сдѣлалъ что-либо изъ ряда обыкновеннаго выходящее.

— Оставьте, — сказала Лиза, которой жаль стало Писакина.

— Ничего, вѣдь онъ теперь мой единственный другъ! — отвѣтилъ ей Журинъ и продолжалъ, улыбаясь: — что-же ты не видѣлъ?

Но Ива уже оправился, ободренный ласковымъ взглядомъ Лизы.

— Что-же ты не видѣлъ? — поддразнивалъ Журинъ, именно въ восторгѣ оттого, что Ива сейчасъ видѣлъ.

— Что? — храбро переспросилъ Ива, — а вотъ видѣлъ, что васъ обоихъ... нѣтъ... тамъ, въ гостиной... куда ты меня послалъ...

Компанія усѣлась, и началась между этими тремя молодыми людьми милая и болѣе уже искренняя бесѣда.

Вскорѣ вошелъ генералъ съ адъютантомъ.

Прощаясь послѣ ужина съ генераломъ, Журинъ невольно подумалъ, глядя ему въ глаза:

«Что-то ты мнѣ скажешь?..»

— Везетъ-же тебѣ, Ильюша!.. — сказалъ уже на улицѣ Ива.

Товарищи долго не ложились спать въ эту ночь, строя воздушные замки, какъ они втроемъ съ Лизой поселятся здѣсь, въ Архангельскѣ, и какъ славно, тихо заживутъ сѣренькой провинціальной, покойной жизнью!..

Какъ ни крѣпился Журинъ, а черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго вечера рѣшилъ съ помощью Ивы, что рано-ли, поздно-ли, а должно-же это кончиться — такъ ужь лучше раньше!.. Ему придало еще особенной храбрости увѣреніе Ивы, что генералъ, если и не будетъ особенно польщенъ предложеніемъ

рядового, то все-же согласится, такъ какъ, вѣроятно, замѣчаетъ и теперь ухаживанія его, Журина, а межъ тѣмъ молчитъ, значитъ—поощряетъ. Такъ какъ влюбленные всегда бываютъ не совсѣмъ нормальны, находятся въ блаженномъ состояніи духа и весьма охотно вѣрятъ, то и Журинъ изъ общаго числа всѣхъ влюбленныхъ всѣхъ временъ не составлялъ исключенія, и вотъ въ одинъ изъ свѣтлыхъ и прозрачныхъ майскихъ дней, около 12 часовъ дня,—время, въ которое Журинъ никогда не бывалъ у Штейна,—онъ звонился у генеральскаго подъѣзда.

Прежде всего пораженъ былъ денщикъ, отворявшій ему дверь и скроившій самую удивленную физіономію,—настолько показался ему необыкновеннымъ приходъ Журина.

Журинъ зналъ, что генералъ дома, а поэтому прямо обратился къ денщику съ просьбой доложить о немъ его превосходительству. Денщикъ, пожавъ плечами, осторожно направился во внутренніе покои генерала.

Журинъ остался въ обширной, свѣтлой передней и, снявъ свою сермягу, глядѣлъ безучастно черезъ окно во дворъ, въ одномъ изъ оконъ котораго вдругъ замѣтилъ блѣдное, съ выраженіемъ ужаса, лицо той, которая внушила ему такую сильную любовь.

Она дѣлала ему знаки уйти изъ передней, предполагая, быть-можетъ, что никто еще не знаетъ въ домѣ о его посѣщеніи,—на что Журинъ отрицательно покачалъ головой. Въ это время возвратился денщикъ и заявилъ, что его превосходительство проситъ пожаловать въ гостиную. Журинъ поправилъ свой солдатскій мундиръ и черезъ столовую прошелъ въ гостиную. Ждать ему пришлось недолго. Вскорѣ-же вошелъ генералъ въ домашнемъ костюмѣ и заговорилъ:

— Что это, сударь, за неожиданности вы мнѣ подносите? Признаться, я никакъ не могъ ждать васъ въ это время! По службѣ заявились, или-же приватно?

— Приватно, ваше превосходительство... по своему частному дѣлу!.. — пробормоталъ Ильюша, нѣсколько озадаченный немного сухимъ пріемомъ.

— Ааа!.. ммм...—протянулъ генералъ недовольно, но сейчасъ-же протянулъ ему руку,—прошу покорнѣйше садиться!—и онъ указалъ ему мягкій стулъ.—Какое-же частное дѣло вы ко мнѣ имѣете, прошу немедля изложить его, ибо въ настоящее время я очень занятъ и, надѣюсь, что вы не посѣтуете на меня за то, что предупреждаю васъ объ этомъ! Служба, сударь мой, у меня всегда на первомъ планѣ... И такъ-съ, прошу изложить.

Журинъ почувствовалъ какое-то неясное чувство: не то робости, не то неловкости, но, по натурѣ рѣшительный и не любившій никогда ничего откладывать, а тѣмъ болѣе идти окольными путями, сейчасъ-же рѣшилъ высказать генералу цѣль своего посѣщенія и, слѣдя за выраженіемъ лица собесѣдника и стараясь угадать его мысли, заговорилъ:

— То, что я хочу вамъ сказать теперь, ваше превосходительство, или, вѣрнѣе, просить,—для меня—чрезвычайной важности. Кромѣ того, взвѣшено мною, обдумано, рѣшено!.. Я выскажусь сразу, но все-же долженъ предупредить ваше превосходительство, что именно слова мои, составляющія цѣль моего посѣщенія, касаются также и васъ, ваше превосходительство, и по всѣмъ вѣроятіямъ съ перваго раза поразятъ васъ, ваше превосходительство, такъ какъ являются для васъ совершенно неожиданными и даже, быть-можетъ, и непредвидѣнными,—по крайней мѣрѣ насколько я знаю.

Генералъ, сидя въ креслахъ, очевидно, былъ заинтересованъ этимъ вступленіемъ. Онъ сидѣлъ, упершись руками о колѣни, весь подавшись корпусомъ впередъ.

— Что-же это можетъ быть?—пробормоталъ онъ, закативъ на мгновеніе глаза вверхъ и подымая брови, и снова уставился своими строгими глазами на молодого человѣка.

Журинъ собирался съ силами, такъ какъ хотѣлъ теперь прямо выпустить зарядъ.

— Я люблю вашу дочь!—вдругъ сказалъ онъ и, откровенно говоря, испугался въ тотъ моментъ своихъ словъ: такое они произвели дѣйствіе на его превосходительство!

Генералъ мгновенно поблѣднѣлъ и до такой степени, что

Журинъ думалъ, что съ его превосходительствомъ дурно,—затѣмъ, откинувшись на спинку креселъ, оставался такъ на нѣсколько мгновеній; но вотъ мало-по-малу окраска лица стала возвращаться къ нему, и Журинъ, жадно слѣдившій за всякимъ измѣненіемъ лица генерала, видѣлъ ясно, какъ кровь приливала къ его щекамъ, губамъ, лбу... все больше и больше... Но вдругъ генералъ порывисто всталъ и заходилъ по комнатѣ нервными сердитыми шагами. Ильюша также всталъ со своего мѣста и стоялъ подлѣ своего стула, слегка опираясь на него рукой. Совершенно неожиданно генералъ подошелъ къ Журину и съ багровой, злой физіономіей остановился почти вплотную противъ него, уставясь въ его лицо злыми глазами.

— Что-съ?.. что вы сказали-съ?..—спросилъ генералъ, очевидно сдерживая гнѣвъ.

Журинъ никогда не былъ да и не могъ быть изъ трусливаго десятка; къ тому-же идти назадъ ужь было поздно, а потому онъ повторилъ слова свои даже болѣе увѣренно, такъ какъ, несмотря на волненіе генерала, ничего утѣшительнаго ему не предсказывавшее, успѣлъ все-же собраться съ мыслями:

— Я люблю вашу дочь, Елизавету Ѳаддѣевну... и она меня!

— Любите мою дочь?—все еще сдерживаясь, говорилъ генералъ,—любите мою дочь?.. а?.. Прекрасно,—добавилъ онъ съ ироніей,—либите, любите! Она хорошая!..—И вдругъ, видимо не въ силахъ болѣе сдерживаться, заговорилъ быстро и отчеканивая слова, все возвышая и возвышая голосъ до крика:—Что? что? мою дочь? мою Лизу? вы? вы, ссыльный солдатъ?!.. да какъ вы осмѣлились это подумать? какъ вы дерзнули, сударь, сказать мнѣ это, вашему генералу? вы—рядовой! вы—можетъ-быть и не по убѣжденію, вы—ужасный преступникъ, декабристъ!.. Вы, для коего карьера и вся жизнь уже исковеркана! Вы—ссыльный, не имѣющій никакого положенія въ обществѣ, рядовой, простой солдатъ до самой смерти... потому что вамъ никогда не возвратятъ вашего былого положенія, ужь мнѣ это повѣрьте, я по опыту и по примѣрамъ знаю-съ! И вы хо-

тите отнять у меня мое сокровище, мою единственную дочь и загубить ея жизнь и исковеркать, какъ исковеркали и свою!... Стыдитесь, сударь!.. Это не благородно! не честно-съ!.. Вы принадлежали къ хорошей фамиліи, и традиціи благородства и порядочности должны были-бы сохранить въ душѣ своей навсегда!.. . . . . .

— Любовь для всѣхъ равна и не знаетъ предѣловъ,—попробовалъ вставить опѣшенный молодой человѣкъ, но его перебили.

— Молчите!.. молчите, сударь!!.. Если даже и случился такой грѣхъ, что вы и полюбили ее... это я допускаю... то и тогда вы, сударь, должны-бы были перестать бывать у меня, скрыть свою любовь и паче всего не показывать этого ей: она молода, она ребенокъ незрѣлый! ее увлечь легко! Я думалъ: молодой человѣкъ, быть-можетъ не сознавая ясно чему онъ подвергается, по легкомыслію своему, по незрѣлости попалъ въ дурную компанію!.. и вотъ опозорилъ себя и отца тѣмъ, что сталъ ссыльнымъ!.. Пожалѣлъ васъ, офицерамъ посовѣтовалъ обращаться мягче, хотя самъ этимъ преступилъ законъ,—принялъ у себя, обласкалъ и вотъ... благодарность!!.. Вотъ дѣлай послѣ этого добро!... Стыдитесь, сударь, не ждалъ я этого отъ васъ!.. Не ждалъ!.. И въ мысляхъ никогда не допускалъ ничего подобнаго... да и не могъ допустить, считая васъ въ душѣ благороднымъ человѣкомъ, хотя-бы и подъ сермягой!.. Ступайте домой и забудьте навсегда мою квартиру, какъ совѣтую вамъ и даже униженно прошу для вашего-же блага, забыть мою дочь, которая вамъ не пара и не можетъ быть солдаткой... выбросьте изъ головы свою мысль преступную!.. Стыдитесь!..

И генералъ, быстро повернувшись, неожиданно вышелъ изъ гостиной.

Въ такомъ положеніи, въ какомъ остался теперь Журинъ, онъ никогда не былъ и страдалъ ужасно, какъ отъ поруганной любви, такъ и отъ поруганнаго самолюбія. Тихо, опустя голову, направился онъ къ передней... машинально надѣлъ сермягу и понуро направился домой по неуютнымъ улицамъ.

— Ты что?!.. — вдругъ закричалъ надъ нимъ чей-то голосъ,—куда прешь!? Не видишь, скотина... а, это ты?.. вы?..

Журинъ поднялъ голову и, увидя передъ собой одного изъ гарнизонныхъ офицеровъ, поспѣшилъ снять шапку съ головы,— какъ въ то время полагалось дѣлать нижнимъ чинамъ при встрѣчахъ съ офицеромъ, при чемъ задолго еще до самой встрѣчи, почти при видѣ его.

— Виноватъ, ваше благородіе!—сказалъ онъ, вытягиваясь въ струнку.

Офицеръ прошелъ мимо.

Обездоленный, убитый нравственно и сознававшій теперь какая пропасть отдѣляла его отъ его возлюбленной, пришелъ онъ домой. На душѣ его было мучительно тяжело! Что-то клокотало въ груди и подступало къ горлу. Онъ молча подошелъ къ своему единственному другу, приникъ къ нему и на его груди сталъ изливать свою скорбь, свое горе...

— Ну-ну!.. Успокойся... что-же дѣлать?.. перестань, перестань!—шепталъ Ива, самъ растроганный его видомъ и сразу почувствовавшій, что дѣло далеко не увѣнчалось тѣмъ результатомъ, который былъ желательнымъ и который ожидался,— авось какъ-нибудь устроится!.. Не плачь!.. полно!..

Но Журинъ продолжалъ рыдать, находя въ этомъ единственное утѣшеніе. Только теперь онъ понялъ вполнѣ, какую ужасную судьбу онъ самъ себѣ по своему легкомыслію приготовилъ!.. Ему казалось, что Лиза уплывала отъ него куда-то въ пространство, и несмотря на это, онъ всѣмъ своимъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ, что съ этого момента онъ еще болѣе полюбилъ ее!..

IX. СТАРИКИ.

Пріѣхавъ домой, въ свою усадьбу въ Волынской губерніи, генералъ Журинъ сталъ избѣгать людей. Рѣдко, и то лишь по необходимости, онъ появлялся въ обществѣ, которому служилъ, при чемъ, если это случалось, чувствовалъ себя крайне

неудобно: ему казалось, что каждый знаетъ о позорѣ его сына и, слѣдовательно, о позорѣ его фамиліи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ своего водворенія у себя въ усадьбѣ, онъ написалъ Ильюшѣ въ Архангельскъ письмо, въ которомъ подробно описывались всѣ его, генерала, чувства и всѣ происшествія до аудіенціи его у государя. Письмо заканчивалось словами:

«Ты только можешь, да и то отчасти, смягчить свою вину тѣмъ, что ревностно будешь исполнять свои обязанности рядового... и благодари еще Бога, что все такъ случилось, ибо по своимъ проступкамъ, а паче по уликамъ, кои существовали противу тебя,—по законамъ нашимъ ты не достоинъ былъ оставаться на свободѣ, которою все-же, хотя и не въ полной мѣрѣ, пользуешься,—а быть разстрѣляннымъ или повѣшеннымъ, какъ и были случаи. И въ данной оказіи ты долженъ все-же въ душѣ быть благодаренъ государю, ибо это онъ смягчилъ вину твою, предположивъ, что ты дѣйствовалъ безъ умысла, а лишь по глупости, и, кромѣ того, жалѣя меня и цѣня мои заслуги передъ отечествомъ, а также имѣя въ виду аудіенцію, во время которой понялъ, что я не рѣшился высказать настоящую цѣль своего прихода и цѣня, быть-можетъ, эту деликатность...»

Генералъ Журинъ написалъ собственно это письмо для того, чтобы завязать съ сыномъ переписку, такъ какъ предполагалъ, что Ильюша не посмѣетъ первый писать ему безъ его разрѣшенія послѣ всего того, что случилось. Кромѣ того, генералъ зналъ, что полученіе писемъ въ ссылкѣ отъ родныхъ и близкихъ должно быть особенно пріятнымъ и радостнымъ и, уѣзжая, просилъ и тетку почаще писать Ильѣ.

Тетка, впрочемъ, и безъ напоминаній отправила еще вслѣдъ этапу свое длинное письмо, полное различныхъ утѣшеній, пожеланій и просьбъ вѣрить въ милосердіе Божіе.

Тетка, которую ничто теперь уже не удерживало въ Петербургѣ, хотѣла-было, послѣ отъѣзда генерала въ Волынскую губернію, отправиться къ нему жить, какъ вдругъ получила эстафету изъ Казани отъ своихъ дальнихъ родственниковъ, ко-

торые извѣщали ее о смерти ея тетки,—родной сестры ея покойной матери, старушки весьма преклонныхъ лѣтъ,—и о выпавшемъ вслѣдствіе этого на ея долю наслѣдствѣ. Родственники просили пріѣхать погостить прямо къ нимъ, а если возможно, то и совсѣмъ остаться у нихъ. Подумала-подумала тетка и уѣхала въ Казань, гдѣ пріобрѣла себѣ домъ и осталась тамъ жить, часто переписываясь съ Ильюшей и постоянно утѣшая его.

Генералъ Журинъ мало-по-малу отвыкалъ отъ общества и, наконецъ, подавъ въ отставку отъ должности предводителя дворянства, зажилъ у себя въ усадьбѣ одинокой, тихой и монотонной жизнью отшельника.

Единственнымъ постояннымъ обществомъ у него были: m-eur Дюшосье—экономъ, ставшій со временемъ компаніономъ генерала, и пріѣхавшая изъ Бордо его жена m-me Marguerite Duchosieux—бойкая, веселая француженка, часто утѣшавшая генерала въ его неутѣшномъ, впрочемъ, горѣ, своими веселыми воспоминаніями о своей родинѣ и прочей безтолковой женской болтовней, а чаще веселила его своими ссорами и сценами ревности, всегда оканчивающимися поцѣлуями, со своимъ супругомъ, который, наоборотъ, старался держать себя очень солидно, резонерствовалъ, что также было забавно, такъ какъ самъ былъ человѣкомъ очень молодымъ, хотя и сержантомъ Великой Арміи.

Эта французская пара боготворила Наполеона, разсказывала генералу различные о немъ анекдоты, эпизоды изъ его военной жизни и просто выдумки, стараясь приблизить его въ своихъ разсказахъ къ степени какого-то божества. Генералъ, не допуская, впрочемъ, никогда сравненія съ русскими полководцами, всегда съ удовольствіемъ слушалъ эти разсказы, такъ какъ, признавая Наполеона врагомъ Россіи и всегда доказывая французской парѣ, что ему не слѣдовало вступать въ предѣлы нашего отечества, все-же никогда не оспаривалъ выдающихся и пожалуй даже изъ ряда вонъ выходящихъ военныхъ способностей Наполеона. У французской пары висѣлъ портретъ великаго импе-

ратора въ ихъ кабинетѣ надъ письменнымъ столомъ, кстати сказать, очень недурно написанный съ натуры, во время похода, товарищемъ m-eur Дюпосье и отданный ему имъ передъ смертью отъ голода именно тогда, когда они мародёрствовали недалеко отъ усадьбы Журина. Этотъ портретъ былъ найденъ у сержанта въ ранцѣ при взятіи его въ плѣнъ журинской дворней. Генералъ ничего не имѣлъ противъ портрета, который былъ очень дорогъ этой парѣ *). Наоборотъ, его очень радовала такая ихъ любовь и преданность къ своему государю,—хотя и авшему,—далеко отъ родины.

До какой степени эти, въ своемъ родѣ замѣчательныя личности были ярыми бонапартистами, видно изъ того, что рѣшились даже написать два письма «королю Римскому», сыну Наполеона и Маріи-Луизы, съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, полныхъ словами утѣшенія и надеждою на Бога,—писать этому «королю» въ Вѣну, гдѣ этотъ «король» уже находился подъ полицейскимъ надзоромъ знаменитаго австрійскаго дипломата Меттерниха и назывался не король Римскій и даже не сынъ Наполеона, а просто герцогъ Рейхштадтскій и былъ не болѣе, какъ узникъ.

Эти два письма, само собою разумѣется, не попали въ руки несчастнаго принца, тѣмъ болѣе, что, какъ ни разубѣждалъ ихъ въ этомъ генералъ, французы ни за что не хотѣли писать на адресѣ: герцогу Рейхштадтскому, а писали (въ разныя времена): «Его величеству королю Римскому» и «Его величеству императору французовъ, Наполеону II».

Насколько обожаніе своего императора достигало у этой пары своего апогея, видно еще и изъ того, что, когда родился ихъ сынъ Эмиль, то первое слово, которому его научили роди-

---

*) Портретъ этотъ перешелъ къ сыну m-eur Дюпосье по наслѣдству, и авторъ, воспитанникъ того учебнаго заведенія, въ которомъ преподавалъ французскій языкъ m-eur Эмиль Дюпосье, имѣлъ удовольствіе его видѣть. Прежде, нежели показать этотъ портретъ, старикъ разсказалъ всю его исторію, при чемъ во все время разсказа неудержныя слезы умиленія катились у него изъ глазъ...

тели и которое онъ сталъ лепетать своимъ дѣтскимъ невиннымъ ротикомъ было не «папа» и не «мама», а Наполеонъ...

Въ свободные и иногда докучные часы m-eur Дюшосье, прекрасный чтецъ, читалъ генералу новѣйшія книги и газеты, получаемыя изъ Франціи, а генералъ сообщалъ ему новости Россіи. Но все-же генералъ никогда не говорилъ съ французами о своемъ сынѣ Ильѣ, и этой чести удостаивался лишь только одинъ человѣкъ: вѣрный слуга и преданный другъ и товарищъ по послѣдней кампаніи, денщикъ его Антипъ, человѣкъ на 8 лѣтъ старше своего господина, ломавшій всѣ переходы французской кампаніи со своимъ начальникомъ-бариномъ вплоть до Парижа. И онъ одинъ зналъ причину генеральской грусти и разсѣянности, онъ одинъ зналъ, почему генералъ, оставаясь у себя въ кабинетѣ, или гуляя по саду, или по полю, вдругъ принималъ неподвижную позу и устремлялъ печальный взоръ свой въ одну точку...

Такъ жилъ генералъ Журинъ...

X. ПЕЧАЛЬНИКИ.

Прошло изрядное количество времени съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Штейнъ отказалъ Ильюшѣ отъ дома. Ива-Писакинъ, принявшій очень близко къ сердцу обиду своего друга и товарища, также не посѣщалъ генеральскую квартиру. Все это время товарищи ревностно исполняли всѣ солдатскія обязанности, аккуратно посѣщая ученія, и здѣсь только, — а особенно Журинъ,—хоть немного забывались и отъ обиды, и отъ скуки, и отъ того ужаснаго, щемящаго сердце тягостнаго чувства, какое обыкновенно чувствуютъ ссыльные. Жизнь ихъ, казавшаяся въ началѣ ихъ пребыванія въ Архангельскѣ сносной, становилась еле переносимымъ ужаснымъ прозябаніемъ вдали отъ родины, отъ родныхъ!.. Они не знали чѣмъ заполнить свой огромный досугъ и часто просиживали у себя въ квартирѣ, вѣрнѣе въ одной комнатѣ, болѣе уютной,—гостиной, и подолгу не нарушали тяжелой тишины, отъ которой еще больше сжимались

ихъ сердца и надрывались души. Оба были очень молоды и оба очень сильно чувствовали посланное имъ наказаніе. Никакія мечты, никакія надежды, — чѣмъ еще можно было жить, — не приходили имъ теперь въ голову. Пусто и мертво было у нихъ на душѣ, и время томительно и мучительно тянулось...

Такъ прошло время до середины іюня.

Выдался чудный денекъ: ясный и на рѣдкость для Архангельска теплый. Природа ожила и благотворно подѣйствовала на душу молодыхъ людей, смягчая ихъ сердца, облегчая души. И молодая кровь заговорила, разбудила угнетенный разумъ и направила его вновь къ надеждамъ, этимъ неотъемлемымъ спутникамъ молодости и къ мечтамъ, необходимымъ и обязательнымъ атрибутамъ влюбленныхъ.

Товарищи гуляли за городомъ, и Ива даже напѣвалъ: «Мальбрукъ въ походъ собрался!..»

— Нѣтъ! Уныніемъ ничего не возьмешь!—рѣшительно сказалъ Журинъ.

— Да-аа... — протянулъ Ива,—изрядно-таки мы раскисли за это время! Какъ бабы разрюмились!..

— А все ты!—упрекнулъ его Ильюша.

— Я? Какъ я?

— Понятно! Я думалъ, что ты ободришь меня, дашь надежду, а ты, на поди!—больше меня опечалился.

— Да съ чего радоваться-то?—спросилъ Ива.—Товарищу отказали отъ дома, разбили его сердце, а я буду радоваться!..

— Я, конечно, шучу,—мягко отвѣтилъ Журинъ,—и, повѣрь, очень близко принялъ къ сердцу твое сочувствіе, спасибо тебѣ большое, и будь увѣренъ...

— Ну, оставь пожалуйста,—сказалъ скромный Ива,—не за что благодарить меня.

— И ты вѣрно сказалъ... да! отказали отъ дома! Эта обида очень чувствительна... очень! Но что-же... вѣдь его винить особенно нельзя: вѣдь не можетъ-же ему доставить удовольствіе бракъ его дочери съ солдатомъ... вотъ онъ и отказалъ отъ дома. Но во второмъ ты не правъ!

Ива сдѣлалъ удивленное лицо.

— Да! — продолжалъ Ильюша,—ты не правъ: сердце мнѣ не разбили! И если хочешь знать... да... я по натурѣ не очень откровенный, но теперь скажу, что сердце это цѣло и бьется еще шибче и еще страстнѣе и теперь даже еще больнѣе, чѣмъ раньше!.. Сердце не разбито!.. И скажу тебѣ, Ива, что даже въ эти ужасные дни унынія, у меня гдѣ-то внутри, тамъ въ уголкѣ этого сердца, не переставалъ теплиться маленькій огонекъ надежды.

— Надежды-ы? — опять протянулъ Ива, — на что надежды?

— Да, Ива, — надежды!.. Что-же дѣлать, что у меня натура такая... упрямая, крутая!.. Ну... ну, не могу я безъ нея жить, не могу!.. Понимаешь: не могу!.. Чѣмъ дальше, тѣмъ я ее люблю все больше, больше! Я не могу жить, чтобы хоть немного не надѣяться увидѣть ее!.. И я ее увижу! да!.. И ты... ты, Ива, мнѣ это устроишь!..

Ива остановился, опустилъ руки, открылъ ротъ, но ничего не сказалъ отъ удивленія.

— Ты удивленъ?—спросилъ Журинъ,—а между тѣмъ, ты это сдѣлаешь!.. Какъ другъ, сдѣлаешь!

Ива, по добротѣ своей прекрасной души, никогда въ жизни не зналъ, что значитъ отказать и очень рѣдко,—что значитъ противорѣчить; поэтому онъ, не вѣря теперь въ то, какъ онъ можетъ это сдѣлать,—объ этомъ и спросилъ, сказавъ:

— Какъ-же я это сдѣлаю?

— Очень просто,—сказалъ Журинъ.

— Просто? Но скажи-же, какъ это просто?

— Ты приведешь ее ко мнѣ!..

Ива отступилъ отъ него съ испуганнымъ лицомъ и осторожно и даже тихо, хотя кругомъ никого не было видно, переспросилъ:

— Я приведу ее къ тебѣ?

— Да!—твердо отвѣтилъ Журинъ.

— Фу-фу-ффу-у-у-у!.. — сказалъ Ива, такъ какъ больше

ничего не пришло ему въ этотъ мигъ на умъ, а противорѣчить онъ не любилъ.

— Ты пойдешь къ генералу, возьмешь Лизу, скажешь ей, что я хочу ее видѣть, она, вѣроятно, также захочетъ видѣть меня, и ты ее приведешь къ тому мѣсту, гдѣ я ее буду ожидать!

— Но вѣдь онъ можетъ и тебя и меня повѣсить!.. или... или разстрѣлять въ лучшемъ разѣ...—нетвердо вымолвилъ Ива.

— Нѣтъ, братъ, это у васъ на кораблѣ можетъ быть и лишаютъ жизни солдатъ безъ суда, но все-же при явномъ сопротивленіи власти, а здѣсь... это дѣло частное...

— Но, однако-же, мы идемъ супротивъ генерала! Мы, рядовые!

— Да, противъ его желанія, разумѣется, но желанія, не касающагося службы!.. Наконецъ, я не могу больше! Это выше моихъ силъ! Вѣдь я не камень, въ самомъ дѣлѣ!.. Если ты не поможешь мнѣ увидѣть ее, я самъ... я готовъ надѣлать глупостей, изъ которыхъ для меня и для нея путнаго ничего выйти не можетъ!..

— Не горячись, не горячись!.. Ты подумай: чтобы она прошла къ тебѣ незамѣтно, нужна темень, ночь!.. А тутъ, въ этомъ противномъ Архангельскѣ въ настоящее время о ночи и представленія яснаго не имѣютъ!.. Свѣтло одинаково почти всѣ 24 часа!..

— Все это — препятствія, съ которыми приходится мириться. Ну, слушай. Мнѣ отказали отъ дома, такъ?..

— Такъ.

— А вѣдь тебѣ и не отказывали?

— Нѣтъ.

— Ну, ты завтра-же и отправляйся къ генералу.

— Я?..—Ива совсѣмъ испугался,—я отправлюсь? Да онъ меня выгонитъ вонъ!.. Да и какъ я пойду... мнѣ неловко, послѣ отказа тебѣ. Обида тебѣ распространяется и на меня...

— За это я тебя уже благодарилъ, и не нарывайся на новыя благодарности. И это оставь!.. Ты считаешься вхожимъ

въ домъ и слѣдственно имѣешь полное право пойти туда, и ты пойдешь!.. Ужь повѣрь мнѣ, что пойдешь!..

Ива молчалъ и моргалъ глазами. Журинъ продолжалъ:

— Ну, давай держать пари, что пойдешь!.. Не завтра,— ну послѣ завтра пойдешь... вѣдь пойдешь, да?..

— По... пойду...—отвѣтилъ Писакинъ.

Журинъ слегка поморщился.

— И что у тебя, Ива, за прескверная манера: на все соглашаться! Ну, хоть-бы когда-нибудь отказалъ! Хоть-бы когда-нибудь поспорилъ для приличія...

— Я никогда товарищу не отказываю!.. Да я не умѣю!— сознался онъ, наконецъ...—Ну говори, что-же я долженъ дѣлать?

— На первый разъ ничего особеннаго: ты ее увидишь, и мнѣ будетъ казаться, что я ее увидѣлъ!.. Ты поговоришь съ ней отъ моего имени, и я буду счастливъ!.. Ты скажи ей, что я ее люблю... еще больше люблю. Ты скажи ей, какъ я мучусь, какъ я обиженъ, какъ я страдаю!.. И если она отвѣтитъ тебѣ что-либо на это, хоть одно слово утѣшенія,—ты запомни это слово и бѣги сюда и обрадуй своего друга, который тебя очень любитъ, хотя и злоупотребляетъ твоей добротой.

И Журинъ, во все время этой задушевной тирады, держа Иву за плечи и ласково глядя ему въ глаза, привлекъ его къ себѣ и горячо поцѣловалъ.

Въ это время послышался сбоку шумъ ѣдущаго экипажа. Товарищи взглянули въ сторону шума и увидѣли, что по направленію къ городу мчится четверкой рыдванъ, а въ немъ сидитъ Штейнъ.

Солдаты сняли шапки передъ генераломъ и вытянулись. Поровнявшись съ ними, рыдванъ остановился, и генералъ поманилъ рядовыхъ къ себѣ рукою.

Слегка встревоженные, они поспѣшили подбѣжать къ нему, держа шапки въ рукахъ. Генералъ вылѣзъ изъ экипажа и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу.

— Надѣньте шапки,—сказалъ онъ.

Солдаты повиновались.

— Гуляете?—спросилъ генералъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство,—громко и смѣло отвѣтили оба.

— Да-да! Денекъ выдался... славный денекъ!..

— Точно такъ,—крикнулъ Ива.

Генералъ улыбнулся.

— Да вы не того... я вѣдь приватно. Вы стойте вольно! Я очень радъ, что васъ вижу, — ласково сказалъ генералъ, — привыкъ вѣдь я васъ у себя видѣть, полюбилъ васъ,—онъ бросилъ ласковый взглядъ и на Журина и продолжалъ:—но что-же дѣлать! У меня свои мысли, свои взгляды, а у Ильи Павловича свои... Чтожъ дѣлать!.. Вы вѣрно знаете?—спросилъ онъ Иву.

— Да... да!—тихо отвѣтилъ Ива и такъ переконфузился, какъ-будто самъ сдѣлалъ какую-нибудь ужасную гадость.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!.. Конечно, товарищи... подѣлились горемъ, извѣстно!.. Ну, чтожъ дѣлать? Постарайтесь забыть ее... что, не забыли еще?..

— Нѣтъ! — твердо отвѣтилъ Журинъ,—и никогда не забуду.

— Нѣтъ-нѣтъ,—мягко сказалъ генералъ, махнувъ рукой,— забудете, потому что *надо* забыть... молодость, вотъ и кажется, что... тово... будто все вѣчно любить будете... Хе-хе!.. Нѣтъ, молодой человѣкъ, не мы должны подчинять себѣ обстоятельства, а обстоятельства подчиняютъ насъ себѣ!.. И поймите, поймите, что иначе и быть не можетъ!

Онъ взялъ его подъ руку и слегка отвелъ въ сторону, еще мягче заговоривъ, какъ-бы конфузясь и глядя въ землю:

— Вы извините, что я рѣзко обошелся съ вами... ужь очень удивили вы меня!.. И... неожиданно все это!.. Теперь я все обдумалъ и скажу вамъ: нельзя!.. Поймите вы, что нельзя!.. И вѣдь, что принималъ я васъ у себя и вашего товарища,—и это нельзя. Вѣдь все это станетъ извѣстнымъ тамъ, въ Петербургѣ, но неизвѣстно, какъ еще взглянутъ на это!.. А если-бы я отдалъ вамъ свою дочь... вѣдь люди злы... и разные люди

есть! Могли-бы меня обвинить, что я вамъ явно покровительствую! Могли-бы донести, понимаете, со зла донести, что я солидаренъ съ вами въ мысляхъ, хотя, конечно, у васъ дурныхъ мыслей и нѣтъ, и я уже отписалъ объ этомъ, но... каждый человѣкъ имѣетъ враговъ, а враги на пакости тароваты!.. Да кромѣ того, молодой человѣкъ, вотъ вамъ писалъ папаша, что изъ любви-же къ вамъ не захотѣлъ видѣть васъ въ солдатской шинели... Вы... вы прекрасный человѣкъ!... Прекрасный, но вы—рядовой солдатъ... А развѣ мнѣ пріятно было-бы видѣть свою дочь за простымъ солдатомъ?.. Вѣдь я тоже люблю свою дочь, не меньше, чѣмъ васъ любитъ вашъ батюшка, и я также... такой-же генералъ, какъ и вашъ отецъ!.. Тоже заслуженный, могу сказать... боевой: у меня шесть ранъ, молодой человѣкъ!.. Ну, да не о заслугахъ моихъ теперь рѣчь!.. Такъ-то! Такъ-то!... Мы должны подчиниться обстоятельствамъ!.. Я... я дочкѣ ничего и не говорилъ обо всемъ этомъ, такъ лучше: скорѣе забудетъ васъ... Она и не знаетъ, отчего вы не ходите, быть-можетъ думаетъ, что васъ и въ Архангельскѣ нѣтъ теперь, что вы уѣхали... и даже не рѣшается спрашивать меня объ этомъ... Она... даже и о декларацiи вашей не знаетъ!..

Журинъ вздохнулъ...

— Не печальтесь, молодой человѣкъ! Время—лучшій лѣкарь!.. Скучаете?.. скука пройдетъ,—на то и молодость!.. И другъ вашъ скучаетъ? А вы вотъ что: отпустите его къ намъ. Г-нъ Ива, хотите, поѣдемте со мной къ намъ? Кстати, вамъ есть письмо; хотѣлъ отослать, а теперь сами возьмете.

Ива стоялъ очень удивленный неожиданнымъ предложеніемъ и съ недоумѣніемъ обратилъ взоръ къ своему товарищу.

— Поѣзжай!—только сказалъ Журинъ.

— Я поѣду... съ удовольствіемъ поѣду,—поспѣшилъ отвѣтить Ива.

— Не печальтесь,—съ чувствомъ пожимая руку Журина, сказалъ ему генералъ,—все пройдетъ,—и направился къ рыдвану,—полѣзайте,—сказалъ онъ Писакину, который легко вскочилъ въ экипажъ и усѣлся на переднее сидѣніе.

— Нѣтъ-нѣтъ! — проговорилъ Штейнъ, кряхтя взлѣзая за нимъ,—садитесь со мной... рядомъ садитесь!

— Неловко, ваше превосходительство: сейчасъ городъ, тамъ солдаты, офицеры ходятъ, горожане и... неловко: солдатъ и вдругъ рядомъ съ генераломъ!

— Э! ничего!.. ничего, садитесь!..—И генералъ махнулъ рукой.

Молодой человѣкъ, пожавъ плечами, повиновался, проронивъ:

— Я-бы и тамъ...

— Ничего! сойдетъ! Вѣдь и мнѣ неловко такъ-то ѣхать съ вами,—возразилъ генералъ и, приказавъ кучеру трогаться, еще разъ обратился къ Журину и сказалъ:—не печальтесь!

Экипажъ тронулся. Ива съ печалью посмотрѣлъ на Журина и долго не спускалъ съ него своего взгляда.

Грустно, медленными шагами направился Ильюша въ городъ, прошелъ глухими улицами къ себѣ на квартиру и, усталый, грохнулся на постель.

Тяжело было у него на душѣ! Онъ зналъ, что генералъ по своему правъ, и очень цѣнилъ его послѣднюю ласку и даже ощущалъ нѣчто въ родѣ угрызеній совѣсти, но въ то-же время, съ досадой вспоминая обиду отъ своего положенія вообще, пріемъ у генерала и нѣкоторыя изъ-только что слышанныхъ фразъ его,—чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что его существо унижено, самолюбіе задѣто и даже честь оскорблена!.. Спазмы давили горло, грудь надрывалась!..

Онъ прошепталъ со стиснутыми зубами:

— Что дѣлать?!.. Что-же дѣлать, если я ее тàкъ люблю!.. тàкъ люблю...

И глухо зарыдалъ...

XI. ВОЕННЫЯ ХИТРОСТИ.

Пріѣхавъ къ своей квартирѣ, генералъ проводилъ Иву въ гостиную, а самъ прошелъ далѣе во внутреннія комнаты.

Ива, оставшись одинъ, почувствовалъ себя очень неловко и обдумывалъ планъ своихъ дѣйствій относительно порученной ему Журинымъ миссіи.

«Какъ я ей скажу? — думалъ онъ, — и удастся-ли еще остаться съ ней наединѣ?»

За такими мыслями засталъ его вышедшій со своей дочерью генералъ и весело сказалъ, указывая на Иву:

— Вотъ, Лиза, привезъ гостя; совсѣмъ забылъ нашъ домъ! Возгордился что-то!..

— Здравствуйте, — сказала Лиза, подавая гостю руку, — что это вы въ самомъ дѣлѣ не жалуете насъ своимъ посѣщеніемъ? Намъ очень безъ васъ скучно!..—Лиза сдѣлала надъ собой очевидное усиліе и начала:—А гдѣ-же вашъ...

Но генералъ сейчасъ-же перебилъ ее:

— Лиза, проси въ столовую. Кажется, самоваръ уже подали.

— Прошу васъ!—сказала Лиза, замѣтно покраснѣвъ.

Ива, вглядѣвшись въ ея лицо, замѣтилъ большую въ ней перемѣну: глаза стали особенно печальными, а подъ ними легли темные круги,—слѣдъ безсонныхъ ночей; лицо осунулось.

Они вошли въ столовую и, когда всѣ разсѣлись, Лиза снова спросила:

— Отчего-же вы не заходили?

Генералъ насупился, и Ива, въ замѣшательствѣ, отвѣтилъ:

— Такъ... знаете то да сё... занятія...

— Теперь онъ часто будетъ заходить... успокойся,—сказалъ генералъ,—ну, разливай чай.

Лиза по натурѣ такъ-же, какъ и ея возлюбленный, была настойчива и даже нѣсколько упряма,—конечно, не въ такой степени, какъ онъ,—а такъ какъ о Журинѣ ей «офиціально» ничего не было извѣстно, то она нашла все-таки нужнымъ спросить Иву:

— А что-же вашъ товарищъ? Отчего его нѣтъ?

Генералъ задвигался и закряхтѣлъ. Ива чувствовалъ себя ужасно.

— Онъ... онъ...—началъ Ива, но генералъ опять перебилъ его, самымъ рѣшительнымъ образомъ бросивъ ему многозначительный строгій взглядъ, и проговорилъ:

— Онъ переведенъ на Уралъ!.. На другой день, какъ былъ у насъ, и выѣхалъ... хотѣлъ заѣхать попрощаться, да не удалось: служба-съ!.. строгости!..

Лиза чувствовала «какъ онъ уѣхалъ», такъ какъ видѣла Журина днемъ въ день его предложенія черезъ окно, но все-же обратила удивленный взоръ къ Ивѣ.

— Да... да... да, онъ уѣхалъ,—бормоталъ Ива подъ гипнозомъ генерала,—уѣхалъ... очень жалѣлъ!..

— Ну, теперь вы чаще будете посѣщать насъ,—прекрасно владѣя собой и желая казаться равнодушной въ присутствіи отца, тактику котораго поняла, отвѣтила Лиза,—вѣдь времени у васъ свободнаго довольно, хотя вы и увѣряете, что чѣмъ-то заняты.

— Да, конечно, онъ будетъ заходить чаще,—сказалъ генералъ, довольный, что его «маневръ» удался.

— Благодарю васъ,—поклонившись, сказалъ Ива.

— Отчего-же его такъ неожиданно перевели?—спросила его Лиза, передавая ему стаканъ чая.

— Такъ... ээ... взяли да и перевели, — лепеталъ Ива и сталъ разсматривать скатерть, на которой теперь даже и крошекъ отъ хлѣба не было, которыми онъ часто любилъ заниматься,—и даже... даже странно, что его перевели...

— Это дѣло высшаго начальства, матушка моя,—сказалъ генералъ, потягивая дымъ изъ трубки,—а дѣйствія начальства намъ обсуждать не годится... а причины намъ неизвѣстны! Былъ приказъ перевести, мы и перевели, отправили его... ну, и дѣло съ концомъ!..

Послѣ послѣдней фразы генерала разговоръ и не продолжался относительно Журина, такъ какъ фраза эта по тону, какимъ была произнесена, служила сигналомъ прекратить разговоръ въ этомъ духѣ.

Стали говорить о далекомъ Петербургѣ, стали завидовать

людямъ, которые тамъ живутъ, и о прочемъ, не такъ интересномъ, какъ для Лизы, такъ и для Ивы, который ужь потерялъ надежду передать ей хоть слово отъ Журина. Сѣли ужинать, а генералъ все присутствовалъ и болталъ.

Время шло быстро за ничего незначущимъ разговоромъ, и Ива уже чувствовалъ, что ему пора и откланяться.

Онъ съ тяжелымъ вздохомъ разочарованія поднялся съ своего мѣста и сталъ прощаться.

— Да!—вспомнилъ генералъ,—про письмо-то ваше я и позабылъ... Семенъ! а Семенъ!—позвалъ онъ слугу.

— Здѣсь, ваше превосходительство! — отчеканивая каждое слово, выкрикнулъ Семенъ, появляясь изъ-за двери.

— Тамъ на столѣ справа, въ кабинетѣ, лежитъ пакетъ, принеси сюда.

— Слушаю-съ!—и слуга ушелъ.

Наступило молчаніе.

— Ну что?..—крикнулъ изъ столовой генералъ.

Слуга появился, держа большой пакетъ въ рукахъ.

— Это, ваше превосходительство?—спросилъ онъ.

— Да нѣтъ! маленькій пакетъ, лежитъ справа...

— Никакъ нѣтъ! Другихъ пакетовъ тамъ нѣту,—отвѣтилъ Семенъ.

— Какъ нѣтъ? справа... да!..—онъ хлопнулъ себя по лбу,— я нарочно спряталъ его въ ящикъ, чтобы какъ-нибудь не затерялся... Сейчасъ, одну минуточку повремените!..

И генералъ быстро вышелъ изъ столовой. Семенъ за нимъ.

Времени терять было нельзя, и Ива хотѣлъ сказать что-то Лизѣ, но пока собрался, она сама порывисто подошла къ нему, схватила и сжала его руку и страстнымъ шопотомъ заговорила:

— Я знаю... онъ здѣсь!.. все знаю...

— Онъ... онъ... вамъ кланяется... — сконфуженно успѣлъ пробормотать Ива.

— Передайте,—быстро продолжала Лиза,—что я... люблю, люблю его... еще больше люблю!.. Ночей не сплю!.. Я помню

клятву!.. А онъ... онъ любитъ?.. Говорите, говорите скорѣе... Отецъ идетъ...

— Онъ... очень... очень!..—неловко, но съ чувствомъ сказалъ Ива.

Вошелъ генералъ.

— У васъ и отецъ и мать?.. Это они вамъ пишутъ?—спокойно спросила Лиза.

Ива невольно удивился ея хладнокровію и умѣнію подчинять свои чувства необходимости.

— Да... да, и отецъ, и мать, и братъ, морской офицеръ...—отвѣтилъ онъ,—ну, мнѣ пора!.. покойнаго сна!.. покойнаго сна, ваше превосходительство.

Ива взялъ принесенное генераломъ письмо и, раскланявшись, удалился.

Выйдя на улицу, онъ, обрадованный послѣднимъ инцидентомъ, бѣгомъ пустился къ своей квартирѣ, весь охваченный жаждой подѣлиться впечатлѣніями своего пребыванія у генерала и обрадовать друга, который въ тоскѣ и ожиданіи метался по комнатѣ, не зная какъ убить время.

Но вотъ кто-то бѣжитъ!.. Журинъ въ окно увидѣлъ Иву. Еще моментъ, дверь скрипнула, щелкнула, и, ворвавшійся радостный Ива очутился въ объятіяхъ своего товарища, все время повторяя:

— Поздравляю!.. Какъ она тебя любитъ! Боже мой! Какъ она тебя любитъ!!..

— Ну, садись, садись,—все еще обнимая его, ласково говорилъ Журинъ, усаживая Иву рядомъ съ собой,—разсказывай все, все по порядку... ну, скорѣе!..

И Ива все разсказалъ, не упустивъ ни малѣйшей подробности, и даже то, что не имѣло никакого отношенія къ любви его друга, но онъ чувствовалъ, что все, касавшееся даже квартиры, гдѣ живетъ Лиза, будетъ пріятно Ильюшѣ,—и онъ не ошибся!.. Журинъ, не проронивъ ни единаго слова, слушалъ и слушалъ Иву и, когда онъ кончилъ, снова переспрашивалъ его о томъ, что ему было уже извѣстно.

Наконецъ, онъ далъ ему покой, во время котораго Ива могъ прочитать, что ему пишутъ родные съ юга Россіи изъ-за тысячъ верстъ отъ него.

Оба веселые и оба счастливые этимъ днемъ, друзья поздно улеглись, наконецъ, на свои постели. Первый заснулъ Ива, а Журинъ, проворочавшись съ боку на бокъ почти всю бѣлую сѣверную ночь, сталъ дремать только тогда, когда Ива вставалъ уже на ученіе, или на «военную экзерсицію», какъ тогда оно называлось.

— Ты не спалъ?—тревожно спросилъ Ива...

— Да, только-только задремалъ... вотъ теперь заснулъ-бы!

— Такъ ты спи... я какъ-нибудь тебя выгорожу: скажу, что ты внезапно заболѣлъ!.. не безпокойся,—жалостно глядя на него, сказалъ Ива...

— Спасибо, другъ!.. но нѣтъ!.. надо идти: могутъ прислать лѣкаря, и тебѣ-же достанется за обманъ. И такъ мы должны быть благодарны, что живемъ-то на вольной квартирѣ...

— Да-а... все-же тяжела наша жизнь!—вздохнулъ Ива.

— Но мнѣ теперь легче,—сказалъ Журинъ, одѣваясь:—вѣдь не сошли меня сюда, я-бы и не встрѣтилъ Лизу...

— А я тебя!—отвѣтилъ Ива.

Оба весело улыбнулись и бодро направились на «экзерсицію».

XII. ТАКТИКА ЛЮБВИ.

Лиза отличалась удивительнымъ сходствомъ со своей матерью, урожденной княжной Пирятиной, какъ по наружности, такъ и по своимъ внутреннимъ качествамъ и даже кое-какими недостатками, безъ которыхъ, впрочемъ, ни одного человѣка на свѣтѣ Божіемъ не было и не будетъ. Ростъ, фигура, цвѣтъ волосъ и темносиніе большіе вдумчивые глаза подъ тонкими, красиво изогнутыми бровями и окаймленные пушистыми густыми рѣсницами, болѣе всего напоминали генералу его покойную жену. Сдержанность, умѣніе владѣть собой при необходимости и крайнюю доброту души она также унаслѣдовала отъ матери

вмѣстѣ со вспыльчивостью, которая, однако, рѣдко проявлялась. Рѣшительность и настойчивость, граничившія часто съ упрямствомъ, проявляемыя ею пока въ мелочахъ, были природными качествами ея отца.

За послѣднее свое качество, граничившее пока только съ капризами, она была прозвана своей няней, старухой Потаповной, няньчившей и носившей на рукахъ еще ея мать,—«упрямкой».

Потаповна очень гордилась, что принадлежала ранѣе къ крѣпостнымъ людямъ князей Пирятиныхъ и держалась нѣсколько свысока между дворовыми и челядинцами генерала Штейна.

Потаповна, съ тѣхъ поръ, какъ была отказана отъ дома m-lle Marthe, стала единственнымъ существомъ, которому Лиза могла открывать свою душу и съ которымъ могла дѣлиться своими горестями и неудовольствіями, но и то, впрочемъ, тогда, когда Потаповна, замѣтивъ «облачко печали» на лицѣ своей любимицы, сама разспрашивала ее о причинѣ ея грусти.

Потаповна искренно и глубоко любила Лизу и особенно радостно стала проявлять свою преданность именно съ тѣхъ поръ, какъ m-lle Marthe оставила генеральскій домъ.

— Грѣшу,—говаривала старуха,—знаю, что хорошая она, мамзель эта самая, а вотъ поди-жъ ты, не лежитъ близко къ ней сердце,—или потому, что какъ вошла она въ домъ, такъ все съ Лизуткой да съ Лизуткой!—совсѣмъ ее къ своимъ рукамъ прибрала, мнѣ и походить за ней, моей касатушкой, не дастъ,—или—за то, что иноземка она хранцузская, изъ Приша (Парижа) города, сказываютъ,—басурманка; по-нашему, по-православному и словечка не можетъ вымолвить,—видно не умудрилъ Господь,—все по-своему лопочетъ: «жу-жу-жу», да «се-се-се»,—да таково быстро лопочетъ, что и невдомёкъ мнѣ о чемъ она бобы-то разводитъ съ моей касатушкой, може о дурномъ чемъ? Какъ ни слушала я, ну ни единаго путнаго слова уловить не смогла!.. Може дурному чему учитъ ее: вѣдь они безбожники, сказываютъ, хранцузы-то эти самые: царя, вишь, свово прогнали, а Наполіёна посадили замѣсто его, а Наполіёнъ извѣстно какой царь?—разбойникъ да и только!..

Такъ среди дворни въ свободный вечерокъ разсуждала Потаповна. Но когда m-lle Marthe ушла, старуха совсѣмъ успокоилась и съ особенной любовью стала ухаживать за своей «касатушкой» . . . . . .

. . . . . .

Когда Журинъ подходилъ къ крыльцу дома генерала Штейна съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе, или «декларацію», какъ тогда оно называлось, Лиза и сзади нея, въ глубинѣ Потаповна, стояли у себя въ комнатѣ и обѣ видѣли молодого человѣка сквозь окна передней.

— Ну, что у окна стоишь-то?..—спросила Потаповна,— да глазѣешь на него... и чего это ёнъ въ такую ранъ къ батюшкѣ твоему жалуетъ?

Но такъ какъ Лиза не отвѣчала, старуха подошла къ окну и здѣсь только увидѣла происшедшую въ своей питомицѣ перемѣну.

— Батюшки свѣты мои!! — всплеснувъ руками, вскрикнула она,—святые угодники!.. Да что это съ тобой, касатка?.. Сумлѣла вся, руки трясутся... побѣлѣла!.. Иди, иди, сядь тутотко... Чтожъ молчишь-то, а?.. сказывай!.. На, испей водицы да сказывай мамушкѣ, что-й-то съ тобой приключилося?

Лиза, потупившись, молчала и только рукой старалась уменьшить біеніе своего сердца, а потому старуха, суетясь, продолжала уже болѣе сердито и строже:

— Вѣдь ишь ты упрямка какая!!.. а?.. и впрямъ упрямка! Молчитъ и на̀ тебѣ—а ни слова!.. Сказывай-сказывай, что съ тобою? не скажешь, ей-ей, батюшкѣ твоему енаралу нажалуюсь. Ну?—и старуха стала трясти ее за руку.

— Я люблю его,—рѣшительно сказала Лиза.

Старуха выпустила ея руку изъ своихъ и дрожащею рукой перекрестилась.

— Святъ! святъ!.. Никакъ я ослышалась?.. Что болтаешь-то?

— Я его люблю!—твердо повторила барышня.

— Какъ такъ любишь,—переспросила Потаповна,—Господь всѣхъ велѣлъ любить...

— Нѣтъ, — отвѣтила Лиза, — я его по другому люблю!.. Очень люблю, горячо... всѣмъ сердцемъ, всѣмъ моимъ разумомъ!.. Ахъ, мамушка, еслибъ ты знала, какъ я люблю его... какъ люблю!!..

Старуха сидѣла, опустя руки, и не знала, что ей и возражать. Она отлично по тону понимала «какъ» ея барышня любитъ, но для «приличія» старалась не вѣрить.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— И онъ меня любитъ... очень любитъ!—сказала Лиза,— онъ будетъ моимъ мужемъ! Онъ теперь пошелъ, знаешь, мамушка, зачѣмъ?..

— Зачѣмъ?—спросила Потаповна уныло.

— Декларацію мнѣ дѣлать черезъ батюшку.

Старуха замахала руками, быстро заговоривъ:

— Киштъ! Киштъ!.. Что-й-то выдумала!.. Солдата простого полюбила!.. И думать не моги! Да его батюшка, коли ежели ёнъ что такое... такъ его батюшка слугами выгонитъ, вотъ вспомянешь мое слово!.. Тебя, боярышню княжескаго рода!..

— Онъ хоть и солдатъ, а бывшій офицеръ!.. Это такъ теперь...

— Молчи-молчи!.. Выбрось это изъ головы!.. А ёнъ-то!.. я его еще жалѣла! Думала, ёнъ хорошій!.. Бездольный, думаю, сирый!.. на чужой сторонѣ одинъ-одинёшенекъ! А ёнъ нà— поди!.. туда-же!.. Будто и взаправду благородный!!.. Мать Пресвятая Богородица!.. И какъ не боится-то!.. Да батюшка твой на плаху его пошлетъ, коли схочетъ!

Но Лиза вдругъ расхохоталась.

— Ну, мамушка, плахи теперь нѣтъ на Руси, и за такія дѣла на плаху не посылали! И кромѣ того, онъ—не будто благородный, а самый благородный! И отецъ его генералъ, и дѣдъ генераломъ былъ! И столбовымъ дворяниномъ рожденъ!..

— А ёнъ солдатъ!!—зло перебила старуха,—значитъ, такъ и слѣдоваетъ! Царь-отъ знаетъ, что дѣлаетъ!.. И не моги и думать! И не смѣй!.. Упрямка!.. Ты дитё еще!.. Выдумщица!..

— Нѣтъ я выйду, выйду за него! Вотъ увидишь!

Лизѣ почему-то было весело, хотя сердце тревожно колотилось въ груди.

Но когда Журинъ, опечаленный и разстроенный, вышелъ изъ дома, Лиза *все* поняла, и отъ напряженія и быстрой перемѣны впечатлѣній съ ней сдѣлалась въ легкой степени истерика: она упала на диванъ и, судорожно вздрагивая, зарыдала, ударяя себя въ грудь, гдѣ больно сжималось ея сердце!..

Потаповна забѣгала, позвала горничныхъ и перенесла ее на кровать.

Наружно Лиза скоро успокоилась, и старуха, мягко уже, сказала ей:

— Вишь, по-моему вышло: и думать не моги. Не пара ёнъ тебѣ.

Но Лиза ничего не отвѣтила.

Прошло пять дней послѣ «декларацiи», такъ печально кончившейся. Лиза сидѣла и что-то писала. Потаповна молча стояла подлѣ нея. Долго писала Лиза,—долго стояла старуха. Наконецъ, она не выдержала и спросила:

— Что царапаешь-то?.. Молчитъ!.. Экъ! упрямка, прости Господи!.. Сказывай, кому грамотку пишешь? а?.. Ну, такъ я батюшкѣ скажу!..

Старуха для вида пошла къ двери. Лиза посмотрѣла ей вслѣдъ и, когда Потаповна въ слѣдующей комнатѣ остановилась, для вида-же шлепая на одномъ мѣстѣ ногами, чтобы можно было подумать, что она идетъ, — Лиза, улыбнувшись, лукаво спросила ее:

— Что-же ты? Вѣдь такъ далеко не уйдешь?

Старуха совсѣмъ озлилась и ринулась дальше.

— Стой! стой!—закричала Лиза.—Иди сюда, скажу! Ну, иди-же...

— То-то!—самодовольно буркнула Потаповна, — «скажу». Ну, сказывай... кому грамотка-то?

— Ну, какъ ты думаешь?—отвѣтила Лиза,—ну, конечно, ему!

— «Ему», а кто ёнъ-то?—спросила старая, прикидываясь «незнайкой».

— Журинъ, — спокойно отвѣтила Лиза, а такъ какъ «незнайка» стояла и сопѣла носомъ, дѣлая недоумѣвающее лицо, то барышня сейчасъ-же пояснила, прибавивъ:—рядовой солдатъ Архангельскаго гарнизона.

— Такъ это ты ему грамотку хочешь послать?

— Ему, ему! Потому что люблю и всегда, всегда любить его буду, а ты сейчасъ эту самую грамотку ему и отнесешь!

Старуха сначала совсѣмъ испугалась, а затѣмъ не на шутку разсердилась:

— Что? Я понесу грамотку? я? Да что я—дѣвка безкосая, чтобы шмыгать тебѣ съ грамотками?.. Вотъ еще батюшкѣ пожалуюсь! Не понесу тебѣ! Коли хошь, посылай дѣвокъ, а я все-жъ скажу тебѣ: не дѣло это, не думай объ этомъ:—грѣхъ!..

Но Лиза не хотѣла посылать горничныхъ, такъ какъ ни съ кѣмъ изъ нихъ никогда не откровенничала,—посвящать-же ихъ теперь, ради «грамотки», въ свои сердечныя дѣла, она считала и унизительнымъ, и небезопаснымъ. И какъ она ни упрашивала старуху, та твердила одно:

— Не понесу, не понесу!.. И думать не моги!.. Я за тебя отвѣтъ Богу давать буду!.. Что я тогда Ему скажу? а? Не понесу!

И вѣдь не понесла!.: Пришлось разорвать длинное письмо.

И даже тогда не сжалилась старуха, когда на вопросъ ея, отчего Лиза не спитъ по ночамъ да мучается, да плачетъ, получила отвѣтъ:

— Оттого, что не хочешь нести грамотку!.. Когда понесешь, перестану плакать, перестану мучиться и спать буду хорошо!

Но старуха твердила одно:

— И жаль мнѣ тебя, а все-жъ грамотку не понесу: и отвѣтъ Господу давать должна, и супротивъ твово отца-батюшки идтить мнѣ не годится, не приходится! Всѣ ему служимъ и почитать его должны! Такъ-то, касатушка моя!

«Касатушкѣ» волей-неволей и скрѣпя сердце пришлось согласиться съ доводами старухи и все время до визита Ивы томиться въ полной неизвѣстности относительно своего возлюбленнаго. Да и визитъ добраго товарища Журина ничего почти не сказалъ ей, хотя все-же Лиза послѣ него чувствовала себя бодрѣе, и надежды, а порой и самыя радужныя мечты, вернулись къ ней и скрашивали ея непривѣтливое существованіе.

Ива, главнымъ образомъ по настоянію своего нетерпѣливо-влюбленнаго друга, сталъ чаще и чаще посѣщать генеральскую квартиру, находя въ ней настоящее русское гостепріимство и ласку. Ласка со стороны генерала распространялась даже до такой степени, что онъ ни на минуту не оставлялъ Иву наединѣ со своей дочерью, справедливо заподозривая коварные замыслы со стороны гостя, который, насколько могъ, дѣйствовалъ, конечно, не словами, а жестами руки, большей частью подъ столомъ во время чая. И этотъ жестъ былъ очень коротокъ и имѣлъ цѣлью лишь передать письмо какъ со стороны Ивы, такъ и со стороны Лизы.

Вотъ нѣкоторыя ихъ письма.

«Жизнь моя, Лизочка!

«Ива передалъ мнѣ твои золотыя слова, которыя я выучилъ наизусть и всегда-всегда повторяю. Ива вчера первый разъ былъ у васъ и сегодня уже я пишу тебѣ, хотя не знаю, когда онъ еще отправится къ вамъ. Онъ сдѣлался упрямымъ и сегодня ни за что не хочетъ идти, боясь надоѣсть генералу. Впрочемъ, я шучу!.. Это лучше,—иначе твой отецъ можетъ заподозрить его въ «парламентерствѣ» и ему отказать отъ дома, а тогда я съ ума сойду отъ тоски по тебѣ, моей любимой, и не смогу даже писать тебѣ!.. Во всякомъ случаѣ скоро отправлю Иву. Цѣлую тебя несчетно разъ и еще разъ клянусь любить вѣчно! Я чувствую, что любовь моя къ тебѣ на вѣкъ! Это я впервые серіозно ощутилъ именно въ тотъ ужасный для меня день, когда я дѣ-

лалъ декларацію! Люблю, люблю и люблю!.. Чѣмъ-то кончится наша любовь?!..

«Твой на всю жизнь Илья Журинъ».

Юнь 1826 года.

«Радость моя, Ильюша!..

Боже мой! сколько тревогъ и волненій переживала я, когда Ива передавалъ вчера мнѣ твое письмо! Я вся трепетала изъ боязни, что батюшка замѣтитъ это!.. Но, слава Богу, онъ думаетъ, что я повѣрила твоему отъѣзду на Уралъ. Онъ и не подозрѣваетъ, что я все, все знаю!.. Посылаю тебѣ въ пакетѣ съ симъ письмомъ маленькій образокъ Господа Христа, — это еще бабушка-княгиня въ числѣ прочихъ привезла мнѣ изъ Кіева, когда ѣздила на богомолье. Молись и надѣйся. Можетъ-быть, Господь услышитъ наши молитвы, и простивъ нашу грѣшную противъ отца моего любовь, соединитъ насъ на вѣки! Ахъ! когда-же будетъ сіе, мой любимый, свѣтикъ мой!.. Когда я дождусь еще твоего Ивы, чтобы передать сіе письмо и получить еще отъ тебя. Но надо и этимъ быть довольнымъ. Потаповна все знаетъ, но носить писемъ ни за что не хочетъ!.. Вѣрь мнѣ, что и я люблю тебя всей душой, всѣмъ моимъ разумомъ и во вѣки любить буду!.. Сейчасъ ложусь спать и письмо прячу подъ подушку!.. Прощай, соколъ мой, прощай моя любовь!!..

«Твоя Лиза».

«Представь, Потаповна нашла сегодня утромъ это письмо у меня подъ подушкой, раскричалась и хотѣла нести батюшкѣ. Насилу-насилу уговорила ее. Ну, цѣлую тебя. Прощай. Буду ждать Иву. Когда-то онъ придетъ? А что-бы мы, бѣдные, дѣлали, если-бы и Ивы не было!? Кто-бы намъ сослужилъ такую службу. Ай-ай-ай!! подумать страшно! Спасибо Ивѣ!»

«Жизнь моя! Любовь моя Лизочка!!..

«Сто разъ перечитываю твои милыя строчки! Какъ я благодаренъ тебѣ, если-бы ты знала!! Знаешь, я боялся, что ты побоишься писать мнѣ. Спасибо, родная! Спасибо, жизнь моя, радость!!.. Пусть Богъ пошлетъ тебѣ всякія радости!! Я уже мо-

лился твоему образку, и мнѣ стало легче! Ива радуется, какъ и я! Какой онъ добрый, Лизочка! Вотъ истинный другъ, истинный товарищъ!!.. Знаешь, мнѣ, когда я молился, пришла въ голову мысль: хватило-бы у меня духа отказаться отъ тебя, если-бы ты нашла счастье съ другимъ! Да! при мысли о другомъ, у меня вся душа перевернулась, грудь сжалась больно и слезы выступили, но... все-же для твоего счастья я на все, на все готовъ! Если отецъ твой требуетъ и хочетъ это и если ты сама разсудишь, что я, солдатъ рядовой, не могу тебѣ счастье принесть, откажись отъ меня и будь счастлива!.. и забудь меня!!.. Не думай тогда, что со мною будетъ... потому что со мною ничего не будетъ, ибо и самъ я тогда не буду на свѣтѣ. Подумай и пиши! Иву пошлю какъ можно скорѣе. Пишу эти строки потому, что эта мысль не даетъ мнѣ покоя и значитъ она важная, если за молитвой пришла ко мнѣ. Рѣшай сама! Что будетъ угодно Богу, пусть такъ и будетъ!.. Люблю тебя, люблю все больше, больше!!.. Пиши, когда обсудишь хорошо все къ сему предмету касающееся.

«Твой несчастный Илья Журинъ».

Юня осьмнадцатаго 1826 года.

«Жизнь моя! радость моя, Ильюша!

«Какъ не грѣхъ тебѣ! Какъ у тебя рука повернулась писать такое?.. Какъ тебѣ не стыдно!.. Чтобы я, я, любимая тобою, отказалась отъ тебя! Ну, если-бы я знала, что ты меня вотъ ни столичко не любишь, тогда я и отказалась-бы въ угоду батюшкѣ и свою любовь схоронила-бы на вѣки-вѣчные!.. А то теперь, теперь!.. Ай-ай-ай!! Если удастся, скажу Ивѣ, чтобы пожурилъ тебя! И не думай объ этомъ, а я любить тебя всегда буду! Люби только ты меня!..

Прервала я письмо, потому батюшка нежданно вошелъ! Ой-ой-ой! что это онъ, ужь не думаетъ-ли чего, храни Господь! Хорошо, я догадалась книжицей письмо прикрыть, а Потаповна ужь знаетъ, что я пишу тебѣ,—Боже мой, какъ она съ испуга затряслася вся! Ну, все обошлось счастливо! Потаповна и ру-

кой на меня махнула, видитъ, бѣдная, что ничего изъ ея воркотни не выходитъ!.. Люби меня, милый, и надѣйся на Бога! А моя любовь къ тебѣ безъ предѣловъ навсегда!!.. Вѣрь и надѣйся!!.. Каждую ночь ты мнѣ снишься, голубь мой, и я цѣлую тебя и еще больше люблю тебя, если только можно любить больше!!.. Цѣлую несчетно, будь покоенъ!..

«Твоя на всю жизнь, Лиза».

«Родная моя! Радость моя!

«Не знаю, когда еще Ива пойдетъ къ вамъ, но когда прочтешь ты сіи строки, будь увѣрена, что тотъ день, когда я получилъ твое послѣднее письмо, былъ самый радостный изъ всѣхъ архангельскихъ дней моихъ! Я далъ тебѣ всю возможность отказаться отъ меня ради любви къ твоему родителю и къ счастью своему узналъ, что любовь твоя ко мнѣ выше любви родительской! Теперь слушай: намъ надо, надо видѣться. Если любишь, ты не откажешь мнѣ! Надо обо всемъ, обо многомъ переговорить, рѣшить то, что не могутъ сообщить эти холодныя строки! И неужели ты не хочешь видѣть меня?! Нѣтъ! если любишь, ты придешь. Слушай! Довѣрься во всемъ Ивѣ! Онъ—добрый, славный товарищъ. На другой день, послѣ того, какъ получишь сіе письмо,—на другой день старайся лечь спать поранѣе, чтобы и твоя Потаповна улеглась и ранѣе заснула... Хоть и бѣлыя ночи здѣсь, а все-же бываетъ часовъ въ одиннадцать немного сумрачно. Я вотъ что придумалъ. Немного минутъ за одиннадцать часовъ, Ива два раза стукнетъ тебѣ въ окно, что выходитъ на выгонъ. Если Потаповна будетъ не спать, ты не отвѣчай, и послѣ второго стука Ива уйдетъ, и свиданіе отложимъ мы на другой день. Если Потаповна спать будетъ, ты смѣло выходи въ окно, оно у тебя часто открыто и часто вмѣсто того, чтобы закрывать его ставнями, завѣшивается черной драпировкой. Такъ сдѣлай и теперь. Смѣло выходи въ своемъ платьѣ. На улицѣ все равно никого не будетъ. У Ивы будетъ моя сермяга и шапка; надѣнь ихъ, и незамѣтно онъ приведетъ тебя ко мнѣ. Сдѣлай это, радость моя, сдѣлай!!..

Если любишь, сдѣлаешь!!.. Больше ничего и писать не могу и думать ни о чемъ не могу!..

«Твой на всю жизнь Илья Журинъ».

Юля четвертаго, 1826 года.

Было 7-е іюля 1826 года. Сумерки сгущались надъ Архангельскомъ. Къ дому, занимаемому генераломъ Штейномъ, подошелъ солдатъ, держа что-то подъ полою своей сермяги. Оглянувшись во всѣ стороны, солдатъ юркнулъ за уголъ дома и два раза осторожно стукнулъ въ первое отъ угла окно. Выждавъ немного времени, онъ стукнулъ вторично, и сейчасъ-же завѣса, закрывавшая это окно, заколыхалась и съ боку ея вышла стройная дѣвичья фигура въ темномъ платьѣ. Фигура эта ловко соскочила съ подоконника прямо на руки солдата, который поспѣшилъ одѣть ее въ солдатскую шинель, а на ея голову—солдатскую шапку, и оба, не проронивъ ни слова, осторожными шагами вышли изъ-за угла и двинулись вдоль улицы. Повернули налѣво и, пройдя такъ шаговъ съ двѣсти,—вновь налѣво, но на бѣду свою увидѣли тарантасъ, запряженный парой свѣтлыхъ лошадокъ, направлявшійся быстро къ нимъ. Меньшая солдатская фигура спряталась за большую. Тарантасъ—все ближе, ближе, и вотъ ясно видно, что въ тарантасѣ сидитъ офицеръ. Передняя фигура остановилась и только хотѣла что-то сказать задней, какъ эта послѣдняя поспѣшно сдернула съ себя шапку и вытянулась, откинувъ голову назадъ. Видя такой примѣръ, и первая фигура, обнаживъ голову, вытянулась. Тарантасъ проѣхалъ мимо, и офицеръ лишь мелькомъ взглянулъ на солдатъ, махнувъ рукою передъ носомъ, какъ-будто отгоняя надоѣдливую муху. Сермяги двинулись быстрѣе. Вотъ уже домикъ съ дворикомъ, насаженнымъ деревцами, — цѣль ихъ путешествія. Вотъ они уже во дворѣ! Еще шагъ,—дверь въ переднюю открылась, и меньшая фигура очутилась въ объятіяхъ «третьяго» солдата.

— Боже мой! Боже мой! Умереть можно отъ счастья! — взволнованнымъ, сдавленнымъ голосомъ заговорилъ этотъ «тре-

тій»,—ты? ты у меня?.. И не побоялась?!.. Радость моя! Сокровище мое!

— Ничего я не боюсь, милый,—сказала Лиза, съ которой Ива уже снялъ сермягу и шапку,—ничего! Куда велишь, туда и пойду я за тобою!..

— Ну, идемъ ко мнѣ, къ намъ,—сказалъ Журинъ,—самоваръ готовъ! Ива, распоряжайся-ка!.. Ива! Ива!.. чѣмъ я отблагодарю тебя?!..

— Гдѣ это сахаръ запропастился?—вмѣсто отвѣта, спросилъ Ива, пыхтя и роясь въ шкапу.

Журинъ и Лиза, не стѣсняясь, сидѣли на диванѣ, крѣпко обнявшись, и, какъ говорится, не могли наглядѣться другъ на друга. Кромѣ словъ: «дорогая! милый! жизнь моя! радость!», произносимыхъ съ обычными въ такихъ случаяхъ рукопожатіями и сопровождаемыхъ многозначительными взглядами и вздохами,—они въ первое время ничего не могли произнести.

Выпивъ стаканъ чая, Ива, чтобы не мѣшать влюбленнымъ, вышелъ въ садъ.

Пошли жаркія объятія, поцѣлуи, но словъ было произнесено мало: Лиза спѣшила домой, боясь, что сумерки быстро пройдутъ, а Журинъ, раздѣляя вполнѣ ея опасенія и имѣя въ виду, чему она можетъ подвергнуться, въ случаѣ, если-бы ее хватились дома, не имѣлъ силы удерживать ее.

Молодые люди дали другъ другу слово дня черезъ два, а то и черезъ день, снова свидѣться.

Журинъ безъ шинели издали провожалъ Лизу и Иву.

Все обошлось благополучно. Потаповна спала преспокойнымъ образомъ.

Свиданія съ этихъ поръ пошли то черезъ день, то ежедневно. Извѣстно всѣмъ и каждому, что ничто такъ не раздражаетъ насъ, какъ поставленныя намъ препятствія и запрещенія, а особенно въ дѣлахъ любовныхъ. Извѣстно также, что при такихъ обстоятельствахъ люди, даже самые робкіе по натурѣ, дѣлаются мужественными и пренебрегаютъ запрещеніями, обхо-

дятъ препятствія и часто добиваются-таки своего, своей заранѣе намѣченной цѣли, а иногда даже въ пылу страсти и того, о чемъ и смутно не предполагали.

И вотъ, въ виду лишь только этихъ самыхъ препятствій, положенныхъ генераломъ, Ильюша Журинъ, въ одно изъ этихъ тайныхъ свиданій, пользуясь временнымъ отсутствіемъ Ивы изъ квартиры, въ порывѣ своей страсти, когда томительная любовь запросила у души какого-либо выхода, сталъ своимъ мастерскимъ краснорѣчивымъ языкомъ убѣждать Лизу, что если она его любитъ вѣчно и помнитъ свою клятву и что, если люди по своимъ предразсудкамъ разстраиваютъ ихъ счастье, омрачаютъ его и не соглашаются на ихъ соединеніе, то есть на небѣ Господь, который, видя ихъ чистыя сердца и ихъ искреннюю любовь другъ къ другу, въ своемъ великомъ и неизреченномъ милосердіи давно благословилъ ихъ чистую любовь и всегда благословитъ ихъ бракъ... .

Лиза въ душѣ чувствовала приблизительно то-же, но въ данный моментъ не такъ, быть-можетъ, увлеченная его доводами и взглядами, сколько убѣжденная своей любовью, именно въ силу этой любви, отвѣтила ему:

— Да вѣдь я вся твоя, мой милый! И честь и жизнь мою возьми, если надо! Для тебя я на все, на все готова! На всѣ жертвы!.. Тебя перваго и тебя послѣдняго люблю!..

И обвила его шею руками, и прильнула къ нему и стала цѣловать—цѣловать...

...Послѣдствіемъ этого послѣдняго свиданія особенно, и отчасти прочихъ—было то, что Ива, узнавшій обо всемъ, казался подавленнымъ и не высказывалъ своего мнѣнія по этому поводу; что Потаповна, узнавшая какъ-то отъ Лизы-же,—которая однажды при своемъ возвращеніи со свиданія неловко задѣла при прыжкѣ съ подоконника за кресло и поэтому разбудила старуху, — узнавшая, гдѣ она была и немного времени спустя по нѣкоторымъ очевиднымъ признакамъ догадавшаяся, что свиданія въ послѣднее время приняли черезчуръ серьезный оборотъ,—не находила себѣ мѣста отъ горя!—плакала, молилась

и, наконецъ, не вытерпѣла и, ворвавшись въ кабинетъ генерала, повалилась ему въ ноги и все, все разсказала ему.

Генералъ затрясся, побѣлѣлъ, хотѣлъ встать съ мѣста, но не могъ и еле слышно сказалъ:

— Воды!..

Потаповна принесла.

Генералъ прекрасно владѣлъ собой. Въ послѣднее время онъ сталъ особенно внимательно присматриваться къ дочери, но мелькавшія въ умѣ его догадки онъ съ отвращеніемъ прогонялъ прочь... и все-же сообщенное Потаповной извѣстіе поразило его, какъ никогда ничто въ жизни его не поражало — даже смерть его жены...

Да! Онъ прекрасно владѣлъ собой!.. Онъ сразу понялъ все и предвидѣлъ уже впередъ, что изъ его криковъ, гнѣва и проклятій ничего путнаго выйти не можетъ. Все это уже было поздно!..

— Дура!..—сказалъ онъ старухѣ,—не доглядѣла!..

— Казни меня, батюшка!.. Казни!..—валяясь въ ногахъ, вопила Потаповна.

— Ступай!..

Старуха не двигалась и продолжала ревѣть.

— Ступай, говорю!—повторилъ генералъ.

Старуха поднялась и, не ожидавшая такого конца, разочарованно пошлепала своими туфлями во-свояси.

— Семенъ!..—крикнулъ генералъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство!..—какъ изъ земли выросъ слуга.

— Ступай къ рядовому Журину и сообщи ему, чтобы, не медля ни мало, явился ко мнѣ! И Ива-Писакинъ! — прибавилъ онъ.

— Слушаю, ваше превосходительство!..

Семенъ ушелъ. Генералъ направился въ комнату дочери.

Лиза лежала на своей кровати лицомъ къ стѣнѣ. Потаповна сидѣла на полу въ ногахъ и продолжала плакать.

Генералъ постоялъ-постоялъ. Лиза не шевельнулась. Ста-

рикъ взглянулъ на образъ, перекрестился, вздохнулъ, покачалъ головой и тихо вышелъ обратно.

— Пришелъ Журинъ!—доложилъ черезъ нѣкоторое время Семенъ.

— Проси!

Генералъ сѣлъ за письменный столъ.

Журинъ вошелъ.

— Дѣло очень серіозное, хотя и приватное,—сказалъ генералъ, не подавая руки.

— Слушаю-съ,—стоя на вытяжку и смѣло глядя на генерала, отвѣтилъ Журинъ.

— Вы любите мою дочь?—спросилъ Штейнъ.

— Да! — твердо отвѣтилъ Ильюша, — я уже имѣлъ честь сообщать вашему превосходительству объ этомъ.

— Скажите... но говорите правду! Съ тѣхъ поръ, какъ я... не пожелалъ видѣть васъ у себя, предполагая, конечно, что сіе дѣлалъ для вашей-же и для ея пользы,—вы не видѣлись съ ней болѣе?

— Нѣтъ, видѣлся,—храбро отвѣтилъ Журинъ.

— Да? Гдѣ-же?

— У меня.

— И вы не боитесь сіе мнѣ прямо высказывать?

— Что-же дѣлать, ваше превосходительство, я привыкъ говорить правду, хотя мнѣ очень больно огорчать васъ.

— Но развѣ вы мало меня огорчили, разъ допускали rendez-vous съ моей дочерью у себя на квартирѣ?

— Я сознаюсь, что этого дѣлать мнѣ не подобало, но любовь моя, ваше превосходительство, не знала границъ и доходила до того, что порою затемняла разсудокъ! Къ тому-же желаніе видѣть ее я не въ силахъ былъ преодолѣть, особенно чувствуя и зная навѣрное, что она отвѣчаетъ вполнѣ на мою любовь.

— Вы будете мнѣ говорить только правду? — спросилъ генералъ.

— Ваше превосходительство, я всегда говорю только правду.

— Скажите... вы, несомнѣнно, цѣловали ее, обнимали?

— Да...

— А... больше вы ничего не позволяли себѣ?—и генералъ опустилъ голову.

— Она моя жена! жена передъ Богомъ!—отвѣтилъ Журинъ и ждалъ особенной перемѣны въ генералѣ, такъ какъ не предполагалъ даже, что Штейну извѣстно о ихъ свиданіяхъ.

— Ива-Писакинъ здѣсь?

— Здѣсь, ваше превосходительство, но умоляю васъ...

— Позвольте... это онъ, вѣроятно, помогалъ вамъ? и какимъ образомъ?

Журинъ молчалъ.

— Вы говорите правду...—напомнилъ генералъ.

— Молчать—не значитъ лгать, ваше превосходительство, но умоляю васъ ничего не ставить въ вину Ивѣ: онъ дѣйствовалъ, какъ-бы слѣпое орудіе, не въ силахъ, по своей добротѣ, отказать товарищу. Вся его вина—это то, что онъ очень добръ. А кажущуюся его вину прошу, ваше превосходительство, перенести на меня.

— Позовите его.

Журинъ сейчасъ-же ввелъ Иву, успѣвъ только шепнуть ему, для бодрости дернувъ его за мундиръ: «не робѣй!»

Но Ива вошелъ блѣдный и съ печальнымъ взоромъ вытянулся у косяка двери.

— Это вы помогали ему, господинъ Ива, во всѣхъ его амурахъ?

— Я, ваше превосходительство!

— Какъ-же вы это дѣлали?

— Я началъ съ того, что подъ столомъ передавалъ записки,—откровенно сознался Ива.

— Записки? Кому записки?

— Елизаветѣ Ѳаддеевнѣ, ваше превосходительство.

— И часто это случалось? — спросилъ генералъ, криво улыбаясь.

— Да каждый разъ, ваше превосходительство, какъ я бывалъ у васъ.

— И вамъ не стыдно? Развѣ я для того васъ звалъ?

— Очень стыдно, ваше превосходительство... но они такъ любятъ другъ друга, что я пренебрегъ приличіемъ ради ихъ любви...

— Семенъ!—крикнулъ генералъ,—попроси сюда барышню... и старуху зови...

Настало молчаніе. Семенъ, наконецъ, появился и доложилъ:

— Барышня нездоровы... не могутъ придти, ваше превосходительство.

— Нѣтъ!.. пойди хорошенько попроси... скажи очень надо, непремѣнно чтобы пришла!—громче сказалъ генералъ.

Наконецъ, Лиза, печальная, въ темномъ платьѣ, появилась, медленно ступая, въ кабинетѣ и остановилась у стола отца, ни на кого не глядя. Сзади шлёпала туфлями Потаповна.

— Что ты сдѣлала?—спросилъ отецъ.—Ты понимаешь всю глубину своего поступка.

— Понимаю,—тихо, но твердо отвѣтила Лиза.

— Понимаешь?—переспросилъ отецъ,—какъ-же ты рѣшилась на это?

— Я люблю Журина,—въ первый разъ призналась отцу дочь и рѣшительно подняла на него глаза.

Ильюша готовъ былъ плакать отъ радости и цѣловать ея ноги. Въ этихъ трехъ словахъ заключалась для него вся жизнь!

Старикъ вздохнулъ, всталъ со стула, взялъ Лизу за руку и отвелъ ее къ Журину.

— Берите... берите ее... она ваша!..—взволнованнымъ голосомъ сказалъ онъ.

Всѣ какъ-бы оцѣпенѣли отъ неожиданности. Никто не смѣлъ произнести слова.

— Чтожъ дѣлать, — продолжалъ генералъ,—видно Божья воля!.. Будьте счастливы!.. Видно ужь больно сильна любовь ваша!.. Божья воля!..

Журинъ судорожными руками ловилъ руки своей возлюбленной.

Потаповна встала на колѣни и молилась Богу.

— Ну, что, дочка,—мягко уже спросилъ отецъ,—довольна?

Вмѣсто отвѣта Лиза повалилась ему въ ноги въ знакъ безпредѣльной благодарности. У Журина текли по щекамъ слезы благодарности и умиленія. Ива плакалъ навзрыдъ.

Никто не говорилъ ни слова, настолько величіе ума, благородство и великодушіе генерала тронуло всѣхъ... И никто словами не благодарилъ его, никто не подошелъ теперь къ нему съ изъявленіемъ благодарности: его поступокъ былъ выше всякихъ похвалъ и благодарностей, могущихъ быть выраженными словами!..

Ужь нѣсколько позже Потаповна только по простотѣ души своей сказала ему:

— Да ты-бы, батюшка, ну, — прибить не прибилъ, — а хоть-бы покричалъ на нихъ для куражу-то!..

— Что тутъ кричать?!.. Что кричать, старуха?!.. Крикомъ не пособишь!..

И теперь уже самъ генералъ вынужденъ былъ освятить бракъ церковнымъ обрядомъ, высказавъ надежду молодымъ, что, быть-можетъ, государь за его службу и за раны, полученныя на поляхъ битвы, и помилуетъ зятя...

Рѣшено было на другой-же недѣлѣ сыграть свадьбу.

Ильюша вмѣстѣ съ невѣстой написалъ предлинныя и радостныя письма теткѣ въ Казань и отцу въ Волынскую губернію.

Ива былъ счастливъ чужимъ счастьемъ, а Потаповна въ предсвадебныхъ хлопотахъ завертѣлась, какъ молодая.

XIII. ГЛАВА «ТРИНАДЦАТАЯ».

Выдался прекраснѣйшій августовскій день: свѣтлый, мягкій и теплый. Солнце весело играло на окнахъ домовъ и заливало улицы Архангельска своимъ золотистымъ свѣтомъ. Церковь была полна народомъ. Здѣсь была и вся аристократія Архангельска, и прочіе приглашенные горожане, и масса непригла-

шенныхъ, большею частью мѣщанокъ, пришедшихъ позѣвать на «молодыхъ». Вѣнчанная пара представляла изъ себя одну радость, одну красоту! Если-бы художникъ написалъ-бы ихъ лица, то лучшей подписи подъ ними, какъ «благоденствіе» и придумать трудно. Большинство приглашенныхъ настроено было празднично, радостно и отчасти успокоительно, такъ какъ, несмотря на «*тайныя*» свиданія, все-же, отъ досужихъ кумушекъ и услужливой не въ мѣру прислуги, знало, что эти свиданія были. Къ тому-же всѣ знали и раньше еще, что Журинъ влюбленъ въ Лизу Штейнъ и безпокоились за исходъ этой любви... и вотъ все такъ благополучно, радостно и къ общему благополучію завершается. Ива, конечно, былъ однимъ изъ шаферовъ невѣсты. Но вотъ церковный обрядъ кончается. Священникъ даетъ молодымъ цѣловать крестъ и поздравляетъ ихъ. Всѣ пропускаютъ молодыхъ впередъ къ выходу и гурьбой слѣдуютъ за ними, тихо разговаривая. Журины быстро выходятъ изъ церкви подъ руку и смѣло, и радостно глядятъ на встрѣчу многочисленнымъ любопытнымъ взглядамъ. — Теперь не надо «тайныхъ» свиданій, не надо скрывать свою любовь! Пусть всѣ смотрятъ, пусть всѣ видятъ, какъ они счастливы и какъ они любятъ другъ друга! И Ива, слѣдовавшій по пятамъ новобрачныхъ, кажется не менѣе ихъ счастливымъ! Молодые садятся въ карету и ѣдутъ къ квартирѣ генерала, гдѣ ихъ ждетъ свадебный пиръ.

— Боже мой! какъ я люблю тебя!—шепчетъ Лиза, нѣжно прижимаясь къ своему мужу и своими чудными синими глазами заглядывая ему въ лицо.

— Теперь насъ никто не разлучитъ!.. — отвѣчаетъ онъ, обнимая ее.

— Никто! никто!—говоритъ она,—всю жизнь вмѣстѣ... всю жизнь будемъ любить другъ друга открыто! Боже! какое счастье!..

Мужъ молча цѣлуетъ ее, не въ силахъ придумать словъ отъ счастья. На квартирѣ ихъ встрѣчаетъ отецъ и еще разъ благословляетъ ихъ иконой.

— Будьте счастливы, дѣти!.. поцѣлуйтесь! — взволнованно говоритъ старикъ.

И молодые опять и опять цѣлуются, каждый разъ снова наслаждаясь этимъ. Мало-по-малу съѣзжающіеся гости наполняютъ покои генерала, и вотъ всѣ приглашаются за столъ, за брачный пиръ.

Солнце весело играетъ, погода ясная, радостная. Всѣмъ весело, всѣмъ радостно! Всякій старается сказать комплиментъ молодымъ или ихъ отцу. Всякій любуется такой красивой парой. И всѣ шумятъ, разговариваютъ, шумятъ и ждутъ не дождутся, когда-же подадутъ «шипучку», чтобы можно было крикнуть къ еще большему удовольствію собравшихся «горько!»

...Но вотъ вдали слышенъ рѣдкій и обыкновенно радостный звонъ, звонъ почтоваго колокольчика!.. Еще мгновеніе и всѣ черезъ открытыя настежъ окна видятъ, что къ нимъ летитъ стрѣлой тройка, вздымая за собою цѣлое облако пыли.

— Ого! какъ быстро,—говоритъ кто-то.

— Кто-бы это?.. издалека должно быть!..

— Еще гость новобрачнымъ, — замѣчаетъ городничій, — прямо къ столу!

Тройка все ближе и ближе летитъ полнымъ карьеромъ...

— Да онъ, кажется, не къ генералу... къ кому-то въ городъ!—отвѣчаютъ городничему,—у...ухъ! какъ катитъ!..

Тройка, взмыленная и усталая, сдерживаемая молодцоватымъ ямщикомъ, сдѣлавъ три отрывистыхъ звона своимъ колоколомъ, какъ вкопанная остановилась у крыльца генеральской квартиры.

— Да это фельдъегерь!—воскликнулъ городничій.

У генерала сердце ёкнуло. Всѣ съ любопытствомъ насторожились. Молодые и Ива и вниманія мало обратили на эту самую тройку. Они были счастливы, а до остального имъ и дѣла мало!

Весь запыленный и красный отъ жары фельдъегерь быстро вошелъ въ общій залъ и на виду у всѣхъ подалъ большой пакетъ коменданту Штейну.

Взоры всѣхъ присутствовавшихъ уставились на генерала.

Генералъ дрожащими руками сломалъ печать, взглянулъ на исписанную бумагу, поблѣднѣлъ... покачнулся...

Фельдъегерь поддержалъ его. Поднялся переполохъ. Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ.

— Что? что такое?!—послышались возгласы.

Генералъ еще разъ внимательно сталъ читать бумагу.

— Поспѣшите, ваше превосходительство, — внушительно сказалъ фельдъегерь.

— И неужели-же теперь... теперь,—прошепталъ несчастный старикъ черезъ силу.

— Не медля!—твердо сказалъ фельдъегерь.

Старикъ поникъ головой... Фельдъегерь стоялъ въ выжидательной позѣ.

— Боже мой! Боже мой! — сказалъ генералъ дрожащимъ голосомъ, стоя среди окружившихъ его гостей, — Лиза, и вы, мой зять, идите сюда!.. сдержите свои чувства и... читайте!.. Не даромъ у меня все время было предчувствіе какого-то горя!..

Журинъ, уже встревоженный, взялъ у генерала изъ рукъ бумагу и сталъ читать. Поблѣднѣвшая Лиза съ явнымъ безпокойствомъ, уцѣпившись за рукавъ мужа, также заглядывала въ нее.

Оказалось... это была одна изъ величайшихъ шутокъ злой судьбы... Оказалось, что комендантъ города Архангельска генералъ Штейнъ получилъ свыше приказаніе, въ которомъ значилось, что «согласно письма бывшаго подпоручика, нынѣ рядового солдата Архангельскаго гарнизона Журина Иліи къ его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, нынѣ исходатайствовалъ по его, Журина, желанію его переводъ на Кавказъ, а посему предписывалось архангельскому коменданту генералъ-маіору Штейну, тотчасъ-же, не медля ни мало, отправить вышепомянутаго Журина съ симъ-же фельдъегеремъ къ новому мѣсту его служенія!»

Вотъ какъ, вотъ когда, и вотъ въ какую минуту письмо Журина возымѣло свое дѣйствіе!..

Лиза съ крикомъ бросилась къ мужу, схватила его за

плечи своими цѣпкими маленькими ручками и яростно посмотрѣла на фельдъегеря, прошептавъ:

— Не отдамъ!.. нѣтъ!.. вѣдь тамъ-же война!!..

Ужь на что былъ сильнаго характера самъ Журинъ, но и тотъ въ отчаяніи прислонился къ своей женѣ головой и изъ глазъ его закапали слезы... Его разлучить!.. его... теперь, когда все только-только наладилось!

Это-ли не насмѣшка судьбы!?..

Ива рыдалъ; не скрывая своего состоянія, и дрожащими руками вытиралъ обильныя слезы.

Когда содержаніе приказанія стало всѣмъ извѣстно, поднялся невообразимый шумъ. Пошли сужденія, предположенія, заключенія.

— Ахъ! не даромъ, не даромъ сегодня тринадцатое число!— сказала засѣдательша, — развѣ можно вѣнчаться тринадцатаго?!..

— Я говорила генералу,—отвѣтила почтмейстерша, — но завтра день невѣнчанный, а послѣзавтра—подъ праздникъ!.. А генералъ торопилъ и торопилъ...—Она нагнулась къ уху своей собесѣдницы и что-то тихо и съ аппетитомъ докладывала...

— Да у генерала всегда тринадцатое число было самое счастливое!—сказалъ какой-то офицеръ,—его и въ генералы-то произвели тринадцатаго!.. да-съ... все это вздоръ! У меня тоже тринадцатое счастливое число!.. да-съ!

— Когда не повезетъ, такъ, знаете-ли, не повезетъ!—умозаключилъ засѣдатель.

— Ээ!..—поднявъ вверхъ палецъ, ораторствовалъ, стоя въ небольшой толпѣ, уѣздный предводитель, — это — штука! Этотъ Журинъ!.. хе-хе!.. Вы замѣтьте: не прошеніе, а прямо письмо катнулъ великому князю,— это не шутка!.. прямо письмо!.. Это что-нибудь да значитъ!

— Пожалуй и самому государю императору лично извѣстенъ?—благоговѣя, робко освѣдомился старичокъ-почтмейстеръ.

— А несомнѣнно!—пожавъ плечами, авторитетно сказалъ предводитель.

И многіе съ уваженіемъ и даже съ завистью посмотрѣли на несчастнаго Журина.

Потаповна избрала благую часть: она стояла на колѣняхъ въ углу комнаты передъ образами и со слезами молилась Богу.

— Пожалуйста,—взволнованно «умасливалъ» потрясенный хозяинъ фельдъегеря,—присядьте... выпейте стаканчикъ пуншу.

— Пуншу стаканъ выпью съ удовольствіемъ... усталъ!—отвѣтилъ фельдъегерь,—но ждать болѣе не могу ни минуты!

— Ахъ ты Боже мой!—вздохнулъ прямо изъ нѣдръ груди бѣдный отецъ, — вѣдь такое событіе!.. только-только сѣли за столъ! — и у несчастнаго генерала даже появился жалкій, умоляющій, униженный голосъ.

— Не могу!—отвѣчалъ непреклонный фельдъегерь.

— Ну... ну, десять минутъ!

— «Не медля ни мало»!—твердо отвѣтилъ фельдъегерь,—вы сами служите, ваше превосходительство!.. — прибавилъ онъ съ легкимъ укоромъ.

У старика только закапали слезы!.. Но онъ ничего не отвѣтилъ! Молодые, въ молчаливомъ горѣ, стояли обнявшись, уныло и робко глядя на все окружающее. Насколько сильны были они для того, чтобы побороть препятствія, которыя налагали на нихъ люди,—настолько оказались безсильными и безпомощными передъ велѣніемъ неумолимой судьбы!..

Вся радость, весь восторгъ, всѣ свѣтлыя надежды, — все доставшееся имъ съ такимъ трудомъ,—все было нарушено однимъ звономъ колокольчика фельдъегерской тройки!..

Еле-еле, съ помощью Ивы, удалось собрать кое-что въ дорогу Журину. Фельдъегерь, вѣрный и точный исполнитель данныхъ ему инструкцій, по натурѣ, быть-можетъ, самый добрый человѣкъ съ мягкимъ сердцемъ, но какъ ревностный служака, опасаясь строжайшаго взысканія за малѣйшее промедленіе,—энергично торопилъ немедленнымъ отъѣздомъ...

Не прошло и пятнадцати минутъ со времени его пріѣзда, и Журинъ долженъ былъ проститься со своей молодой женой!.. Прямо, какъ говорится, изъ-подъ вѣнца, и волей-неволей

усѣсться въ экипажъ вмѣстѣ съ фельдъегеремъ! Колокольчикъ звякнулъ, и лошади, сразу подхвативъ съ мѣста, умчали тарантасъ изъ-подъ крыльца, вздымая громадный столбъ пыли!..

Тогда не шутили!.. Начинались николаевскія времена!

XIV. ВЪ МИРНОМЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

. . . . . .

Прошло около полугода послѣ описанныхъ событій. Былъ февраль 1827-го года. Морозы въ Архангельскѣ доходили до крайнихъ своихъ предѣловъ.

Въ квартирѣ генерала Штейна царило полное уныніе. Дѣло въ томъ, что генералъ почти около полугода не вставалъ съ постели, пригвожденный къ ней ужасной для многихъ честныхъ воякъ и истинныхъ сыновъ отечества болѣзнью: у него открылись раны.

Съ такой изумительной стойкостью сдерживаемыя раздраженія и волненія еще лѣтомъ прошлаго 1826-го года и, наконецъ, потрясеніе въ день свадьбы его единственной любимой дочери,—не прошли безслѣдно для его здоровья! Да и годы брали свое... Старикъ слегъ, и вотъ ужь на дворѣ февраль, а генералъ съ августа не могъ подняться... Лиза и Ива, перебравшійся во время болѣзни генерала въ его квартиру, почти неотлучно присутствовали у его ложа, употребляя всевозможныя усилія ободрить старика. Врачи сомнительно покачивали головами всякій разъ, какъ выходили въ сосѣднюю съ генеральской спальней комнату, чѣмъ приводили въ отчаяніе и безъ того опечаленныхъ и Иву, и молодую Журину.

Лиза за весь этотъ долгій срокъ успѣла написать мужу около десяти писемъ и около пяти теткѣ мужа Кондоровичъ, какъ извѣстно уже, переѣхавшей на житье въ Казань, ласково и съ любовью аккуратно отвѣчавшей ей на каждое письмо. Отъ мужа Лиза долго не имѣла никакого извѣстія, что объяснялось особенной продолжительностью пути на Кавказъ при тѣхъ путяхъ сообщенія, какими въ то отдаленное время пользовались россіяне.

Наконецъ, въ началѣ этого-же февраля къ неописуемой своей радости она получила отъ него краткое, впрочемъ, извѣстіе: онъ живъ и здоровъ, всѣхъ родныхъ, въ томъ числѣ, конечно, и Иву, цѣлуетъ несчетно разъ и желаетъ всяческихъ имъ благъ. Онъ прибылъ на мѣсто расположенія полка и въ тотъ-же день пишетъ. Принятъ въ полку былъ крайне строго. На-дняхъ ожидается, что полкъ будетъ отправленъ въ «дѣло». Пишетъ мало, потому что нѣтъ времени. Вынужденъ былъ поселиться съ солдатами и исполнять долженъ безъ снисхожденія начальства всѣ солдатскія обязанности.—Вотъ и все...

— Да-а! Въ военное время строго!—со вздохомъ сказалъ генералъ послѣ того, какъ Лиза прочитала ему письмо,—молодой государь заводитъ строгости, порядки! Да оно и лучше. Для военныхъ точное исполненіе обязанностей, кои требуетъ уставъ воинскій,—это первое дѣло!.. Субординація!..

Лиза и Ива ничего не могли возразить генералу.

— А ты не печалься,—сказалъ генералъ дочери,—всякому горю надо быть покорнымъ! Все—отъ Бога! И жизнь самая отъ Него зависитъ!..

— Его убьютъ тамъ!.. — сказала Лиза и залилась слезами.

— Нечего плакать!—проговорилъ генералъ,—всѣ подъ Богомъ ходимъ! А солдатъ, будь онъ рядовой, будь офицеръ или генералъ, всегда долженъ быть готовымъ положить животъ свой за царя, за отечество, коимъ служить присягалъ. А Илья твой хоть и проштрафился, но не иначе, какъ увлеченный дурными товарищами и знакомыми и какъ молодой человѣкъ, не имѣвшій зрѣлыхъ убѣжденій, — вотъ и наказанъ по-дѣломъ! А все-же всегда скажу, что прекрасныхъ качествъ онъ человѣкъ и вѣрный онъ слуга своему государю и отечеству. Смѣлый, храбрый, открытый! Правда, я не хотѣлъ, чтобы ты выходила за него замужъ! Не хотѣлъ я, сознаюсь! Ну... что-же дѣлать? Обманули старика—вотъ Богъ и наказалъ васъ разлукой, да еще въ самый день свадьбы!.. И по-дѣломъ вамъ! И нечего ревѣть да печалиться!.. Богъ наказалъ, Богъ, по милости своей, можетъ и

вновь соединить васъ!.. Все отъ Бога! Все отъ Него! Правду я говорю, Потаповна?

— Правду, батюшка! Правду истинную, золотой нашъ,— отвѣчала Потаповна, также почти неотлучно присутствовавшая у ложа больного генерала, который во время болѣзни дѣлался особенно болтливымъ и любилъ вспоминать старое.

— И вотъ какъ подумаю,—продолжалъ старикъ,—можетъ и лучше было-бы не выходить тебѣ замужъ, Лиза, за него, меньше-бы теперь мучилась...

— Нѣтъ, папа, нѣтъ!.. И страшно подумать мнѣ, что-бы со мной тогда было!.. И лучше не думать объ этомъ!.. И не говорите!.. Теперь все-же легче, теперь онъ—мой!.. Мой на всю жизнь!.. Это одно утѣшаетъ меня!..

— Да-а!.. Не продай тогда меня Ива,—генералъ бросилъ лукавый взглядъ на Иву,—можетъ-быть и не было-бы ничего! а? Вѣдь продалъ, Ива?

— Продать-то продалъ,—отвѣтилъ скромно Ива,—но полагаю такъ, что лучше сдѣлалъ и облегчилъ души влюбленныхъ своей «продажей». Да и все равно, ваше превосходительство, и безъ меня могло-бы все обойтись!

— Ну, безъ тебя-то, братъ, трудновато было-бы... да и какъ?..

— Ужь любовь всегда найдетъ свои лазейки! — улыбаясь сказалъ Ива.

— Хоть и грѣшно это, а вѣдь правда!—заключила старуха.

— Да-а! — вздохнулъ генералъ, — любовь сильна!.. это правда, и трудно бороться противъ нея!.. А что, — перебилъ себя старикъ, — черезъ мѣсяцъ гляди, Лизуша, и внучка подаришь отцу?

Лиза густо покраснѣла и отвернулась. Ива скромно опустилъ глаза

— Немного поболѣ выйдетъ,—спокойно и авторитетно сказала Потаповна,—къ апрѣлю мѣсяцу безпремѣнно Господь пошлетъ... къ Пасхѣ Христовой красное яичко!..

— Ничего, ничего, дочка!.. — ласково сказалъ отецъ, — ничего!.. обрадуй старика, — все-же мнѣ легче будетъ! Тогда, Богъ дастъ, встану съ постели-то и стану хлопотать за зятя!..

— Поправляйся, поправляйся, батюшка, Господь съ тобой!— сказала старуха.

— А что сказали лѣкаря?—обыкновенно спрашивалъ старикъ.

И въ этомъ случаѣ почти всегда Ива переглядывался съ Лизой и почти одновременно оба отвѣчали:

— Покой вамъ нуженъ! Пораньше ложитесь, больше спите... и тогда скорѣе поправитесь!..

— Ну, идите и вы спать!—отпускалъ всѣхъ старикъ.

Ива съ Лизой удалялись въ столовую и, такъ какъ имъ спать было еще рано, принимались читать какую-либо изъ послѣднихъ присланныхъ изъ Петербурга книгъ или проводить время за разговорами, въ которыхъ преобладающую роль игралъ, конечно, отсутствующій Журинъ,—а Потаповну пока оставляли съ генераломъ, по-очереди смѣняя ее у кровати больного.

Только подъ утро позволяли они себѣ немного спокойнаго сна, ставя въ это время уже проснувшагося Семена.

Такъ, или приблизительно такъ проводили свои дни опечаленные обитатели генеральской квартиры.

...Былъ мартъ въ исходѣ. Старикъ, по-прежнему больной, лежалъ на своей кровати. И къ этой болѣзни присоединилась еще другая, хотя совершенно иного характера. болѣзнь Лизы, которая должна была, наконецъ, слечь. Потуги и муки ея были ужасныя, что приводило особенно въ отчаяніе Иву, не смѣвшаго войти въ комнату больной. Наконецъ, положеніе ея до того обострилось, что врачи рѣшили созвать консиліумъ, а ужь это одно, какъ извѣстно, обозначаетъ, что «дѣло плохо».

Потаповна, какъ говорится, совсѣмъ сбилась съ ногъ въ хлопотахъ.

Старикъ волновался болѣе всѣхъ, и это особенно вредно отзывалось на его боевыхъ ранахъ, которыя стали течь и еще болѣе заныли до такой степени, что генералъ искренно про-

силъ у Бога смерти, какъ избавленія отъ всѣхъ этихъ нравственныхъ и физическихъ страданій. Ивѣ приходилось непосредственно утѣшать генерала и усиленно ухаживать за нимъ и время-отъ-времени черезъ Потаповну посылать утѣшенія больной Лизѣ.

Однажды Ива, рѣшительно схвативъ за руку одного изъ врачей молодой женщины, когда тотъ вмѣстѣ со своими коллегами выходилъ изъ ея комнаты послѣ осмотра, съ силою увлекъ его въ столовую и твердо спросилъ:

— Скажите... но истинную правду!.. Какъ положеніе Елизаветы Ѳаддѣевны?

Врачъ былъ очень недоволенъ вольностью Ивы, но, сдерживая свое негодованіе, все-же отвѣтилъ ему:

— Скорѣе поправится старикъ, нежели она!.. Ей необходимо сдѣлать кесарево сѣченіе, а она не хочетъ и та старая дура, нянька ея, еще мѣшается!.. Также противится!.. Да и старикъ не желаетъ этого!.. Вы, господа, или все предоставьте намъ, или... или лѣчите ее сами!..

— Позвольте... позвольте!..—перебилъ взволнованный Ива, —вы раньше мнѣ объясните, что это за кесарево сѣченіе...

— А то... что надо сдѣлать операцію!.. да-съ!.. Это, правда, недавно придумано, но по всѣмъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ,—единственное средство, кое можетъ быть примѣнено въ данной оказіи.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.. какъ-же обходились до того, какъ сіе было придумано?—спросилъ Ива.

— Не понимаете? не понимаете, ибо вы не медикъ!— да-съ!.. Желудокъ рѣзать надо! да-съ!.. Иначе—смерть!..

— Смерть!..—тихо повторилъ Ива и покачнулся, удерживаясь за косякъ двери,—и это... это единственное средство теперь?

— Единственное, да-съ!.. И вы всему можете помочь: уговорите старика согласиться, а старуху вышлите дней на пять изъ города... или заприте ее въ баню...

— Хорошо... я подумаю,—сказалъ Ива,—а скажите, вы уже примѣняли сіе средство на комъ-либо?..

— Дда-а.... собственно говоря... на людяхъ мнѣ еще не приходилось въ моей практикѣ, но... надо-же и начать, благо оказія подходящая...

Ива вскипѣлъ.

— Какъ?!—вскричалъ онъ,—вы въ первый разъ желаете практиковать съ вашей новой выдумкой надъ Елизаветой Ѳаддѣевной?.. Нѣтъ!.. Я самъ буду отговаривать генерала отъ согласія на сіе звѣрство.

— Такъ она умретъ!..—сказалъ лѣкарь уходя.

— Пусть!.. пусть умираетъ, разъ Богъ хочетъ взять ее отъ насъ всѣхъ,—дрожащимъ голосомъ сказалъ ему вслѣдъ Ива и съ судорожными рыданіями опустился на кресло.

Положеніе Лизы было поистинѣ тяжелое и нѣсколько дней она боролась между жизнью и смертью, но все-же оно разрѣшилось, къ счастью и радости обитателей генеральскаго дома и къ посрамленію медиковъ, самымъ естественнымъ, природнымъ путемъ.

Она произвела на свѣтъ Божій сына, названнаго при крещеніи въ честь отца Ильюши и по его настоянію, выраженному въ письмѣ,—Павломъ.

Лиза послѣ родовъ заболѣла, пожалуй, еще серьезнѣе: горячкой, очень часто, особенно послѣ первыхъ родовъ, кончающейся смертью, но и на этотъ разъ молодая, здоровая натура ея взяла верхъ и, пролежавъ дѣйствительно очень долго въ постели, она все-же къ августу, ко дню годовщины своей свадьбы была совершенно здорова.

А старикъ все лежалъ на своей кровати...

XV. НА «ПОГИБЕЛЬНОМЪ КАВКАЗѢ».

Непривѣтливо, негостепріимно, сурово и строго встрѣтилъ Журина Кавказъ. Неласково встрѣтили его господа офицеры, осторожно встрѣтили его и солдатики и косо поглядывало на него высшее начальство.

Журинъ, по натурѣ своей гордый и самолюбивый, какъ

говорится, «ушелъ въ себя» и не показывалъ обиды окружающимъ и не дѣлалъ первымъ шага къ сближенію, считая это для себя унизительнымъ.

Онъ ревностно несъ свою службу, исполняя чисто-солдатскія тяжелыя обязанности, и ни одного слова ропота или неудовольствія не слыхало отъ него начальство.

Онъ имѣлъ задумчивый, печальный видъ и не разъ останавливалъ на себѣ взоры какъ солдатиковъ, такъ и офицеровъ; но когда, какъ тѣ, такъ и другіе, видя, что ничего «страшнаго» новый ихъ солдатъ изъ себя не представляетъ, — заговаривали съ нимъ, онъ или отвѣчалъ имъ только по службѣ, или односложно, а когда можно было—то прямо-таки молчалъ, какъ-бы мстя имъ за ихъ прежнюю свою подозрительность или непривѣтливость. Такъ продолжалось почти все время, что полкъ, въ которомъ служилъ Журинъ, оставался внѣ «дѣла», т.-е. не ходилъ еще въ огонь,—до марта мѣсяца. Но вотъ вышелъ приказъ выступить полку походомъ для присоединенія къ авангарду по нынѣшней военно-грузинской дорогѣ.

Въ теченіе двухъ сутокъ полкъ не встрѣтилъ непріятеля, хотя въ послѣднее время ожидалось нападеніе съ лѣваго фланга. На третьи сутки, не доходя одного перехода до авангарда, цѣли ихъ теперешняго пути, прискакалъ ординарецъ отъ начальника передового отряда, т.-е. авангарда, съ приказаніемъ третьему и четвертому баталіонамъ полка выбить непріятеля изъ близлежащей слѣва бивуака деревушки, въ количествѣ, по предположенію, около тысячи или полторы тысячи человѣкъ конныхъ и пѣшихъ горцевъ.

Наступила ночь. Командиръ четвертаго баталіона велѣлъ сдѣлать изъ подвѣдомственныхъ ему четырехъ ротъ вызовъ охотниковъ для отправленія на развѣдки по пяти человѣкъ отъ роты. Журинъ былъ въ шестнадцатой ротѣ полка и слѣдовательно въ четвертомъ баталіонѣ.

— Шестнадцатая рота впередъ!—скомандовалъ командиръ ея, и объяснилъ ротѣ назначеніе охотниковъ въ данномъ случаѣ, заключавшееся въ томъ, чтобы узнать и возможно осторожно,

не тревожа непріятеля, изслѣдовать мѣсто и характеръ окоповъ, которыми непріятель успѣлъ себя укрѣпить. Предстояло пробраться сквозь непріятельскую цѣпь, не тревожа ея, добраться до окоповъ и,—буде возможно, за окопы и изслѣдовать ихъ. Дѣло чрезвычайно важное, не менѣе рискованное и почти невѣроятное. Тревожить непріятеля было запрещено строжайше, такъ какъ въ этомъ случаѣ потревожившій обрекалъ своихъ товарищей-охотниковъ вѣрной гибели. Командиръ роты еще разъ разъяснилъ важность предстоящаго поступка, прибавивъ, что въ случаѣ невозможности пробраться за окопы,—не стараться напрасно исполнить это, такъ какъ безумная отвага въ этомъ случаѣ послужитъ во вредъ всему ихъ предпріятію. Солдатики стояли, угрюмо обдумывая сказанное.

— Охотники... впередъ!—скомандовалъ командиръ.

Рота молчала. Каждый, боясь, вѣроятно, за точное исполненіе порученія, не рѣшался первымъ выйти и почти никто не замѣтилъ, какъ сейчасъ-же послѣ команды изъ перваго взвода отдѣлилась сѣрая фигура и быстро направилась къ командиру.

— Ну, одинъ есть, — сказалъ командиръ, — какъ фамилія? въ темнотѣ-то не разгляжу.

— Рядовой Журинъ!—былъ отвѣтъ.

— Жу-ринъ?.. а-а-а-а!—протянулъ командиръ, повидимому, не ожидавшій этого.

Послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, нѣкоторые солдатики, увлеченные поданнымъ примѣромъ,—что имѣетъ на войнѣ особенное значеніе,—стали медленно выходить изъ фронта.

— Стой! довольно! — скомандовалъ капитанъ,—пять человѣкъ надо. Есть унтеръ?

— Есть, ваше высокоблагородіе! — отозвался унтеръ-офицеръ.

— За старшаго!—приказалъ командиръ.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе!

Командиръ указалъ направленіе, чтобы не спутаться съ прочими охотниками, и маленькая команда двинулась.

Было темно. Въ двухъ-трехъ шагахъ нельзя было съ точ-

ностью отдѣлить на глазъ своего отъ чужого, а потому, не доходя приблизительно шаговъ четыреста до цѣпи непріятеля, унтеръ приказалъ шопотомъ, почти каждому на ухо, «разсыпаться», т.-е. отдѣлиться другъ отъ друга и слѣдовать ползкомъ, чтобы на фонѣ неба съ земли скорѣе замѣтить человѣческую фигуру, ежели она встрѣтится, конечно.

Долго ползъ Журинъ и ничего не замѣчалъ ни впереди себя, ни сбоку. Предполагая, что онъ далекъ еще отъ цѣпи, онъ ускорилъ движеніе, остановился — ничего!.. Онъ опять и опять впередъ, стараясь не производить и малѣйшаго шума. Почувствовавъ, наконецъ, усталость, онъ остановился передохнуть, прислушался и тутъ только замѣтилъ, что онъ находится на краю какого-то обрыва. Ощупывая затѣмъ его руками, онъ убѣдился, что это—одинъ изъ окоповъ. Значитъ, онъ уже прошелъ незамѣтно сквозь цѣпь. Вѣроятно, пролѣзъ интерваломъ между двумя часовыми цѣпи.

«Храбро, хотя и неожиданно!» — подумалъ молодой человѣкъ, продолжая ощупывать окопъ, въ которомъ никого не оказалось. Онъ влѣзъ въ этотъ ровъ и началъ рыться на днѣ его, гдѣ находилъ остатки патроновъ, тряпки и даже шапку-папаху, —вѣроятно съ одного изъ убитаго. Изслѣдовавъ въ совершенствѣ это укрѣпленіе, онъ пришелъ къ заключенію, что онъ былъ направленъ своимъ фасомъ какъ-разъ противъ русскаго лагеря. Покончивъ съ этимъ и взявъ въ карманъ нѣсколько пустыхъ патроновъ и шапку, онъ поползъ влѣво отсюда и черезъ нѣсколько шаговъ вновь наткнулся на другой окопъ, въ которомъ между прочимъ хламомъ, признакомъ недавняго пребыванія непріятеля, нашелъ кинжалъ. Изслѣдовавъ, наконецъ, и третій, находящійся на этой-же линіи окопъ, онъ убѣдился, что и этотъ былъ расположенъ фасомъ къ нашему лагерю, откуда виднѣлись тусклые огоньки. Узнавъ такимъ образомъ все, что ему выпало на долю, Журинъ со спокойной совѣстью и съ сознаніемъ исполненнаго долга, выпавшаго ему на долю, направился обратно, держа направленіе на огонекъ своего лагеря. Вдругъ онъ услыхалъ впереди себя и нѣсколько справа выстрѣлъ. «Значитъ, кто-

либо изъ нашихъ попался!» — подумалъ онъ и пріостановился. Вслѣдъ за этимъ выстрѣломъ пошли выстрѣлы впереди него по всей непріятельской линіи. Поднялась тревога! Сзади него въ непріятельскомъ лагерѣ забили въ барабанъ! Журинъ находился внѣ окоповъ и спрятаться ему было некуда. Ползти назадъ— не успѣетъ, такъ какъ онъ ясно слышалъ за окопами быстрыя приготовленія: лязгъ оружія, гортанный быстрый говоръ, топотъ и ржанье коней... Журинъ оказался какъ-бы въ западнѣ: между непріятельской цѣпью и окопами на чистомъ полѣ. Положеніе становилось въ высшей степени опаснымъ!

— Убьютъ! — мелькнула у него мысль.—Ну и пусть!—за этимъ, вѣдь, и просился на Кавказъ!.. Прощай, Лиза! Прощай, отецъ!..

И Журинъ, не видя кругомъ себя спасенія, легъ на бокъ и спокойно ожидалъ событій... Какъ вихрь, пронеслась мимо него въ десяти-двѣнадцати шагахъ толпа конныхъ, приблизительно полуэскадронъ.

«Слава Богу!..» — подумалъ Журинъ и удивился, что помимо его воли по спинѣ забѣгали мурашки. Сердце безпокойно и, какъ показалось ему въ наступившей сразу тишинѣ, громко билось. Въ ушахъ онъ слышалъ звонъ и руки его дрожали, сжимая ружье.

«Неужели я трушу?»—съ брезгливымъ чувствомъ подумалъ онъ, и чтобы разубѣдить себя въ этомъ, энергично поползъ впередъ.

Сзади надвигалась пѣхота. Онъ ясно слышалъ топотъ ногъ.

«Эти поопаснѣе»! — подумалъ онъ, вглядываясь назадъ въ темноту.

Онъ ничего не могъ разглядѣть, но явственно слышалъ, что эта грозная живая масса надвигается прямо на него... ближе... ближе!.. еще ближе!!..

— Пропалъ!.. пропалъ!..—проносилось у него въ умѣ,— Господи!.. помилуй!..

Съ невыразимымъ чувствомъ... не трусости, нѣтъ!.. а ка-

кой-то тоски, онъ, скрипя зубами отъ крайняго напряженія и волненія и съ холоднымъ потомъ на лбу, искалъ жадно вокругъ себя хоть какого-нибудь, самаго незначительнаго прикрытія! Зрѣніе его напряглось до высшей степени и онъ, наконецъ, увидѣлъ слѣва отъ себя небольшой кустикъ. Не теряя ни минуты драгоцѣннаго времени, онъ напрягъ всѣ свои силы и ползкомъ достигъ, наконецъ, этого куста. Здѣсь онъ прилегъ за нимъ, почувствовавъ себя внѣ линіи направленія пѣшаго отряда. Онъ такъ порывисто дышалъ и сердце его такъ усиленно билось, отзываясь своимъ біеніемъ въ горлѣ, что онъ, увидѣвшій уже грозную живую массу, счелъ за лучшее, насколько хватитъ силъ, прекратить дыханіе. Непріятель быстро и энергично направлялся... вотъ онъ уже различаетъ отдѣльныхъ людей... все ближе, ближе и, наконецъ, правый флангъ этого отряда проходитъ всего на разстояніи какихъ-нибудь четырехъ—пяти шаговъ отъ кустика, гдѣ притаился молодой человѣкъ...

— Прошелъ!.. Слава Богу!..—шепчетъ онъ, съ жадностью вдыхая въ себя холодный ночной воздухъ и въ радостномъ экстазѣ снимаетъ шапку и благоговѣйно крестится.

И вдругъ ему вспоминается Лиза, Ива, генералъ... старикъ-отецъ... и на душѣ его дѣлается такъ свѣтло, хорошо... радостно!.. и жизнь его горемычная, безпріютная кажется ему такимъ блаженствомъ, такимъ счастьемъ!..

«Господи! — шепчетъ онъ,—какъ хорошо жить!.. какъ хорошо!..—И невольныя слезы появляются въ обиліи на его глазахъ, и онъ плачетъ... плачетъ, прислонясь головой къ холодному стволу своего ружья... Изстрадавшаяся, истерзанная, далекая отъ родины, одинокая и угнетенная душа его вотъ здѣсь... здѣсь, почти во вражескомъ стану, въ уединеніи, въ одиночествѣ находитъ себѣ цѣлебное облегченіе!..

Трррраахъ!.. — слышитъ онъ впереди залпъ, прерывающій всѣ его мысли. «Это—въ нашихъ!» — рѣшаетъ Журинъ и приподымается съ земли; но ничего не видно впереди. Тишина кругомъ! Но вотъ снова масса багровыхъ огоньковъ съ огненными клубами дыма на мгновеніе прорѣзываетъ темень, и снова слы-

шится залпъ. Отвѣтъ съ нашей стороны не слѣдуетъ. Третій залпъ, и опять молчаніе.

«Для острастки!.. — думаетъ герой, — значитъ скоро возвратятся. И, дѣйствительно, послѣ четвертаго нестройнаго залпа и нѣсколькихъ разрозненныхъ выстрѣловъ, данныхъ, очевидно, въ воздухъ, слышатся отдѣльные крики, и отрядъ съ шумомъ и говоромъ и рѣдкими выстрѣлами возвращается обратно. Журинъ ложится снова у куста, но отрядъ проходитъ совсѣмъ стороной.

«Надо переждать кавалерію»,—рѣшаетъ онъ и продолжаетъ спокойно лежать.

Но вотъ, съ гикомъ, джигитуя на карьерѣ пролетѣлъ мимо него одинъ лихой всадникъ, — другой, третій!.. Вотъ какой-то перескочилъ черезъ его кустъ... остальные съ гиками и свистомъ промчались въ сторонѣ, что-то весело болтая на непонятномъ языкѣ.

— Кажется, всѣ!—соображаетъ молодой человѣкъ и ползетъ далѣе. Никого не видно вокругъ... тихо и спокойно, какъ-будто ничего и не было...

— А вѣдь, можетъ-быть, кого-нибудь убили!.. и эта темная ночь унесла съ собой не одну жизнь!..

Погруженный въ свои думы, онъ очнулся только тогда, когда замѣтилъ ясно, что чей-то силуэтъ рельефно очертился у него передъ глазами въ разстояніи не болѣе трехъ шаговъ. Человѣкъ, съ винтовкой за спиной и съ надѣтой на голову папахой, стоялъ спиной къ нему.

«Часовой изъ цѣпи! — подумалъ Журинъ, и сердце его больно ёкнуло. — Что дѣлать?.. убить? — задавалъ онъ себѣ вопросъ.—Убить?.. нападать сзади... нѣтъ!.. вызвать его на поединокъ?.. опять подымется тревога!.. ползти назадъ безсмысленно!.. —въ сторону небезопасно, — часовой будетъ стрѣлять и опять взбудоражитъ всѣхъ!.. А!.. да-да!..»

Часовой стоялъ недвижно. Журинъ осторожно снялъ грубые солдатскіе сапоги, оставилъ ихъ здѣсь, поднялся на ноги, перекинулъ свое ружье черезъ плечо, надѣвъ его посредствомъ

ремня, снялъ со штановъ тоненькій поясокъ, а вмѣсто него подпоясался кушакомъ отъ мундира и, осторожно ступая по кочкамъ земли, двинулся къ часовому, затаивъ дыханіе.

Часовой зорко всматривался впередъ, мурлыкая подъ носъ какую-то восточную заунывную пѣсенку.

Еще шагъ — и часового можно достать рукой... Вдохнувъ неслышно въ себя воздухъ, Журинъ однимъ прыжкомъ бросается на него, сразу зажимая ему ротъ правой ладонью и валитъ его на землю. Сейчасъ-же лѣвой—сдвигаетъ его шапку на лицо, серединой ея зажимаетъ ему ротъ и быстро-быстро завязываетъ ее ремешкомъ на шеѣ. Отрѣзать ножомъ ремень отъ винтовки испуганнаго и парализованнаго крайней неожиданностью врага и связать ему руки было дѣломъ одной минуты, и прежде, чѣмъ горецъ успѣлъ сообразить «въ чемъ дѣло» и сталъ защищаться, все было готово. Журинъ даже усмѣхнулся, что планъ его такъ блестяще удался... Оставались свободными только ноги, на которыя ловкій кавказецъ и не замедлилъ вспрыгнуть какъ кошка, вызвавъ своимъ ловкимъ маневромъ искреннее удивленіе, а, пожалуй, даже и удовольствіе Журина. Но теперь съ нимъ легко было справиться! Журинъ, улыбаясь, рѣшилъ пожертвовать ремнемъ отъ своего ружья. Поваливъ, послѣ незначительной борьбы, своего врага, который сталъ глухо мычать и брыкаться, молодой человѣкъ съ еле сдерживаемымъ смѣхомъ связалъ, наконецъ, ему и ноги. Придя послѣ недавнихъ слезъ, какъ это часто бываетъ, въ хорошее расположеніе духа, а теперь даже въ восторженное настроеніе, Журинъ, все-таки еще очень юный, отошелъ отъ лежавшаго передъ нимъ врага, изящно приподнялъ свою шапку и элегантно раскланявшись, сказалъ ему:

— До пріятнаго свиданія! — на что, вѣроятно, кавказецъ обидѣлся, потому что сильнѣе замычалъ и заёрзалъ, желая освободить связанныя ноги и руки.

Затѣмъ Журинъ повернулся и ползкомъ направился къ своему лагерю. Пропутешествовавъ такимъ образомъ шаговъ около ста, онъ поднялся на ноги и, радостный, побѣжалъ къ своимъ.

Придя къ мѣсту расположенія своей роты, онъ увидѣлъ толпу солдатъ, изъ которой слышался сердитый голосъ капитана:

— И даже за цѣпь не смогли пробраться!.. Молодцы, нечего сказать! А еще въ охотники вылѣзаютъ!.. Гдѣ Калкинъ?

— Убитъ!—отвѣтилъ унтеръ-офицеръ,—въ него въ перваго и стрѣляли!..

— А-ахъ!—досадливо вздохнулъ командиръ,—и всего досаднѣе, что безполезно! безцѣльно!.. Развѣ въ этомъ доблесть солдата?!.. Ну, царство ему небесное!.. Гдѣ Шапкò?

— Тяжко раненъ, ваше высокоблагородіе! насилу уволокли!..

— Ай-ай-ай!—покачалъ головой капитанъ,—а Журинъ гдѣ? нѣтъ Журина?—спросилъ онъ.

Журинъ остановился.

— Должно убитъ, ваше высокоблагородіе, потому, какъ разсыпались, значитъ, такъ изъ виду его и потеряли! Ужь сколько времени прошло!..

— И все безцѣльно! безцѣльно!..—дѣлая крайне недовольную физіономію кричалъ, капитанъ.—И зачѣмъ онъ вылѣзъ?!.. Ну, куда ему?.. сидѣлъ-бы здѣсь! Эхъ! горе-охотники вы, а не охотники! Ни одинъ даже цѣпь не могъ перейти!.. Теперь еще съ этимъ Журинымъ возня!..

— Я здѣсь, ваше высокоблагородіе! — громко отвѣтилъ больно задѣтый за самолюбіе Журинъ и, вступивъ въ толпу, смѣло посмотрѣлъ командиру въ глаза.

Капитанъ немного сконфузился.

— Отчего-же не откликался? — мягко спросилъ капитанъ.

— Я только-что прибылъ, ваше высокоблагородіе!

— Гдѣ былъ?—спросилъ неловко командиръ.

— За цѣпью и въ самыхъ окопахъ!—отвѣтилъ солдатъ.

Слова эти произвели сенсацію среди всѣхъ собравшихся.

— Что узналъ?

— Узналъ направленіе окоповъ, ибо изслѣдовалъ ихъ три.

И Журинъ по приказанію командира все ему подробно разсказалъ.

Благодаря его донесенію, основанному на очень важномъ изслѣдованіи, еще на разсвѣтѣ четвертый баталіонъ ударилъ на непріятеля во флангъ окоповъ, выбилъ его изъ этихъ укрѣпленій, разбилъ, не ожидая подкрѣпленія третьяго баталіона, остававшагося пока въ резервѣ, и большую часть его взялъ въ плѣнъ.

Такимъ образомъ Журинъ косвенно способствовалъ командиру роты получить золотое оружіе «за храбрость», командиру баталіона орденъ Владиміра съ мечами и всему баталіону— благодарность отъ высшаго начальства именемъ государя за «молодецкія дѣйствія». А самъ Журинъ за свой геройскій подвигъ и за храбрость, выказанную при самомъ взятіи укрѣпленной деревни, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и получилъ Георгіевскій крестъ.

Съ этихъ поръ стычки съ непріятелемъ и цѣлыя сраженія съ участіемъ того полка, въ которомъ служилъ Журинъ, пошли чуть-ли не ежедневно и въ этихъ безпрестанныхъ сраженіяхъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

XVI. ГЛАВА БЕЗОТРАДНАЯ.

Наступилъ опять февраль, но уже 1827-го года. Много воды утекло за этотъ годъ, много перемѣнъ произошло въ жизни многихъ людей, а въ Архангельскѣ, въ квартирѣ генерала Штейна, по-прежнему царствовали уныніе и печаль... Правда, въ жизни обитателей генеральскаго домика появился свѣтлый лучъ: это Павлуша, который своимъ дѣтскимъ невиннымъ лепетомъ на много скрашивалъ унылую жизнь своей матери и часто однимъ видомъ своимъ облегчалъ страданія своего дѣда.

А этотъ дѣдъ... Гдѣ дѣвалась его былая энергія, мужественность, его веселая болтовня, его надежды на выздоровленіе?!.. Все, все это ушло безвозвратно! Теперь это былъ живой трупъ, худой, костлявый, съ измѣнившимися отъ долгихъ страданій чертами лица, съ отросшей длинной сѣдой бородой... Этотъ дѣдъ давно, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, началъ

готовиться къ медленной смерти. Этотъ дѣдъ ничего почти не ѣлъ, ничего почти не говорилъ, а если и открывалъ ротъ, то большею частію за тѣмъ, чтобы еще и еще попросить у Бога скорую смерть...

Надежды на спасеніе не было никакой. И никто изъ окружающихъ его, никто изъ этихъ добрыхъ, сердечныхъ людей не питалъ уже теперь напрасную надежду. Все было ясно, все было понятно!..

И, наконецъ, въ началѣ марта старикъ пожелалъ пріобщиться святыхъ Таинъ, послѣ чего позвалъ дочь, положилъ ей руку на голову, благословилъ ее и внука и сказалъ дочери:

— Крѣпись... молись Богу! Будь счастлива... Люби мужа!.. онъ достойный человѣкъ!.. Онъ—герой!..

Затѣмъ простился съ Ивой, съ Потаповной... Полежавъ въ безмолвіи съ минуту, онъ пробормоталъ:

— Какъ мнѣ теперь легко... хорошо!.. И дѣда не стало.

На третьи сутки его торжественно похоронили при громадномъ стеченіи народа, знакомыхъ и подчиненныхъ, искренно любившихъ добраго, порой строгаго, но всегда справедливаго начальника...

— Миръ праху твоему! Царство тебѣ небесное!—искренно говорилъ всякій, кидавшій горсть земли въ мѣсто его послѣдняго успокоенія, въ могилу.

Лиза, хотя для нея смерть отца не могла уже быть новостью, впала въ страшное отчаяніе. Первое время она не могла очнуться, не могла прійти въ себя.

— Что я?.. Куда я дѣнусь?.. Куда пойду?!..—говорила она.

Утѣшенія всегда радовавшагося чужими радостями, всегда страдавшаго чужими страданіями Ивы мало дѣйствовали на нее.

— Пошли хоть теткѣ грамотку,—посовѣтовала Потаповна, —може она за тебя подумаетъ!..

Старуха не ошиблась. Правда, со дня отправленія письма до полученія отвѣта отъ тетки Журина изъ Казани прошло что-то около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, но все-же пришелъ отвѣтъ, измѣнившій отчасти жизнь Лизы.

Тетка звала Лизу къ себѣ, прося выѣхать немедленно по полученіи письма.

— Боже мой!..—невольно вскрикнулъ Ива при этомъ извѣстіи,—что-же я, несчастный, здѣсь буду дѣлать?!.. Одинъ!.. Одинъ, какъ перстъ!.. Одинъ!.. Одинъ!..

И бѣдный Ива рыдалъ, какъ ребенокъ... Горе его не имѣло границъ...

— Бѣдный ты мой!.. Сирый!..—ласково цѣлуя его, какъ мать, причитала надъ нимъ Потаповна, — горькій ты мой!.. Одинъ-одинешенекъ!.. И за что на тебя, бѣднаго, планида такая несчастная выпала!.. Бѣдный!.. Бѣдный!..

И старуха плакала вмѣстѣ съ нимъ...

И Лиза до боли сердца жалѣла его, но... дѣлать было нечего... Люди злы — и на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Оставаться съ нимъ Лизѣ не приходилось. Самыя святыя дружескія отношенія, самую чистую братскую любовь люди могли извратить, забросать грязью...

И такъ ужь почтмейстерша съ засѣдательшей... ну, да Богъ съ ними... не суди и да не осужденъ будеши...

Подумала—подумала Лиза и рѣшила собираться въ дальнюю дорогу, въ далекій незнакомый городъ... къ незнакомой женщинѣ, къ единственной, у которой могла найти пріютъ. Распродала она все ненужное, многимъ людямъ дала вольную и назначила день отъѣзда.

— Матушка,—передъ отъѣздомъ сказала Лиза Потаповнѣ, —ты стара, а старость покой требуетъ. Я дамъ тебѣ денегъ, я домикъ куплю и хочешь, заживи на старости припѣваючи...

Но старуха озлилась:

— Чтой-то, мать моя боярыня! — больно строга стала къ слугамъ ты! Больно ты ужь заспесивилась. Брось-ка глупости, сударушка!.. И не надо мнѣ казны твоей, ни домушка! Коль не хочешь во миру ты жить, я себѣ найду дороженьку!..

И старуха не въ шутку надулась.

Лиза, какъ могла, стала утѣшать ее. Старуха уже болѣе мягкимъ голосомъ бормотала:

— Ишь что выдумала! а!.. Да и самъ твой дитё да и сама ты дитё! И куда-жъ я васъ однѣхъ пущу?.. Вотъ выдумщица! Стара!.. Да я еще десятка два лѣтъ проскриплю!..

...Отслужили панихиду по покойникѣ. Отслужили и молебенъ напутственный и... двинулись въ путь-дорогу... Ива, которому за все его печальное существованіе въ мѣстѣ ссылки не было ни въ чемъ ни радости, ни отрады, котораго судьба особенно зло и несправедливо преслѣдовала и терзала на каждомъ шагу, остался одинъ!

— Одинъ!.. Одинъ!.. — исхудалый, блѣдный, совершенно упавшій духомъ, съ болью въ душѣ повторялъ онъ, вглядываясь мутными глазами вслѣдъ удалявшемуся экипажу.— Одинъ!.. Одинъ!..

Экипажъ уже успѣлъ совсѣмъ скрыться, и облако пыли улеглось, а онъ стоялъ, и душа его еще болѣе надрывалась, и онъ шепталъ:

— Одинъ!.. Одинъ!..

Уже сумерки спускались надъ Архангельскомъ, а этотъ сирый человѣкъ все стоялъ... все глядѣлъ... все страдалъ...

— Одинъ!.. Одинъ!..

. . . . . .

Долгій путь, томительный, тяжелый, невеселый путь!

...И вотъ онѣ въ Казани.

Новыя мѣста—новыя мысли. Новые люди... авось, и новое счастье?

...Проѣхавъ домовъ съ десятка полтора по главной улицѣ, женщины велѣли возницѣ остановиться и спросили у полицейскаго, гдѣ находится домъ госпожи Кондоровичъ.

Полицейскій отвѣтилъ:

— А вотъ-съ, прямо; затѣмъ налѣво, затѣмъ опять прямо и затѣмъ опять налѣво—и тамъ увидите домъ госпожи Кондоровичъ!

Лиза удовольствовалась такимъ указаніемъ, запомнивъ, что надо ѣхать прямо до перваго поворота налѣво.

Экипажъ тронулся. Повернувъ налѣво, онѣ опять увидѣли полицейскаго.

— Повернете налѣво, и второй домъ по правой рукѣ и будетъ домъ госпожи Кондоровичъ,—сказалъ онъ.

Когда ихъ экипажъ повернулъ налѣво, Лиза невольно вскрикнула, сердце ея ёкнуло и больно сжалось; Потаповна перекрестилась: у второго дома по правой рукѣ стоялъ... погребальный катафалкъ... У подъѣзда была толпа народа съ обнаженными головами. Къ стѣнѣ дома была приставлена крышка отъ гроба...

«Неужели?!—думала Лиза въ ужасѣ и ее пронимала нехорошая нервная дрожь,—единственный человѣкъ, который обѣщалъ мнѣ пріютъ!.. Я въ чужомъ городѣ... Нѣтъ! не можетъ быть!.. не можетъ быть!..

Экипажъ остановился. Ямщикъ снялъ шапку. Потаповна молчала.

Лиза быстро выпрыгнула изъ рыдвана и робкими шагами одна вошла на крыльцо. Толпа разступилась передъ нею. Лиза, какъ во снѣ, прошла далѣе въ залъ, жадно всматриваясь впередъ глазами... Предчувствіе горя не покидало ея душу. Сердце больно-больно замирало... дыханіе сперло. Она увидѣла на столѣ покойника, лежавшаго въ гробу; кругомъ горѣли свѣчи. Было душно, пахло ладономъ. Всѣ съ удивленіемъ глядѣли на нее въ измятомъ пыльномъ дорожномъ платьѣ, худую, жалкую, съ растеряннымъ блуждающимъ взоромъ, который перебѣгалъ съ одного лица на другое, какъ-бы желая что-то спросить... Наконецъ, она протянула впередъ лѣвую руку и долго не могла ничего сказать: ей не хватало воздуха.

— Кто... кто?.. кто это?—чуть слышно, страннымъ, глухимъ и дрожащимъ голосомъ спросила она, все еще держа лѣвую руку вытянутой впередъ.

— Боже мой!—зашептали кругомъ,—кто она?..

— Что-же это? — со страхомъ отодвигаясь, шептали дамы.

— Господи!..—сказалъ кто-то,—да она сумасшедшая!..

— А... а? сумасшедшая, сумасшедшая! — пронеслось по залѣ...

И всѣмъ стало страшно, и всѣ отодвинулись...

— Кто?.. ради Бога, кто это? кто?!—настойчиво спросила Лиза.

Кто-то отвѣтилъ:

— Это?.. это госпожа Кондоровичъ.

— А-а-а-ахъ!.. а!..—страшно, мучительно вскрикнула Лиза и грохнулась тутъ-же на полъ.

Многіе выбѣжали изъ зала. Многіе въ страхѣ стояли, не будучи въ силахъ объяснить себѣ происшедшее.

Въ залъ вошла Потаповна, ахнула, посадила бывшаго на рукахъ ея ребенка на близстоявшій диванъ и со слезами кинулась къ своей «касатушкѣ».

Нѣкоторые, слѣдуя примѣру старухи, также подошли къ молодой женщинѣ и помогли перенести ее въ сосѣднюю комнату. Старуха, какъ могла, удовлетворила разспросамъ собравшихся, разсказавъ имъ вкратцѣ трогательную обстановку всѣхъ послѣднихъ происшествій.

Была оказана медицинская помощь... но медики осрамились: Лиза лежала безъ движенія! Здѣсь, въ этой комнатѣ, приняла особенно горячее участіе въ судьбѣ молодой женщины г-жа Менаева; она своимъ чуткимъ женскимъ сердцемъ сразу поняла всю безвыходность положенія, въ какомъ очутилась Елизавета Ѳаддѣевна Журина въ чужомъ, незнакомомъ ей городѣ и настояла, чтобы безчувственную Лизу перенесли къ ней въ домъ, гдѣ окружила ее своимъ уходомъ. Лиза пришла въ себя и съ тѣхъ поръ осталась въ семьѣ Менаевыхъ, гдѣ была принята, какъ родная, окруженная истинно родственными заботами, радушіемъ и вниманіемъ къ ея несчастію всѣхъ членовъ этой благородной семьи. . . . . .

. . . . . .

Прошло четыре съ лишнимъ года... Журинъ все былъ на Кавказѣ и Елизавета Ѳаддѣевна попрежнему жила у Менаевыхъ, попрежнему находя въ хозяйкѣ этого дома и нравственную поддержку и теплое родственное сочувствіе къ своей ужасной долѣ... Мало-по-малу она успокаивалась, осваивалась со своей

новой жизнью и, наконецъ, съ истинно-материнскою нѣжностью занялась воспитаніемъ своего Павлуши.

Большой отрадой для нея была и переписка съ мужемъ, который, впрочемъ, за недосугомъ рѣдко писалъ ей,—съ Ивой, попрежнему прозябавшимъ въ Архангельскѣ, и со старикомъ Журинымъ, который съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что внукъ подрастаетъ и здоровѣетъ, присылалъ Лизѣ самыя ласковыя, самыя задушевныя письма. Потаповна попрежнему «скрипѣла» и, ухаживая за Павлушей, начинала няньчить уже третье поколѣніе!..

XVII. «И ГРЯНУЛЪ БОЙ!..»

Бой былъ въ самомъ разгарѣ. Солдаты наши, какъ львы, лѣзли на брустверъ непріятеля, постепенно выбивая его изъ окоповъ. Крики горцевъ смѣшались съ русскими криками «ура!» Убитые и раненые съ воплями падали почти поровну съ обѣихъ сторонъ. Этотъ бой, въ который былъ пущенъ почти весь корпусъ подъ главнымъ начальствомъ барона Рокена, долженъ былъ рѣшить, если не окончательную побѣду послѣ долгой, многолѣтней борьбы, то во всякомъ случаѣ ясно опредѣлить: на чьей сторонѣ перевѣсъ. И наши и горцы отлично знали это, и обѣ стороны дрались безпощадно, съ ожесточеніемъ... Вся бригада, въ которой числился и полкъ съ унтеръ-офицеромъ Журинымъ, была послана впередъ и дралась уже болѣе часу безъ передышки. Ужь и нашу кавалерію пускали два раза въ атаку, предполагая закончить жестокій бой и рѣшить успѣхъ въ нашу сторону. Но и это было безполезно! Храбрые горцы подъ предводительствомъ своего бея, красиво гарцовавшаго то тамъ, то сямъ среди пѣхоты и кавалеріи непріятельской, такъ временами тѣснили насъ, что заставляли нашихъ начальниковъ вырываться впередъ и воодушевлять, подбадривать сѣрыхъ героевъ, и даже по возможности подсылать свѣжіе резервы. И всѣ видѣли, и всѣ чувствовали, что сила непріятеля заключалась главнымъ образомъ въ лицѣ ихъ молодца-предводителя, бея на золотистомъ кабардинцѣ, и никто не могъ уловить его на мѣстѣ, чтобы мѣт-

кой пулей ссадить его съ красавца-коня. А конь, какъ на зло, былъ неуловимъ: онъ какъ огонь мелькалъ въ разныхъ мѣстахъ храбраго отряда горцевъ.

Полкъ, въ которомъ числился Журинъ, тѣснилъ правый флангъ непріятеля своимъ лѣвымъ флангомъ, давая время-отъ-времени дружные залпы и подступая къ нему все ближе и ближе. Вотъ справа пронеслось радостное, мощное «ура», и первыя роты ринулись... на смерть!.. Ихъ примѣру послѣдовали и лѣвыя роты, а съ ними и шестнадцатая рота, рота, въ которой былъ Журинъ. Они вгнѣздились въ ряды непріятеля... и все смѣшалось... Гулъ и стоны послышались кругомъ, лязгъ и звонъ оружія. Рубили и кололи другъ друга, сталкиваясь грудью и снова расходясь, чтобы удобнѣе нанести ударъ. Потомъ и кровью запахло кругомъ... Слышались хрипѣнія, тяжелая одышка, въ удушливомъ дыму и пыли виднѣлись потныя красныя лица съ выкаченными отъ ожесточенія глазами. Люди озвѣрѣли. Все смѣшалось, все топталось, все давило... Что-то трещало по временамъ, что-то теплое, клейкое и густое брызгало по временамъ на лица этихъ людей.

— Впередъ!.. за мной ребя...—крикнулъ капитанъ, командиръ роты, и не докончилъ: ловкій, мѣткій ударъ кривой шашки надвое разсѣкъ ему голову.

Журинъ, на груди котораго было уже два Георгія, выскочилъ впередъ и разбилъ вдребезги прикладомъ черепъ храбрецу, мстя за командира. Единственный, оставшійся въ живыхъ молодой офицеръ выбѣгаетъ впереди всѣхъ, крича что есть силы:

— Слуша-а-а-ай мою команду!.. Впередъ!.. коли!..

Всѣ ринулись за юношей и дальше врѣзались въ непріятеля. Но непріятель не поддается и твердо держится на мѣстѣ.

— Бей!..—кричитъ новый начальникъ,—впередъ!.. Умремъ за оте...—и падаетъ навзничь, шепча: «мама!.. Таня!..»

Непріятель наступаетъ. Какой-то негодяй добиваетъ лежачаго юношу, разсѣкая ему грудь. Небольшая толпа, видя это, уничтожаетъ нахала, и Журинъ первый всаживаетъ въ него штыкъ.

Наши дрогнули и безъ командира поддаются назадъ. Горцы тѣснятъ энергично, громче и радостнѣе возглашая побѣду. Никто не беретъ начальство, и рота отступаетъ...

— За мной!—гаркнулъ Журинъ, первый снова врѣзываясь въ непріятеля,—не выдавай, братцы!!..

Рота двинулась впередъ, съ новой энергіей принимаясь за «работу». Журинъ все дальше и дальше удаляется отъ роты.

— За мной!.. Живо!.. Не выдавай!.. — и отбивается направо и налѣво отъ направленныхъ на него ударовъ.

Солдатики кинулись на выручку героя, удаляясь съ нимъ вглубь горцевъ.

— Молодцы!.. — кричитъ унтеръ. — Чеши ихъ... впередъ! отомстимъ за нашихъ офицеровъ!.. Урааа!!..

— Урр-р-а-а-а-аа!!..—гаркнула наполовину опустошенная рота и *первая* подала примѣръ другимъ ротамъ своего полка.

— У-р-ра-а-а!—подхватили 15-я, 14-я и т. д. роты и послѣдовали геройскому примѣру шестнадцатой...

Журинъ достигъ непріятельскаго знамени. Какъ мухи, вмигъ налетѣли горцы, но солдаты, зная, что значитъ *знамя*, не хуже горцевъ ринулись на нихъ... Еще усилилась бойня!..

Непріятель дрогнулъ... дрогнулъ и далѣе противъ другихъ баталіоновъ и сталъ отступать... Пошла пальба...

Вдругъ шумъ, свистъ и земля дрожитъ... Это несутся наши казаки и наша кавалерія... мигъ—и врѣзались въ горцевъ...

Знамя осталось въ рукахъ раненаго побѣдителя...

Откуда ни возьмись, налетѣли черкесы, и пошло конное полосованіе... Шумъ, пыль—ничего не видно! Только ржаніе коней и лязгъ сабель даютъ знать, что происходитъ что-то ужасное... и все почти на одномъ мѣстѣ!..

Но вотъ несутся еще двѣ лавы черкесовъ, предводительствуемыя самимъ беемъ.

Злость закипѣла въ груди Журина, и онъ присѣлъ со знаменемъ за рытвиной вмѣстѣ съ товарищами, противу мчавшагося бея.

— Пали, ребята, подъ ноги конямъ!..—приказалъ онъ.

Солдаты, допустивъ кавалеристовъ шаговъ на сто, дали по нимъ нестройный, поспѣшный залпъ и... рядомъ скакавшій съ беемъ всадникъ свалился, угодивъ прямо коню бея подъ ноги. Бей со своимъ конемъ полетѣли кувыркомъ къ рытвинѣ. Моментъ—и конь и всадникъ вскочили на ноги, но конь, красиво давъ въ воздухѣ антраша, умчался, оставивъ бея пѣшимъ. Въ одинъ мигъ Журинъ, держа въ одной рукѣ знамя, другой ухватился за горло бея, который успѣлъ что-то крикнуть. Къ нему подскакалъ черкесъ и со всего маху ударилъ шашкой по головѣ Журина, и лихой унтеръ повалился на землю, не выпуская изъ рукъ ни бея, ни знамени. Черкеса тутъ-же застрѣлили подоспѣвшіе товарищи и окружили несчастнаго Журина, но было поздно... Онъ лежалъ распростертый на землѣ, судорожно сжимая и знамя, и горло бея, и кровь ручьемъ лилась изъ-подъ шапки!..

Кавалерія дралась, перемѣнивъ мѣсто, но... безъ бея черкесы были не такъ опасны, тѣмъ болѣе, что въ общую свалку пустили еще цѣлый дивизіонъ нашихъ драгунъ. Минутъ черезъ пять этотъ жаркій бой былъ оконченъ...

Побѣда осталась за нами!

Баронъ Рокенъ, стоя на возвышенности, внимательно слѣдилъ въ трубу за ходомъ боя, любуясь отвагой ввѣренныхъ ему солдатъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что наша пѣхота дрогнула по всей линіи, дрогнулъ и лѣвый флангъ, гдѣ была шестнадцатая рота. Направивъ сюда трубу, онъ замѣтилъ, что здѣсь нѣтъ ни одного офицера и хотѣлъ уже отдать какое-то приказаніе своему ординарцу, какъ къ своему удовольствію увидѣлъ выскочившаго впередъ солдата съ двумя крестами. Съ этихъ поръ онъ почти не отрывалъ отъ него трубы. Онъ видѣлъ всѣ его подвиги шагъ за шагомъ, видѣлъ, что онъ со своей ротой воодушевилъ чуть-ли не весь полкъ, который снова сталъ наступать на непріятеля.

— Кто это?—обернулся командиръ корпуса къ одному изъ своихъ ординарцевъ.

— Это Журинъ, ваше высокопревосходительство!

— Ахъ!.. это онъ,—произнесъ генералъ и еще внимательнѣе сталъ слѣдить за нимъ.

Когда Журинъ выхватилъ знамя у непріятеля, генералъ подпрыгнулъ отъ удовольствія.

— Ай! молодецъ! Вотъ молодецъ,—сталъ онъ приговаривать все время вплоть до того момента, когда герой палъ на землю вмѣстѣ со знаменитымъ предводителемъ.

— Боже мой! — вскричалъ генералъ,—его убили! Маршъ всѣ и немедленно доставить его сюда!

Поскакала лазаретная линейка и возвратилась вмѣстѣ съ Журинымъ, съ хрипящимъ беемъ и со знаменемъ, котораго герой не выпускалъ изъ рукъ.

Генералъ прослезился, глядя на эту потрясающую своимъ величіемъ картину и, обратившись къ докторамъ, спросилъ:

— Какъ?

Доктора долго осматривали Журина, предварительно съ помощью хирургическихъ инструментовъ раздвинувъ ему осторожно руки, сжимавшія знамя и горло бея.

— Какъ, я спрашиваю! — крикнулъ генералъ, топнувъ ногой.

— Рана очень серьезна!—отвѣтилъ старшій,—кромѣ того, онъ раненъ и въ ногу, но то не угрожаетъ жизни; но все-же онъ потерялъ массу крови... сердце еле бьется...

— Что, «массу крови»!—зло передразнилъ генералъ,—будетъ онъ жить или нѣтъ?!..

— Наврядъ... нѣтъ!.. не выживетъ!—отвѣтилъ врачъ.

Генералъ совсѣмъ разсердился, побагровѣлъ, затопалъ ногами:

— Ка-акъ? Какъ не будетъ?.. да?.. Ну, такъ слушайте-же! слушайте всѣ вы, господа врачи: я вамъ приказываю... *приказываю,* чтобы онъ жилъ!.. Слышите?.. Слышите, я спрашиваю!!? Оо!..

— Слу... слушаемъ, ваше высокопревосходительство!..

И генералъ сердито отошелъ отъ нихъ.

И Журина вылѣчили-таки. Правда, лѣчили долго, но... вылѣчили!..

— Это шапка... шапка спасла, шапка толстая,—какъ-бы извинялись врачи въ томъ, что вылѣчили,—въ шапкѣ крестикъ... сабля скользнула по крестику, ударъ пришелся криво... Собственно говоря, мы ожидали смерти отъ потери крови, а... а черепъ цѣлъ и...

— Ну, — перебилъ генералъ, — «сабля прямо» или «сабля криво», а приказъ исполнили—спасибо!..

...Конечно, начальство донесло въ Петербургъ о геройствѣ Журина и о всѣхъ его заслугахъ предъ царемъ и отечествомъ.

И вотъ, когда Журинъ выздоровѣлъ, пришелъ отъ государя приказъ, что,—по ходатайству главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ барона Рокена,—Журинъ получаетъ высочайшее прощеніе: ему возвращается его чинъ подпоручика и знаки отличія и права, кои ему были присвоены; разрѣшается ему жить въ собственномъ имѣніи Казанской губерніи (доставшемся отъ несчастной г-жи Кондоровичъ по ея духовному завѣщанію), безъ права, однако, выѣзда изъ губерніи.

Кромѣ того, по представленію и удостоенію начальства, означенный подпоручикъ Журинъ, за военные подвиги и за примѣрную выдающуюся отвагу, проявленную въ дѣлахъ съ непріятелемъ, производится изъ подпоручиковъ въ поручики, въ штабсъ-капитаны и въ капитаны и награждается знакомъ военнаго ордена св. Георгія офицерскаго креста 4-й степени съ присвоеніемъ золотого оружія «за храбрость».

Генералъ самъ прочиталъ капитану Журину этотъ приказъ, поцѣловалъ его, перекрестилъ и сказалъ:

— Теперь я, какъ солдатъ, благодарю солдата! Вотъ вамъ приказъ и поѣзжайте себѣ въ Казань къ женѣ и сыну!.. Съ Богомъ!—И еще разъ поцѣловалъ его.

Нужно-ли говорить, что и на этотъ разъ Журинъ выѣхалъ съ Кавказа «не медля ни мало»? . . . . . .

. . . . . .

Когда онъ увидѣлъ въ Казани вышедшую къ нему навстрѣчу взволнованную и дрожащую отъ радостнаго волненія жену, шестилѣтняго сынишку,—въ первый разъ въ жизни, то... нѣтъ!.. такія сцены не описываются!.. Ихъ можно воображать и надо чувствовать!..

Прошло еще пять лѣтъ. Журины жили то въ Казани, то въ своемъ имѣніи. Павлуша, окруженный учителями и гувернерами, учился. У него уже были: братъ Александръ и сестра Елена. Потаповна попрежнему «скрипѣла» и попрежнему няньчила!.. Ужь такая ея вышла «планида».

Наступилъ 1837-й годъ, годъ памятный и знаменательный въ лѣтописяхъ Казани! Въ этотъ годъ посѣтилъ Казань государь Николай Павловичъ. Военнымъ губернаторомъ г. Казани былъ въ то время генералъ-адъютантъ С. С. Стрекачовъ, тотъ самый Стрекачовъ, который зналъ еще въ отдаленные дни въ Петербургѣ юнаго подпоручика Журина; тотъ самый, что 14-го декабря 1825-го года привезъ на Исаакіевскую площадь митрополита Серафима для усовѣщанія «мракобѣснующихся».

Послѣ торжественной встрѣчи императора, С. С. Стрекачовъ сталъ на запятки государева экипажа, и такъ они въѣхали въ городъ. Государь разговорился и вспомнилъ о Журинѣ, наталкиваемый на эту мысль Стрекачовымъ, который, пользуясь хорошимъ настроеніемъ духа императора, испросилъ у него дорогой *полнаго прощенія* капитана Журина. Ему было съ высочайшаго соизволенія разрѣшено жить гдѣ ему угодно и, благодаря особой аттестаціи Стрекачова,—не исключая и столицъ.

Государь пожелалъ видѣть Журина.

— А, синьоръ! — привѣтствовалъ весело императоръ Журина во время его представленія,—здравствуй-здравствуй!.. Лѣтъ 12 вѣдь не видались.

— Здравія желаю вашему императорскому величеству, — скромно отвѣтилъ Журинъ.

— Всѣ тебя хвалятъ, охотно вѣрю въ твои вѣрноподданническія чувства.

— У меня иныхъ никогда и не было, ваше величество!— твердо отвѣтилъ капитанъ.

— Охотно вѣрю!—повторилъ императоръ,—а за геройство, за отвагу хвалю!

— Радъ стараться, ваше величество.

— Ну, а кто старое помянетъ,—сказалъ царь, кладя свою руку на обшлагъ капитанскаго мундира, — тому глазъ вонъ!.. Ну, поѣзжай съ Богомъ, куда хочешь!..

Журинъ, тронутый до глубины души словами монарха, въ своемъ счастьѣ вспомнилъ о несчастіи другого... и медлилъ, чѣмъ обратилъ на себя удивленный орлиный взглядъ императора.

— Прошу прощенія за дерзость, ваше величество,—мягко сказалъ капитанъ Журинъ,—я хочу просить еще одной великой милости...

Государь молчалъ.

— У меня въ Архангельскѣ есть товарищъ по несчастію, бывшій мичманъ флота вашего величества, который и посейчасъ носитъ солдатскую шинель. Онъ боленъ, ваше величество!.. Клянусь вамъ честью и этими орденами и этой саблей, что у него, сколько я его знаю и зналъ, самыя благонадежныя мысли, а по своимъ душевнымъ качествамъ—это одинъ изъ лучшихъ вѣрноподданныхъ вашего величества!.. Умоляю ваше величество простить ему все!..

— Фамилія?—спросилъ государь.

— Ива Писакинъ!

— Ты за него ручаешься?

— Своей жизнью, жизнью моей жены, моего...

— Довольно! Быть по сему!—весело сказалъ государь и, хлопнувъ его по эполету, прибавилъ:—ты отличный товарищъ! Ну, Богъ на помощь!

Журинъ откланялся и бѣгомъ, со слезами радости направился къ женѣ обрадовать ее новымъ счастьемъ...

Это послѣднее счастье было безгранично велико!..

Въ тотъ-же день съ приказомъ и предписаніями и съ пись-

момъ отъ Журиныхъ фельдъегерь поскакалъ въ Архангельскъ, неся съ собою на этотъ разъ пріятную, радостную вѣсть!

Журины переѣхали на житье къ генералу-отцу въ его «печальную усадьбу», какъ сосѣди-помѣщики прозвали за послѣднее время жилище генерала.

Вскорѣ прибылъ туда и несчастный Ива. Но что онъ представлялъ изъ себя теперь!.. Худой, изможденный, почти старикъ съ тусклымъ взглядомъ!..

— Ничего! — сказалъ ему капитанъ, — у насъ поправишься...

— Я никогда, никогда теперь не разстанусь съ вами! — съ чувствомъ сказалъ Ива.

— Конечно! но не волнуйся!.. Печали отбросимъ, начнемъ новую жизнь!.. Мы еще молоды!..

...И дѣти, и помолодѣвшій отъ радости старикъ, и Журины, и Ива,—да если еще прибавить и французовъ и воркотню Потаповны, которая уже няньчила четвертаго ребенка,—всѣ они, всѣ—изъ «печальной усадьбы» сдѣлали, пожалуй, теперь самую веселую!

КОНЕЦЪ.

МОЛОЧНАЯ СЕСТРА

РОМАНЪ

АНДРЕ ТЕРЬЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ИЗДАНІЕ
Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. дв., 18. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12.

ТИПОГРАФІЯ
ОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Спб. В. О., 16 л., № 5—7.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 іюня 1903 года.

МОЛОЧНАЯ СЕСТРА.

РОМАНЪ

АНДРЕ ТЕРЬЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ концѣ 1848 года, окончивъ диссертацію на доктора медицины Парижскаго факультета, Аристидъ Вильмье рѣшилъ не возвращаться больше въ свою провинцію. Ему не хотѣлось покидать столицы, такъ какъ онъ былъ слишкомъ увлеченъ наукою, кромѣ того, политическіе вопросы, волновавшіе въ то время молодые умы Латинскаго квартала, не прошли для него безслѣдно и въ немъ загорѣлся цѣлый рой честолюбивыхъ замысловъ.

Вильмье посѣщалъ политическія сходки, принадлежалъ къ двумъ, или тремъ соціалистическимъ кружкамъ и видѣлъ уже въ недалекомъ будущемъ весь строй государства обновленнымъ.

Событія 1851 года внезапно разрушили всѣ его планы, а, войдя въ столкновеніе съ Бонапартистами, онъ потерялъ послѣднюю вѣру въ успѣхъ своего дѣла и, разочарованный, перенесся мысленно въ родные края.

Его вдругъ охватила тоска по родинѣ; извѣстіе-же, что на югѣ Аргоннъ многія поселенія не имѣютъ врачей и лишены даже первой помощи,—дало ему окончательный толчокъ.

Вильмье рѣшилъ приносить пользу своей странѣ и поселиться въ Больё,—маленькомъ уголкѣ земли, извѣстномъ лишь тѣмъ, что до революціи онъ принадлежалъ Бенедиктинскому аббатству.

Деревня эта занимала участокъ, на которомъ много лѣтъ тому назадъ находились монастырскія постройки, проданныя въ 1797 году, какъ національное имущество, и лежала на горномъ кряжѣ, возвышавшемся надъ волнистыми равнинами Барруа.

Доктору Вильмье пошелъ всего двадцать девятый годъ, когда онъ выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ этотъ заглохшій уголокъ, обитатели котораго жили исключительно лѣснымъ промысломъ. Онъ поселился въ старомъ флигелѣ бывшаго монастыря, утопавшемъ въ вишневыхъ деревьяхъ и сливахъ, и назвалъ его своимъ маленькимъ аббатствомъ. Изъ оконъ видны были богатые виноградники, а за ними тянулась равнина, перерѣзанная цвѣтущими полянами и нивами. На этой волнистой поверхности, освѣщенной солнечными лучами, кое-гдѣ внезапно выступали зеркальными отблесками извилины рѣки и затоны озеръ. Вдали возвышались церковныя башни, а надъ всей этой мѣстностью царило синее небо, по которому плыли причудливыя тучки, отбрасывая на землю свои тѣневые узоры.

Поселясь здѣсь, Вильмье очутился отрѣзаннымъ отъ остального цивилизованнаго міра, но это одиночество вполнѣ гармонировало съ его душевнымъ настроеніемъ.

Его либеральныя убѣжденія стали скоро извѣстны тому маленькому кружку, въ которомъ Вильмье пришлось вращаться, а потому неудивительно, что духовенство и мѣстныя власти отнеслись къ нему недовѣрчиво.

Богатые землевладѣльцы избѣгали его, и доктору на первыхъ порахъ приходилось переживать большую нужду, тѣмъ болѣе, что его бѣдные паціенты не всегда оплачивали его труды. Но всѣ эти неудачи не смущали молодого врача, и чѣмъ больше встрѣчалъ онъ затрудненій,—тѣмъ энергичнѣе работалъ.

Вильмье былъ не только безкорыстный, но крайне добросовѣстный и знающій свое дѣло врачъ, и вскорѣ слава о его

удачной практикѣ разнеслась по всей мѣстности и поборола предубѣжденіе жителей: богатые, равно какъ и бѣдные, стали обращаться къ нему за помощью. Всѣ заговорили, что Вильмье знатокъ своего дѣла, человѣкъ не злой, хотя и выглядитъ неотесаннымъ медвѣдемъ. Такимъ образомъ послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Больё, онъ сталъ пользовать всѣхъ жителей и снискалъ симпатію людей даже самыхъ предубѣжденныхъ.

Въ 1861 году Вильмье пошелъ уже сороковой годъ. Онъ продолжалъ свою одинокую тихую жизнь въ обществѣ одной лишь экономки, которую злые языки окрестили именемъ служанки-наложницы. Онъ сильно посѣдѣлъ и своимъ маленькимъ ростомъ и плотнымъ сложеніемъ походилъ на кабана; его узенькіе глазки почти закрывались нависшими бровями, борода порыжѣла отъ постояннаго употребленія табаку; говорилъ онъ ворчливо и съ какимъ-то шипѣньемъ.

Откровенный отъ природы, Вильмье не скрывалъ никогда своихъ сужденій и не щадилъ тѣхъ, кто ему не нравился; но будучи неумолимъ къ врагамъ, онъ въ то-же время цѣнилъ достойныхъ людей и горячо любилъ друзей своихъ.

Въ праздникъ Срѣтенія Господня въ 1862 году, докторъ только въ сумерки вернулся домой, утомленный посѣщеніемъ больныхъ и разбитый физически. Погода стояла ужасная, дождь шелъ уже нѣсколько дней сряду и размылъ дороги, вѣтеръ завывалъ, вырывая деревья съ корнями, а тропинки превратились въ потоки грязи.

Закутанный въ сѣрый дорожный плащъ, Вильмье сидѣлъ за столомъ и кончалъ свой скромный ужинъ, затѣмъ, наполнивъ стаканъ виномъ, онъ воскликнулъ:

— Ахъ, какъ я усталъ сегодня! Онорина, зажгите свѣчу, я иду спать, и еслибъ теперь самъ папа явился звать меня,—я не шевельнусь съ своей постели!

Съ этими словами докторъ направился въ свою спальню, быстро раздѣлся, легъ, и не прошло четверти часа, какъ раздался храпъ, по которому Онорина убѣдилась, что ея хозяинъ заснулъ.

Между двѣнадцатью и часомъ ночи Вильмье продолжалъ спать такъ-же безмятежно, какъ вдругъ въ дверяхъ дома послышался сильный стукъ.

Первымъ движеніемъ доктора было встать и выпроводить незваннаго гостя, но онъ только подумалъ:

«Стучись, дорогой мой, стучись, тебя все равно не впустятъ».

Шумъ между тѣмъ не унимался и къ ударамъ въ двери прибавились еще человѣческіе возгласы, которые при завываніи вѣтра казались жалобнымъ воплемъ.

«Однако, я изрядный эгоистъ,—пронеслось въ головѣ доктора,—въ деревнѣ случилось, вѣроятно, несчастье и пришли за моей помощью!»

Онъ зажегъ свѣчу, соскочилъ съ постели, открылъ ставни и сквозь дождь едва могъ различить двухъ людей, одинъ изъ которыхъ держалъ въ рукахъ огромный фонарь.

— Здѣсь живетъ докторъ? — спросилъ человѣкъ съ фонаремъ.

— Здѣсь, а вамъ что?—спросилъ Вильмье.

— Нужно доктора и очень спѣшно.

Докторъ снова проворчалъ что-то, но затѣмъ, наскорс одѣвшись, вышелъ изъ дома.

Едва онъ успѣлъ открыть калитку, какъ въ аллею быстро направились два рослыхъ, бородатыхъ человѣка, одѣтые въ козьи шкуры.

— Васъ, однако, трудно добудиться, — сказалъ одинъ изъ нихъ, теребя свою бороду, по которой текли струи воды.

— Я крѣпко сплю... но не въ этомъ дѣло: объясните скорѣе, что вамъ нужно?

— Сударь, — заговорилъ снова человѣкъ съ фонаремъ, — дочь моя должна разрѣшиться, но встрѣтились осложненія; акушерка выбилась изъ силъ, теперь мы ждемъ вашей помощи, чтобы спасти больную.

— А куда именно надо идти?

— Въ Мальпертьи.

Мальпертьи находилось въ доброй милѣ отъ Больё; докторъ зналъ, что тамъ живутъ люди, совершенно чуждые ему по убѣжденіямъ и лично къ нему недоброжелательные; только крайняя необходимость могла заставить ихъ искать у него помощи.

— Вы зовете меня въ Мальпертьи, — сказалъ онъ, подумавши, — но какъ добраться туда безъ лошади и экипажа? Въ такую темную ночь я рискую сломать себѣ шею... не лучше ли отложить до завтра?

— Немыслимо, — возразилъ внушительно человѣкъ съ сѣдой бородой.—Вы сами проповѣдуете о любви къ ближнему, а въ данномъ случаѣ долгъ совѣсти долженъ руководить вами; идти пѣшкомъ вамъ не придется: мы запаслись лошадью, и проведемъ васъ по хорошо извѣстнымъ тропинкамъ... Вообще, сударь, не выискивайте препятствій, иначе я возьму васъ силой!

Человѣкъ, говорившій такъ убѣдительно, внушалъ нѣкоторый страхъ доктору и въ то же время коснулся его слабой струнки относительно любви къ ближнему.

— Я слѣдую за вами, — сказалъ Вильмье, натягивая на себя охотничьи сапоги.

Выйдя на улицу, онъ увидѣлъ маленькую лошадку, которая отъ холода и дождя переминалась съ ноги на ногу. На спинѣ ея былъ перекинутъ холстъ, заканчивавшійся двумя мѣшками, вмѣсто стремянъ. Докторъ сѣлъ верхомъ, вложилъ свои ноги въ стремена, а человѣкъ съ фонаремъ взялъ лошадь за поводъ, и они двинулись въ путь.

Ночь была ужасная, пронизывающій вѣтеръ и дождь. Мѣстами приходилось перебираться черезъ бродъ, и лошадь рисковала сломать себѣ ноги. Вильмье казалось, что время тянется безконечно, но вотъ онъ увидѣлъ издали огоньки и остроконечныя крыши Мальпертьи.

Спутники остановились у одного изъ строеній и не успѣли постучать въ дверь, какъ на порогѣ показалась служанка съ фонаремъ.

— Это вы, господинъ Луэссаръ?—спросила она неувѣреннымъ голосомъ.

— Да,—отвѣтилъ человѣкъ съ сѣдой бородой.

Докторъ теперь только понялъ, что предъ нимъ стоялъ Жоэль де Луэссаръ, — зажиточный владѣлецъ Мальпертьи.

Вильмье ввели въ низенькую комнату перваго этажа, гдѣ вся семья была въ сборѣ, и представили присутствующимъ.

— Докторъ,—сказалъ старый Луэссаръ,—паціентка, къ которой вы призваны—жена моего сына Германа, а это ея отецъ, господинъ де-Бонэ.

Вильмье окинулъ взоромъ обоихъ хозяевъ, младшему изъ которыхъ, Герману, было лѣтъ подъ тридцать. Одѣтые въ охотничьи куртки, туго перетянутыя поясомъ, они рѣзко выдѣлялись отъ остальныхъ присутствующихъ и имѣли непривѣтливый видъ.

«Прекрасно,—подумалъ докторъ, — я попалъ въ компанію захудалыхъ дворянъ; теперь я объясняю себѣ ихъ грубость. Но если они думаютъ подавить меня своимъ обращеніемъ, — я въ свою очередь покажу съ кѣмъ они имѣютъ дѣло».

Въ это время вошла служанка съ графиномъ подогрѣтаго вина и стаканами.

— Я оставляю васъ въ обществѣ господина Бонэ, — сказалъ Жоэль, — а самъ пойду посмотрѣть, что дѣлается у невѣстки; выпейте стаканъ вина,—это подбодритъ васъ.

Докторъ, не ожидая приглашенія, уже налилъ себѣ горячаго напитка, отъ котораго распространялся ароматъ корицы, и, обернувшись спиной къ огню, довольно пренебрежительно задавалъ вопросы Бонэ относительно состоянія больной и способа лѣченія.

Минутъ пять спустя, снова появился Луэссаръ со свѣчей въ рукахъ и сказалъ:

— Не угодно-ли вамъ слѣдовать за мной, больной хуже.

Въ сопровожденіи Бонэ они поднялись по винтовой лѣстницѣ и на порогѣ комнаты ихъ встрѣтилъ Германъ съ крайне растеряннымъ видомъ.

— Поспѣшите, ради Бога, докторъ,—воскликнулъ онъ, — моя жена умираетъ!

Вильмье вошелъ въ комнату, и пока акушерка хлопотала

возлѣ больной, онъ окинулъ испытующимъ взоромъ обстановку, въ которой она лежала, затѣмъ, обернувшись къ стоявшимъ у дверей мужчинамъ, сказалъ:

— Можете удалиться,—вы здѣсь совершенно лишніе. Мнѣ достаточно присутствія акушерки.

— Но вы разрѣшите мнѣ остаться,—возразилъ мужъ.

— Ни вамъ, ни другимъ,—отвѣтилъ докторъ,—а если вы не уйдете тотчасъ-же,—я оставляю больную безъ помощи.

Передъ подобными угрозами никто не могъ устоять, и мужчины вышли, недовольные Вильмье, а онъ спокойно приблизился къ больной и сталъ пробовать ея пульсъ.

Паціентка оказалась очень красивой молодой женщиной, хорошо сложенной, но обезсиленной болѣзнью. Въ ея темныхъ глазахъ, какъ-то особенно рѣзко выступавшихъ среди бѣлокурыхъ вьющихся волосъ, свѣтилось много любви, полуоткрытый ротъ обнажалъ чудные зубы, которые судорожно были сжаты; временами больная кусала подушку, чтобы подавить болѣзненные стоны.

При видѣ этой очаровательной страдалицы, Вильмье почувствовалъ себя потрясеннымъ до глубины души и, забывъ свой грубый тонъ, ласково обратился къ ней:

— Не стѣсняйтесь, милая барыня, кричите больше, это только облегчитъ васъ и поможетъ моему дѣлу. Главное — не теряйте надежды: я сдѣлаю все, что могу, чтобы уменьшить ваши страданія.

Затѣмъ Вильмье обратился къ акушеркѣ и, давъ нѣкоторыя указанія, приступилъ къ операціи. Послѣдняя оказалась гораздо сложнѣе, чѣмъ думали; но при искусствѣ доктора, вмѣстѣ съ утренней зарей на свѣтъ явилось маленькое существо. Вильмье передалъ его акушеркѣ, самъ же на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты и крикнулъ внизъ:

— Можете теперь подняться, Богъ далъ мальчика!

Тройной возгласъ былъ ему отвѣтомъ. Мужчины поднялись и были встрѣчены радостнымъ взглядомъ молодой матери, которая затѣмъ впала въ забытье.

— Поздравляю васъ, — обратился докторъ къ отцу, — все обошлось благополучно, и я надѣюсь, что новорожденный будетъ со временемъ богатыремъ.

Младенецъ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, закричалъ пронзительно на всю комнату.

Затѣмъ Вильмье надѣлъ сюртукъ и вмѣстѣ съ Германомъ спустился въ залу, гдѣ старикъ Жоэль и Бонэ уже весело болтали и пили за здоровье матери и малютки. Докторъ присоединилъ свои добрыя пожеланія, замѣтивъ, что ребенокъ легко обойдется безъ его помощи, тогда какъ мать нуждается въ самомъ тщательномъ и серьезномъ уходѣ. Съ этими словами онъ простился съ семьей и вышелъ изъ дома.

На дворѣ какъ бы прояснѣло, дождь пересталъ лить, дорога, благодаря вѣтру, стала почти сухая, и Вильмье подъ впечатлѣніемъ всего пережитаго быстро отправился домой.

II.

Семья Луэссара вела свой родъ отъ именитыхъ стекольщиковъ, которые, поселясь въ Аргоннахъ въ царствованіе Филиппа Красиваго, занимались производствомъ стекла, не теряя при этомъ своихъ правъ на дворянство. Въ 1791 году, послѣ ареста Людовика XVI въ Вареннахъ, дѣдъ Германа, Авраамъ Луэссаръ, эмигрировалъ и вступилъ въ войско Конде; когда же послѣднее было распущено,—онъ перешелъ на службу въ Австрію, гдѣ и оставался до временъ реставраціи.

Въ 1816 году Авраамъ Луэссаръ вернулся съ своимъ единственнымъ сыномъ Жоэлемъ въ свое прежнее жилище — въ Мальпертьи, видъ котораго привелъ его еще въ большее уныніе. Земля была секвестрирована, но на пріобрѣтенье развалившагося дома не нашлось охотника и, благодаря протекціи принцевъ Конде,—Авраамъ скоро добился снятія запрещенія, а послѣ водворенія эмигрантовъ онъ вернулъ большую часть своихъ денегъ и заново отдѣлалъ всѣ постройки. Его сынъ, восемнадцатилѣтній Жоэль, благодаря той-же протекціи, посту-

пилъ на службу къ королю, а въ 1828 году былъ принятъ въ отрядъ его тѣлохранителей.

Въ слѣдующемъ году Карлъ X сдѣлалъ его кавалеромъ ордена Святаго Людовика, чѣмъ и закончилась карьера Жоэля. Во время іюльской революціи, проводивъ короля до границы, Луэссаръ рѣшилъ оставить военную службу и, простившись съ своимъ благодѣтелемъ, поспѣшилъ въ Мальпертьи, гдѣ умиралъ его отецъ. Въ 1832 году Жоэль вступилъ въ бракъ съ дѣвицей де-Сентандре, а черезъ два года сталъ отцомъ двухъ дѣтей: Германа и Маріи-Терезы. Но ему не долго пришлось пользоваться семейнымъ счастьемъ: жена его умерла вслѣдствіе паденія съ лошади, и на бѣднаго отца пала серьезная задача воспитанія.

Между тѣмъ Жоэль далеко не былъ подготовленъ къ этой роли, тогда какъ самъ отличался нетерпѣніемъ, непослѣдовательностью и не любилъ сидячей жизни. Онъ почти все время проводилъ на охотѣ и за картами, а Германъ и Марія-Тереза росли среди прислуги.

Восьми лѣтъ мальчика отдали въ гимназію, а дочь въ училище при Доминиканскомъ монастырѣ.

Избавившись такимъ образомъ отъ извѣстной отвѣтственности, Жоэль Луэссаръ почувствовалъ себя свободнымъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, завертѣлся въ вихрѣ жизни.

Восемь мѣсяцевъ въ году онъ охотился, а остальное время бродилъ по лѣсу и довольствовался случайными встрѣчами съ крестьянскими дѣвушками: онъ былъ большой поклонникъ женскаго пола. Лишь изрѣдка онъ навѣщалъ своихъ сосѣдей Бонэ и Сентандре и переписывался съ товарищами, бывшими одновременно съ нимъ на службѣ у Карла X. На этихъ людей онъ привыкъ смотрѣть, какъ на приверженцевъ стараго правленія, и тайно надѣялся произвести когда-нибудь возстаніе въ Аргоннахъ въ пользу возстановленія Бурбоновъ; но жители этой мѣстности оказались крайне миролюбивыми, и Жоэлю Луэссаръ оставалось довольствоваться однимъ лишь званіемъ платоническаго конспиратора.

Революція 1848 года воскресила на нѣкоторое время его

надежды: Жоэль разсчитывалъ, что населеніе Франціи призоветъ на престолъ Генриха V, но 1851 годъ рѣшилъ обратное, и послѣдовало возстановленіе Имперіи въ лицѣ Людовика Наполеона Бонапарта.

Послѣ этого Луэссаръ совершенно палъ духомъ, и его политическія демонстраціи приняли чисто ребяческій характеръ: въ годовщину 15 августа въ Мальпертьи закрывались не только окна, но и ставни; письма свои онъ отправлялъ не иначе, какъ приклеивая марку съ изображеніемъ «похитителя престола» внизъ головой.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ и нѣкоторой отсталости взглядовъ, Луэссаръ имѣлъ доброе сердце, уживчивый характеръ и весьма пріятную наружность. Въ пятьдесятъ семь лѣтъ онъ выглядѣлъ еще бодрымъ, ловкимъ во всякаго рода физическихъ упражненіяхъ и былъ крайне предупредителенъ съ дамами; въ его блестящихъ глазахъ все еще свѣтилась жажда наслажденій.

Между тѣмъ его дочери исполнилось двадцать лѣтъ, и она выразила желаніе постричься въ монастырь. Со стороны отца не встрѣтилось препятствій, такъ какъ Жоэль видѣлъ въ этомъ какъ-бы нравственную связь съ традиціями семьи Луэссаръ.

Сынъ его объявилъ, что выбираетъ военную карьеру, и отецъ не только не противился, но далъ возможность мальчику подготовиться къ поступленію въ Сенъ-Сирскую школу.

— Всѣ Луэссары,—замѣтилъ онъ,—были вѣрными солдатами своего отечества, и если я самъ не сторонникъ нынѣшняго правительства,—это не мѣшаетъ Герману быть защитникомъ своей родины.

Въ 1852 году Германъ Луэссаръ поступилъ въ училище, а черезъ два года былъ уже произведенъ въ подпоручики и принялъ участіе въ Крымской кампаніи.

Отличившись при Севастополѣ, онъ получилъ чинъ поручика и вернулся на родину.

Въ 1859 году была объявлена война Австріи; полкъ, въ которомъ служилъ Луэссаръ, выступилъ однимъ изъ первыхъ,

и молодой офицеръ, вернувшійся туда, снова обратилъ на себя вниманіе въ битвѣ при Маджентѣ и Сольферино, достигъ чина капитана и былъ награжденъ крестомъ.

Въ двадцать шесть лѣтъ онъ вернулся въ Мальпертьи въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья.

Поселившись здѣсь окончательно,—онъ, по примѣру отца, предался охотѣ, или проводилъ время въ семьѣ Бонэ, которая особенно привлекала вниманіе Германа, такъ какъ онъ встрѣтился тамъ съ хорошенькой Бланшъ.

Дѣвушкѣ только-что исполнилось девятнадцать лѣтъ и, по окончаніи воспитанія, она вернулась къ своимъ родителямъ. Небольшого роста, блондинка, съ натурально вьющимися волосами и карими глазками, она привлекала всѣхъ своею миловидностью.

Германъ Луэссаръ подвергся общей участи, и послѣ двухъ, или трехъ свиданій объяснился Габріэль Бланшъ въ любви. Родители Бонэ, имѣя еще пятерыхъ дѣтей, очень обрадовались этому извѣстію, но объявили, что не могутъ дать приданаго дочери, чѣмъ крайне озадачили бѣднаго влюбленнаго. Однако, чувство взяло верхъ; послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Германъ рѣшился на крайнюю мѣру, то-есть подалъ въ отставку и поселился съ молодой женой въ Мальпертьи.

Въ 1862 году у нихъ родился мальчикъ, причинившій столько страданій матери и обязанный своимъ появленіемъ на свѣтъ исключительно доктору Вильмье.

Такимъ образомъ въ Мальпертьи оказалось три поколѣнія Луэссаръ, совершенно различныхъ по взглядамъ и убѣжденіямъ.

Жоэль, по-прежнему ярый роялистъ, все еще допускалъ мысль о возможности водворенія на престолъ короля. Новое вѣянье не поколебало его убѣжденій, и старикъ оставался непреклоннымъ ко всему тому, что шло въ разрѣзъ съ его взглядами.

Германъ тайно сочувствовалъ прежнему правительству, но, какъ человѣкъ болѣе дисциплинированный, умѣлъ подчиняться и находилъ утѣшеніе въ вѣрѣ, главное же его чувство сосредоточивалось на женѣ.

Дѣйствительно, эта красивая женщина была радостнымъ лучемъ въ ихъ жизни. Своей дѣвственной внѣшностью она напоминала «Святую Екатерину» Корреджіо, а отъ всего ея существа вѣяло женственнымъ обаяніемъ.

Габріэль Бланшъ въ свою очередь горячо любила мужа, гордилась его военной славой и послѣ рожденія сына — еще сильнѣе привязалась къ нему. Что касается малютки, — онъ пока безмятежно дремалъ въ своей колыбелькѣ, или безсознательно щебеталъ, внося въ домъ то оживленіе, которымъ наполняются лѣса при пѣніи птицъ, — и это было очень кстати, такъ какъ семью Луэссара окружала мрачная обстановка.

Высокая стѣна, съ однимъ лишь выходомъ на проселочную дорогу, скрывала отъ взоровъ небольшой домъ; на той же площадкѣ помѣщалась ферма и сарайчики съ машинами, постоянное дѣйствіе которыхъ приносило Луэссару главный доходъ.

Крыльцо въ пять ступеней вело въ переднюю, гдѣ слегка пахло плѣсенью, но на стѣнахъ ея висѣли фамильные портреты и трофеи охоты. Изъ нея дверь шла въ столовую и гостиную, далѣе слѣдовала кухня и винтовая лѣстница, по которой подымались на башню. Любимымъ мѣстомъ для семьи служила столовая, въ гостиную же заглядывали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, во время пріема гостей и другихъ торжествъ.

На верху помѣщались исключительно спальни, при чемъ комната молодыхъ, обращенная на солнечную сторону, производила болѣе отрадное впечатлѣніе: въ ней стояла мебель, обитая голубымъ кретономъ, на полу постланъ былъ коверъ, а изъ оконъ разстилался чудный видъ на Аргонскія горы.

Въ этомъ-то помѣщеніи находились мать и новорожденный.

Габріэль Бланшъ еще въ ожиданіи ребенка выразила желаніе кормить его, и на первыхъ порахъ все шло благополучно; затѣмъ окружающіе убѣдились, что молоко матери не идетъ въ пользу малюткѣ и, посовѣтовавшись съ акушеркой, рѣшили взять кормилицу, но тутъ встрѣтилось сильное сопротивленіе со стороны молодой женщины, которая не уступала своихъ

правъ, и для разрѣшенія вопроса пришлось обратиться къ главѣ семьи—мудрому Жоэлю.

— Другъ мой,—замѣтилъ спокойно послѣдній, — бѣдѣ вашей легко помочь: на фермѣ много коровъ, выбирайте самую здоровую и попробуйте вскормить ребенка на рожкѣ. Я самъ выросъ на козьемъ молокѣ и, какъ видите, пользуюсь прекраснымъ здоровьемъ.

Совѣтъ показался разумнымъ, и мальчика перевели на новый режимъ, но ребенокъ, привыкшій къ груди матери, долго не бралъ рожка, затѣмъ, проголодавшись, принялся сосать; молоко, однако, оказалось неудобоваримымъ, и онъ захворалъ, а докторъ Вильмье, приглашенный по этому поводу, объявилъ, что если родители не возьмутъ тотчасъ-же кормилицы, — дни маленькаго Луэссара сочтены.

Семья бросилась на поиски здоровой женщины, отъ которой ждали теперь спасенія, но безуспѣшно. Къ счастью, именно въ это время Давидъ Бонэ пріѣхалъ навѣстить свою дочь и взялся выручить ихъ изъ бѣды.

Онъ вспомнилъ о женѣ бригадира Нуартенъ, живущей неподалеку отъ деревни, у которой шесть мѣсяцевъ тому назадъ родилась дѣвочка.

Северина Нуартенъ имѣла еще одиннадцатилѣтняго сына, выглядѣла бодрой, здоровой женщиной и отвѣчала во всѣхъ отношеніяхъ требованіямъ Луэссаръ.

Направляясь къ ней, Давидъ Бонэ былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла, думалъ даже обрадовать бригадира своимъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что семья нуждалась, а лишніе шестьдесятъ франковъ могли пополнить ихъ бюджетъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ самого Нуартена и объяснилъ ему причину посѣщенія.

— Я вполнѣ сочувствую госпожѣ Луэссаръ, — сказалъ бригадиръ,—и еслибъ зависѣло отъ меня,—готовъ на все, чтобы только угодить ей, но дѣло касается моей жены, а за нее трудно рѣшить. Пойдемте къ Северинѣ, которая скажетъ вамъ свои условія.

Съ этими словами онъ ввелъ Бонэ въ кухню, гдѣ былъ накрытъ столъ и пахло супомъ и картофелемъ. Молодая женщина, сидя у очага, кормила грудью дочь, и Бонэ могъ воочію убѣдиться въ ея цвѣтущемъ здоровьѣ.

Онъ снова заговорилъ о причинѣ своего посѣщенія и о выгодахъ, которыя должно принести ей мѣсто у Луэссара.

— Простите,—перебила его Северина, — но если я соглашусь кормить ребенка, это еще не обязываетъ меня поступать къ вамъ въ домъ, иначе мнѣ придется разстаться со своей дочерью. Ты какъ думаешь объ этомъ? — обратилась она къ мужу.

Бригадиръ мялъ свою фуражку и проговорилъ неувѣренно:

— Въ данное время намъ, конечно, не легко; моего содержанія не можетъ хватить, и деньги нужны, но съ другой стороны, если жена поселится въ Мальпертьи,—я останусь съ двумя безпомощными дѣтьми на рукахъ и не буду имѣть возможности исполнять своихъ служебныхъ обязанностей. Надо все это взвѣсить.

— Время не терпитъ,—возразилъ Бонэ, — мой внукъ рискуетъ умереть, я же предлагаю госпожѣ Нуартенъ взять пока дѣвочку въ Мальпертьи, гдѣ она отниметъ ее отъ груди, а для дальнѣйшаго ухода за ребенкомъ—я найму женщину.

И онъ снова началъ приводить разные доводы, чтобы убѣдить ихъ принять мѣсто.

Наконецъ, послѣдовало согласіе супруговъ Нуартенъ. Северина быстро собрала свои пожитки, запеленала ребенка и въ сопровожденіи Бонэ отправилась въ Мальпертьи, гдѣ появленіе ея произвело большое впечатлѣніе и привело всѣхъ въ восторгъ.

Бланшъ сразу почувствовала симпатію къ этой здоровой, молодой женщинѣ, а ребенокъ съ такой жадностью принялся за пищу, что даже мужчины пришли въ умиленіе.

— Мы спасены, — закричалъ Жоэль, — наслѣдникъ нашъ не рискуетъ больше умереть съ голоду и вполнѣ оцѣнилъ свою кормилицу, что, впрочемъ, понятно: она чертовски хороша!

III.

Пробило двѣнадцать часовъ, когда Вильмье окончилъ свой завтракъ и расположился въ креслѣ, а Онорина, все еще продолжая хозяйничать, убирала посуду и обмахивала на ходу пыль угломъ своего передника. Эта преданная служанка прикладывала все свое старанье, чтобы угодить хозяину, и несмотря на свои года, сохранила бодрый видъ и подвижность.

Черезъ нѣкоторое время она принесла на подносѣ кофе, между тѣмъ какъ Вильмье засмотрѣлся въ окно, откуда вѣяло весной, слышалось щебетанье птичекъ и несся ароматъ свѣжей зелени; издали доносился благовѣстъ колокола.

— Теперь нѣтъ службы, — замѣтила Онорина, — и этотъ звонъ въ честь чьихъ-нибудь крестинъ.

— Да,—воскликнулъ докторъ,—юный гражданинъ выбралъ удачный день для своего появленія на свѣтъ, но бѣднякъ не подозрѣваетъ всего того, что ему готовитъ жизнь.. Въ началѣ тяжелое дѣтство съ болѣзнями; потомъ юность со всякими неожиданностями, затѣмъ зрѣлый возрастъ, съ которымъ сопряжены работы и отвѣтственность не только за себя, но и за окружающихъ, наконецъ старость съ недомоганіями и могила... Вотъ для чего люди рождаются, а вѣдь большинство дорожатъ жизнью!

— Кстати,—прибавилъ Вильмье,—не присылали еще разъ изъ Сенъ-Руана отъ каменщика, котораго на-дняхъ придавило? Не будь я эгоистомъ, — слѣдовало-бы навѣстить этого несчастнаго!

— Незачѣмъ,—возразила тихо Онорина,—вы рискуете по такой жарѣ схватить солнечный ударъ, а человѣкъ этотъ, навѣрное, уже умеръ и даже похороненъ.

— Я обязанъ облегчить страданія ближняго, — сказалъ докторъ, — и если каменщика нѣтъ уже въ живыхъ, слѣдуетъ по крайней мѣрѣ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ, которыя рискуютъ умереть съ голода.

— Вы слишкомъ добры, докторъ, люди пользуются вашими

услугами, а вамъ отплачиваютъ невниманіемъ. Хотя-бы взять въ примѣръ семью Луэссаровъ: въ холодъ и непогоду они заставили васъ рисковать жизнью, и что же вы получили въ награду...

— Они прислали мнѣ по почтѣ пятьдесятъ франковъ.

— Велика плата для такихъ богачей! Имъ слѣдовало самимъ явиться и благодарить васъ за безпокойство.

— Но я и не жду людской благодарности, — сказалъ докторъ,—хотя, послѣ всего пережитаго въ ту ужасную ночь, можно было-бы разсчитывать на большее вниманіе!

При этомъ доктору вспомнилась вся мрачная обстановка Мальпертьи, испуганныя лица мужчинъ, комната больной и сама Бланшъ съ распущенными волосами, блѣдная, изнуренная страданіями. Вильмье испытывалъ нѣкоторую грусть при мысли, что именно эта женщина отплатила ему равнодушіемъ.

Въ это время на улицѣ раздались звуки скрипки, а черезъ нѣсколько секундъ докторъ услышалъ голоса людей, которые приближались къ его дому. Удивленный, онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ процессію, направляющуюся изъ церкви.

Впереди шли два музыканта, за ними кормилица, съ ребенкомъ на рукахъ, затѣмъ двое молодыхъ людей: — мужчина съ выправкой военнаго и бѣлокурая женщина, видъ которой вызвалъ у Вильмье нѣкоторое волненіе; наконецъ остальные члены семьи и толпа праздныхъ ребятишекъ. Мужчины несли въ рукахъ разнаго рода дичь и кроликовъ, а женщины цвѣты.

— Посмотрите, Онорина, — вскричалъ докторъ,—вѣдь это семья Луэссаровъ.

Съ этими словами онъ быстро спустился внизъ, вышелъ на крыльцо и сердечно привѣтствовалъ молодыхъ супруговъ.

— Здравствуйте, докторъ, — сказалъ Германъ, — вы, вѣроятно, сердитесь на насъ, такъ какъ не пожелали больше заглянуть въ Мальпертьи, но теперь, какъ видите, мы сами пришли навѣстить васъ. Позвольте представить вамъ мою супругу, обязанную вамъ своимъ спасеніемъ; вотъ мой отецъ

Жоэль де-Луэссаръ, свекоръ господинъ Бонэ и нашъ сынъ Савиньянъ, котораго только-что окрестили.

Всѣ присутствующіе пожали руку доктору, а Габріэль-Бланшъ, подавая ему букетъ изъ розъ, тихо прибавила:

— Примите, докторъ, эти цвѣты, я сорвала ихъ, думая доставить вамъ удовольствіе.

Ея слова послужили какъ-бы сигналомъ: музыка снова заиграла, и общество, по приглашенію доктора, вошло въ домъ. По всѣмъ комнатамъ распространился запахъ сирени и фіалокъ, которыми они усыпали полъ.

Вильмье былъ такъ взволнованъ, что, обращаясь къ Онориньѣ, произнесъ едва слышнымъ голосомъ:

— Принесите изъ погреба вина и подайте стаканы.

Приказаніе было тотчасъ исполнено, затѣмъ гости размѣстились по стульямъ, а докторъ, взявъ въ руки бокалъ, проговорилъ уже болѣе увѣренно:

— Господа, я предлагаю тостъ за здоровье новокрещеннаго, отъ души желаю ему полнаго счастья и успѣха въ жизни. Пью за здоровье матери и надѣюсь, что силы ея окончательно вернулись, такъ какъ она выглядитъ сегодня такой же свѣжей и цвѣтущей, какъ эти чудныя розы. Пью, наконецъ, за всѣхъ присутствующихъ!

— Благодарю васъ, докторъ, — сказалъ въ свою очередь Германъ,—мы всѣ тронуты вашими добрыми пожеланіями, но если вы на самомъ дѣлѣ хотите одолжить насъ,—загляните въ Мальпертьи и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Бланшъ присоединила свое приглашеніе, и снова послышалось чоканье стакановъ и дружное ура.

Одинъ только малютка не принималъ участія во всемъ этомъ торжествѣ и спалъ безмятежнымъ сномъ на рукахъ кормилицы.

Вильмье между тѣмъ предложилъ обществу пройти въ садъ, самъ же, ускоряя шаги, подошелъ къ кусту сирени и, нарѣзавъ цвѣтовъ, подалъ пучокъ Бланшъ.

— Прошу васъ, сударыня, — сказалъ онъ, — взять эти

скромные цвѣты взамѣнъ вашего чуднаго букета. Какъ видите,— садъ мой представляетъ мало интереса, дорожки запущены, растительности предоставлена полная свобода; я никогда не обрѣзаю кустовъ и сегодня сдѣлалъ это исключеніе только ради васъ.

Габріэль-Бланшъ покраснѣла и, чтобы скрыть смущенье, еще разъ повторила Вильмье приглашеніе мужа навѣстить Мальпертьи.

— Долженъ сознаться, — сказалъ Вильмье, — что мнѣ некогда дѣлать свѣтскихъ визитовъ, практика большая, и едва хватаетъ времени навѣщать больныхъ!

— Но я зову васъ не въ качествѣ гостя, — возразила Бланшъ,—а какъ друга, тѣмъ болѣе, что имѣю къ вамъ просьбу: кормилица наша не хочетъ болѣе оставаться въ Мальпертьи: она уѣзжаетъ къ мужу и увозитъ нашего ребенка. Можете себѣ представить мое состояніе! Пришлось дать согласіе потому только, что я не въ силахъ выкормить сына, но это не уменьшаетъ моего горя. Докторъ, я умоляю васъ навѣщать, хотя изрѣдка, ребенка и привозить намъ извѣстія изъ Бельфонтена.

Вильмье безъ всякаго колебанія взялъ на себя эту обязанность, а въ это время къ нимъ подошелъ Германъ и предложилъ женѣ двинуться въ путь, такъ какъ время клонилось уже къ вечеру.

Музыканты стали настраивать инструменты, и процессія въ томъ же порядкѣ вышла изъ дома доктора.

Проводивъ ихъ до большой дороги, Вильмье вернулся въ свое одинокое жилище, гдѣ все еще пахло цвѣтами и напоминало недавнее присутствіе людей.

Его существованіе показалось ему еще болѣе мрачнымъ; ему впервые пришла мысль, что и онъ могъ бы имѣть такую же прекрасную жену, какъ Габріэль-Бланшъ; могъ бы наслаждаться семейнымъ счастьемъ и быть любимымъ... Но теперь годы ушли, остается одному волочить свою жизнь, пока не сойдешь въ могилу.

Эта мысль заставила его даже вздрогнуть.

— Однако, я снова предаюсь мечтаніямъ, — сказалъ онъ самъ себѣ,—не лучше ли подумать объ исполненіи долга!..

Послѣднее рѣшеніе заставило доктора вспомнить о просьбѣ госпожи Луэссаръ, и онъ далъ себѣ слово въ самомъ скоромъ времени навѣстить ихъ, чтобы узнать, когда увозятъ маленькаго Савиньяна въ Бельфонтенъ.

IV.

Прошло болѣе года послѣ рожденія маленькаго Луэссара, а силы матери все еще не возвращались. Габріэль-Бланшъ большую часть дня должна была проводить на кушеткѣ или креслѣ, которое въ хорошую погоду выносили въ садъ. Докторъ Вильмье сдержалъ свое слово и часто заѣзжалъ въ Мальпертьи, чтобы давать извѣстія о мальчикѣ и семьѣ Нуартенъ. Когда же Савиньяна вернули матери, докторъ не прекратилъ своихъ визитовъ, такъ какъ нашелъ нужнымъ слѣдить теперь за состояніемъ самой Бланшъ.

Между ними возникли самыя дружескія отношенія, а разговоръ касался большей частью будущности ребенка.

Въ одно изъ посѣщеній Вильмье сидѣлъ возлѣ молодой женщины, а рядомъ малютка, подъ присмотромъ няни, пробовалъ свои первые шаги и съ большими усиліями добрался до доктора, который тотчасъ-же взялъ его на колѣни и воспользовался случаемъ, чтобы оскультировать ребенка. Савиньянъ принялся отчаянно бороться и кричать.

— Примите вашего питомца обратно,—обратился Вильмье къ нянюшкѣ, окончивъ свой медицинскій осмотръ,—и уложите его спать: это успокоитъ ребенка.

— Какъ вы находите моего сына, — спросила въ свою очередь Бланшъ,—неправда-ли, мальчикъ поправился въ Мальпертьи?

— Да, желудокъ у него чудный и на видъ онъ здоровъ!

— Какъ на видъ!—воскликнула испуганно мать,—но развѣ его общее состояніе внушаетъ опасеніе?

— Въ данную минуту нѣтъ, ребенокъ хорошо сложенъ и выглядитъ даже старше своего возраста, но въ немъ замѣтна излишняя нервность, черты лица слишкомъ подвижны, и онъ судорожно кричитъ. Во избѣжаніе всего этого, слѣдовало-бы принять мѣры.

— Докторъ, мы прилагаемъ всѣ старанія для ухода за ребенкомъ.

— Слишкомъ много старанія, — замѣтилъ Вильмье, — вы изнѣжили его и развили чувствительность; будучи сами слабой и впечатлительной, вы легко принимаете все къ сердцу и волнуетесь, а эти волненія незамѣтнымъ образомъ отражаются и на ребенкѣ.

— Но что же дѣлать! — произнесла съ отчаяніемъ Бланшъ.

— Отдайте Савиньяна въ деревню къ вашимъ родителямъ, ему нужна чисто растительная жизнь. Пусть мальчикъ какъ можно больше остается на воздухѣ, дѣлаетъ движенія, лазитъ по деревьямъ и возвращается домой съ волчьимъ аппетитомъ. Если не ошибаюсь, семья Бонэ хорошо расположена къ внуку и навѣщала его постоянно, когда ребенокъ жилъ у Нуартена.

Бланшъ слушала доктора и едва скрывала свое волненіе. Предстоящая разлука казалась ей ужасною: она привыкла къ сыну и, не особенно избалованная ласкою Германа, перенесла теперь на ребенка весь избытокъ своихъ чувствъ.

Вильмье также проникся сожалѣніемъ къ госпожѣ Луэссаръ и, взявъ ея бѣлыя, худенькія руки, тихо произнесъ:

— Не сокрушайтесь, милая барыня, Бельфонтенъ не на краю свѣта: вы будете имѣть возможность часто навѣщать сына, а увидя пользу, которую деревенская жизнь приноситъ ребенку, сами же порадуетесь.

— Вы правы, докторъ, я должна побороть свой эгоизмъ и думать исключительно о благѣ нашего ребенка; но согласятся-ли еще мой мужъ и свекоръ отдать Савиньяна на воспитаніе моимъ родителямъ?

— Я берусь уговорить ихъ, — сказалъ Вильмье и, дѣйствительно, въ этотъ же вечеръ имѣлъ объясненіе съ мужчинами,

которыхъ не легко было убѣдить, такъ какъ они ревновали ребенка къ семьѣ Бонэ.

Наконецъ, послѣ серьезныхъ доводовъ доктора, Германъ согласился разстаться съ своимъ наслѣдникомъ, и Савиньяна перевезли въ Бельфонтенъ.

Въ семьѣ Бонэ первенствующую роль играла сама хозяйка.

Женщина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, полная, — она всецѣло посвятила себя хозяйству, бранилась съ прислугой и повелительный ея голосъ раздавался уже съ утра по всему дому; крайне требовательная, она достигла того, что не только вся обстановка ихъ, но и полы блестѣли, какъ зеркало.

Госпожа Бонэ рано разсталась со своими дѣтьми: двѣ старшія ея дочери поступили въ монастырь, откуда уже больше не возвратились; младшая—почти ребенкомъ вышла замужъ, а сыновья были отданы въ ученіе на сосѣднюю фабрику.

Мужъ ея, постоянно занятый службой, не любилъ семейной жизни и все свободное время проводилъ внѣ дома. Такимъ образомъ госпожа Бонэ осталась совершенно одной.

Подъ грубой оболочкой этой женщины билось доброе сердце и въ душѣ ея жила потребность привязанности. Появленіе маленькаго Савиньяна было, какъ нельзя болѣе, кстати; бабушка перенесла на него всю свою любовь и ласку. Къ несчастью, наружность ея внушала ребенку отвращеніе; онъ пугался ея колючаго подбородка и, уже издали завидя ее, прятался за юбки кормилицы, которая, чтобы успокоить малютку, уносила его къ себѣ въ домъ.

Домъ кормилицы находился недалеко отъ усадьбы Бонэ, стоялъ посреди чащи лѣса и своимъ наружнымъ видомъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе. Вдоль стѣнъ его росли розы; комнаты отличались чистотою и уютностью, въ окна проникалъ лѣсной воздухъ и живительно дѣйствовалъ на организмъ. Весною вся окрестность наполнялась пѣніемъ птицъ.

Время здѣсь протекало незамѣтно, благодаря присутствію веселой хозяйки и маленькой Виталины—молочной сестры Са-

виньяна. Малюткѣ пошелъ всего второй годъ, но она начинала уже лепетать и ходила безъ помощи постороннихъ.

Виталина напоминала свою мать: плотно сложенная, здоровая, съ свѣтлыми волосами и блестящими черными глазками. Когда она улыбалась,—на щечкахъ образовывались двѣ ямочки, придававшія еще болѣе прелести ея дѣтскому наивному личику.

Съ первыхъ же дней знакомства, дѣвочка стала ласкаться къ своему молочному брату, а Савиньянъ въ свою очередь настолько полюбилъ ее, что, едва пробудившись отъ сна, требовалъ уже присутствія Виталины и, не видя ея, начиналъ горько плакать.

Дѣти большей частью проводили утро вмѣстѣ, а въ часъ завтрака кормилица уходила къ мужу, заручившись обыкновенно разрѣшеніемъ госпожи Бонэ взять съ собой Савиньяна.

Часто послѣ шумныхъ игръ и бѣготни, обоихъ малютокъ укладывали въ общую люльку, гдѣ они и засыпали безмятежнымъ сномъ. Силы ихъ росли, развивались, и незамѣтно для окружающихъ росла также взаимная привязанность.

Докторъ, посѣщавшій разъ въ недѣлю Бельфонтенъ, съ гордостью могъ установить насколько ребенокъ выросъ и окрѣпъ. Родители также навѣщали сына, радовались благопріятнымъ результатамъ, но ихъ смущало нѣсколько видѣть ребенка въ обществѣ исключительно крестьянъ. Германъ часто возвращался домой недовольный мальчикомъ, а Бланшъ искала только случая, какъ бы дольше остаться съ сыномъ. Она ночевала иногда у родителей, проводила тамъ праздники, и эти дни были самыми отрадными въ ея однообразной жизни.

Къ несчастью, здоровье молодой женщины далеко не поправлялось. Скоро ей пришлось отказаться отъ поѣздки въ Бельфонтенъ: по предписанію доктора, Бланшъ должна была избѣгать малѣйшаго утомленія. Бѣдняжка проводила теперь всѣ дни лежа на кушеткѣ или въ креслѣ. Часы тянулись невыразимо долго, она ощущала еще больше свое одиночество и тоску по сынѣ, въ то время какъ малютка, полный силъ, беззаботно

росъ на волѣ, въ кругу чужихъ людей, не отдавая себѣ отчета о страданіяхъ матери.

По мѣрѣ того, какъ дѣти подростали, они становились самостоятельнѣе и развитѣе; теперь, часто уже безъ надзора кормилицы, они уходили на прогулку или убѣгали въ лѣсъ, гдѣ каждая тропинка была имъ знакома. Выросшіе вблизи природы, они пользовались всѣми ея дарами; умѣли различать всевозможныя травки и растенія; слѣдили за полетомъ бабочекъ, мечтая въ душѣ обладать такими же крыльями, или прислушивались къ пѣнію птицъ и вторили имъ.

— Лѣсъ, должно-быть, очень великъ, — сказалъ однажды Савиньянъ, усаживаясь съ своей подругой на траву,—онъ, пожалуй, безъ конца! Какъ ты думаешь, Лилинъ?

— Навѣрное, гдѣ-нибудь да кончается,—отвѣчала дѣвочка.

— А что идетъ за нимъ?

— За нимъ деревня и поле; но намъ туда не добраться: надо проходить черезъ лѣсъ, а тамъ бродятъ звѣри, которые могутъ съѣсть насъ.

При этихъ словахъ обоими овладѣвалъ страхъ; воображеніе ихъ рисовало чудовищныя картины, они брались за руки и почти бѣгомъ направлялись въ сторону дома.

Но вотъ наступило лѣто. Старшій сынъ Нуартена, шестнадцатилѣтній мальчикъ, пріѣхалъ на каникулы къ родителямъ.

Наружностью онъ походилъ на отца: такой-же худой, хотя при этомъ сильный и здоровый. Серьезный не по годамъ,— Паскаль Нуартенъ весь день проводилъ въ чтеніи катехизиса или отправлялся къ мѣстному священнику и прислуживалъ ему во время ранней обѣдни. Дѣтей своего возраста онъ сторонился, а со старшими былъ крайне сдержанъ и предупредителенъ.

Всѣ окружающіе рѣшили, что Паскаль образецъ добродѣтели; отецъ же гордился представителемъ своего рода и, замѣчая его наклонности къ вѣрѣ, льстилъ себя надеждою увидѣть когда-нибудь своего сына въ санѣ священника.

Паскаль съ перваго же дня пріѣзда покровительственно отнесся къ дружбѣ сестры съ Савиньяномъ, но ихъ дѣтскія за-

бавы, конечно, не занимали его; но за то юный ревнитель церкви старался въ свою очередь поощрять ихъ къ труду и развить любовь къ священному писанію. Если онъ изрѣдка и бралъ дѣтей на прогулку, то они направлялись обыкновенно къ какому-нибудь изъ монастырей, прикладывались къ святынямъ или выслушивали длинные разсказы о чудесахъ.

Присутствіе Паскаля начинало уже тяготить подростковъ, и они вздохнули полной грудью только тогда, когда юный семинаристъ объявилъ, что каникулы кончаются и онъ долженъ скоро уѣхать въ Вердюнь на занятія.

Между тѣмъ Савиньяну и Виталинѣ пошелъ уже восьмой годъ, надо было подумать объ ученіи, и дѣтей отдали въ сельскую школу.

Мальчикъ оказался нерадивымъ ученикомъ; крайне разсѣянный и непослушный, онъ подавалъ дурной примѣръ своей молочной сестрѣ. Дѣтей подвергали иногда даже тѣлесному наказанію, вслѣдствіе чего они стали неохотно возвращаться домой и по окончаніи уроковъ часто убѣгали въ поле или лѣсъ.

Здѣсь все улыбалось имъ; птички, казалось, пѣли, чтобы усладить ихъ невзгоду, ароматъ цвѣтовъ кружилъ ихъ головки; близость природы наполняла ихъ души радостнымъ чувствомъ, и дѣти еще сильнѣе испытывали потребность любви и ласки.

— Какъ здѣсь хорошо!—говорилъ Савиньянъ, цѣлуя свою сестру,—здѣсь некому бранить насъ; мы хозяева лѣса: всѣ эти цвѣты и травки растутъ для нашего удовольствія.

И на самомъ дѣлѣ, они умѣли пользоваться своимъ маленькимъ царствомъ; а Савиньянъ настолько развился и окрѣпъ на волѣ, что стремился уже теперь подражать отцу и сталъ ловкимъ охотникомъ.

Продолжая ласково относиться къ одной лишь Виталинѣ,—съ остальными дѣтьми мальчикъ принималъ покровительственный тонъ и любилъ разыгрывать роль старшаго.

Онъ созывалъ иногда деревенскихъ ребятишекъ къ себѣ въ садъ и на горе стариковъ Бонэ уничтожалъ съ ними плодовыя деревья или, пользуясь временемъ, когда бабушка уходила

въ церковь, вытаскивалъ водокачальную машину; самъ взбирался на крышу террасы и пускалъ струи воды, которыя, падая на головы ребятишекъ, приводили все это маленькое общество въ неописанный восторгъ.

Но не всегда ихъ шалости проходили безнаказанно.

Старикъ Бонэ, давно косившійся на внука, вернулся однажды домой крайне раздраженнымъ; онъ уже издали услышалъ дѣтскій крикъ, и рѣшился выместить свой гнѣвъ на первомъ встрѣчномъ; но толпа успѣла разбѣжаться, а Савиньянъ опрометью спустился съ террасы и спрятался въ одной изъ комнатъ.

Госпожа Бонэ, бравшая, конечно, сторону внука, очень удивилась, когда однажды мужъ объявилъ ей внушительнымъ голосомъ:

— Терпѣніе мое лопнуло, надо положить конецъ шалостямъ Савиньяна, которыя превосходятъ всѣ границы. Я завтра же отвезу его къ родителямъ и снимаю съ себя всякую отвѣтственность.

V.

Семья Луэссаръ была въ полномъ составѣ, когда господинъ Бонэ вошелъ въ комнату, ведя за руку внука. Это неожиданное появленіе озадачило мужчинъ, но Жоэль, сообразивъ причину возвращенія Савиньяна, первый заговорилъ:

— Однако, вы не долго продержали мальчика въ Бельфонтенѣ. Видно, жить въ деревнѣ, на вольномъ воздухѣ, не во всѣхъ отношеніяхъ полезно, такъ какъ ребенокъ одичалъ и наружностью походитъ на лѣсного звѣрька.

Бланшъ не въ силахъ была разсуждать при видѣ сына; она бросилась къ нему и покрыла поцѣлуями, къ которымъ, между прочимъ, мальчикъ остался крайне равнодушенъ и только испуганно озирался.

Германъ, наблюдая за всѣмъ происходившимъ и посмотрѣвъ на неуклюжаго представителя своего рода, вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе старика Луэссара; онъ обвинялъ въ душѣ доктора, ко-

торый, отправляя ребенка въ Бельфонтенъ, имѣлъ въ виду одно лишь физическое развитіе и не думалъ объ остальномъ. Всѣ движенія мальчика были какими-то угловатыми. Одѣтый въ простую коломянковую блузу и грубые сапоги, онъ переминался съ ноги на ногу или прятался за кресло матери, думая только какъ бы улепетнуть.

— Дитя мое, ты не любишь насъ, — сказала съ грустью госпожа Луэссаръ,—и не хочешь остаться у своей мамы?

— Люблю, — отвѣтилъ тихо Савиньянъ, — но здѣсь нѣтъ Виталины и мнѣ скучно безъ нея!

— Довольно,—вмѣшался рѣзко отецъ,—съ ребенкомъ не стоитъ разсуждать, пусть онъ лучше отправляется наверхъ, гдѣ его вымоютъ и придадутъ ему человѣческій образъ.

Не прошло получаса, какъ Савиньянъ снова появился въ столовой, но уже въ парадномъ костюмчикѣ и обутый въ тонкую обувь, при чемъ онъ чувствовалъ себя еще болѣе неуклюжимъ и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своихъ деревенскихъ башмакахъ.

Домъ въ Мальпертьи казался мальчику непривѣтливымъ; грубый пріемъ Жоэля и повелительный тонъ отца на первыхъ же порахъ вселили ему такой страхъ, что Савиньянъ вспомнилъ о Бельфонтенѣ, какъ о земномъ раѣ.

Одна Бланшъ старалась привлечь сына своей лаской и заботами, но, видя мать постоянно больною и безпомощною, онъ, какъ всѣ дѣти, скучалъ въ ея обществѣ.

Сидя часами возлѣ ея кресла, Савиньянъ мысленно переносился въ семью Нуартеновъ; вспоминалъ прогулки въ лѣсу или веселое возвращеніе съ Виталиною изъ школы, послѣ того какъ они, проведя за уроками часа три, расправляли, словно птички, свои крылышки и бѣжали взапуски по направленію жилища лѣсника.

Теперь, благодаря замкнутой жизни и отсутствію движеній, мальчикъ началъ даже блѣднѣть и выглядѣлъ плохо, чѣмъ причинялъ матери безпокойство.

— Дитя мое, — говорила она обыкновенно съ грустью, — тебѣ тяжело сидѣть дома, выйди въ садъ, побѣгай немного!

Савиньянъ покидалъ комнату, но онъ слишкомъ привыкъ къ раздолью, и ихъ маленькій садикъ казался ему тюрьмою; на душѣ ребенка становилось еще тоскливѣе.

Однажды докторъ Вильмье, пріѣхавшій навѣстить Бланшъ, взглянулъ на ея сына и тотчасъ же воскликнулъ:

— Вы сдѣлали ошибку, вернувъ ребенка въ Мальпертьи: онъ еще недостаточно окрѣпъ и нуждается въ деревенскомъ воздухѣ!

Госпожа Луэссаръ готова была бы тотчасъ отправить сына къ своимъ родителямъ, но чувствовала, что на этотъ разъ мужъ ея не дастъ согласія. И дѣйствительно, Германъ задался теперь мыслью перевоспитать мальчика; самолюбіе его страдало, видя, что единственный представитель ихъ рода вышелъ неудачнымъ и далеко не оправдываетъ его надеждъ. Самъ грубоватый по натурѣ, Луэссаръ судилъ людей по одной лишь внѣшности, онъ не давалъ себѣ труда заглянуть въ душу ребенка, гдѣ происходила борьба.

Савиньянъ положительно томился въ родительскомъ домѣ, ему пришла даже мысль о бѣгствѣ, которая со временемъ настолько охватила все его существо, что мальчикъ потерялъ сонъ. Онъ представлялъ себя возвращающимся въ Бельфонтенъ,— минуту, когда онъ войдетъ въ домъ Нуартеновъ и застанетъ кормилицу въ кухнѣ въ хлопотахъ за хозяйствомъ, а Виталину— помогающей матери. Каково будетъ ея удивленіе—увидѣть товарища дѣтства!

Въ одно прекрасное утро Жоэль и Германъ отправились въ лѣсъ за дичью, кухарка была занята уборкою дома, одна изъ служанокъ находилась наверху въ комнатѣ госпожи Луэссаръ, которая теперь не могла уже обходиться безъ посторонней помощи, а Савиньянъ очутился совершенно одинъ въ нижнемъ этажѣ.

Онъ только-что окончилъ свой завтракъ и былъ пораженъ царившей вокругъ него тишиной. Мысль о бѣгствѣ снова закралась въ его душу... Не долго думая, онъ отворилъ дверь, вышелъ на террасу, а затѣмъ опрометью пустился по дорогѣ въ Бельфонтенъ.

Спустя часъ времени, мальчикъ былъ уже въ домѣ лѣсника, при чемъ засталъ Виталину въ хлопотахъ за хозяйствомъ. Она стояла возлѣ плиты и, наклонивъ головку, слѣдила, какъ жарится картофель. Онъ не далъ ей возможности опомниться, обнялъ дѣвочку и горячо поцѣловалъ въ обѣ щечки.

— О, Боже! — воскликнула послѣдняя, — да вѣдь это Савиньянъ! Какимъ образомъ ты попалъ сюда?

— Пришелъ на собственныхъ ногахъ, — отвѣтилъ весело мальчикъ, — мнѣ опротивѣлъ Мальпертьи, и вотъ я снова съ вами.

— Значитъ, ты собираешься жить у бабушки Бонэ? — спросила Виталина.

— Ничуть; она способна вернуть меня въ Мальпертьи, а я этого не хочу. Скажи мнѣ лучше, гдѣ мама Нуартенъ?

— Она работаетъ недалеко отъ дома; какъ-только подойдетъ время обѣда, я понесу ей супъ.

— И я пойду съ тобою, будемъ оба просить, чтобы мама пріютила меня, вѣдь ты согласна, дорогая моя?

— Я счастлива, — отвѣтила дѣвочка, — но согласятся-ли на это старики Бонэ?

Дѣти, проболтавъ еще немного времени, почувствовали въ свою очередь голодъ, и Виталинѣ пришла мысль позавтракать на воздухѣ, возлѣ ихъ любимаго источника Жорисетъ.

Они быстро собрались и почти бѣгомъ пустились по направленію лѣса, при чемъ старались не попасться на глаза сосѣдей или знакомыхъ.

День былъ жаркій; запыхавшись, они достигли, наконецъ, источника, который пробивался между двумя камнями, и расположились подъ тѣнью деревьевъ.

Завтракъ оказался несложный. Савиньянъ первый всталъ съ травы, сорвалъ широкій листъ, который тотчасъ же наполнилъ лѣсною земляникой, и, поднося дѣвочкѣ ягоду за ягодой, радовался видѣть, какъ она ловко ловитъ ихъ почти на-лету своими розовыми губками.

Пребываніе у родителей казалось ему какимъ-то кошма-

ромъ; онъ всецѣло окунулся въ свою прежнюю деревенскую жизнь и, чтобы придать себѣ больше иллюзіи, обратился къ Виталинѣ на мѣстномъ нарѣчіи:

— Лилинъ, какъ я счастливъ быть снова съ тобой, мы больше никогда не разстанемся!

— Это будетъ зависѣть отъ нашихъ родителей... пожалуй, они не рѣшатся отнять тебя отъ Бонэ!

— Если они не захотятъ взять меня, мы убѣжимъ въ лѣсъ и будемъ жить тамъ вдвоемъ, а чтобы не умереть съ голоду, начнемъ дѣлать деревянные башмаки и продавать ихъ. Затѣмъ я стану охотиться, а ты займешься хозяйствомъ.

Дѣти увлеклись новыми планами и не замѣтили, какъ въ лѣсу раздался сначала лошадиный топотъ, затѣмъ послышались человѣческіе голоса, которые становились все яснѣе и яснѣе. Черезъ нѣсколько секундъ Германъ и Жоэль стояли уже возлѣ растерявшихся бѣглецовъ и, не давъ имъ времени опомниться, Луэссаръ схватилъ Савиньяна за руки, посадилъ на лошадь и помчался въ обратный путь. Дѣвочка-же испуганно смотрѣла вслѣдъ удалявшимся всадникамъ и теперь только поняла, что ихъ воздушные замки навсегда рушились.

Мужчины между тѣмъ продолжали ѣхать по направленію въ Мальпертьи, и Германъ, послѣ перваго порыва гнѣва, обратился къ сыну:

— Негодный мальчишка, какъ осмѣлился ты покинуть родительскій домъ и цѣлый день шататься по дорогамъ!

— Мнѣ скучно въ Мальпертьи,—робко отвѣтилъ Савиньянъ.

— Но ты не подумалъ о матери, которой причиняешь столько горя и страданій.

— А кто эта дѣвочка?—спросилъ въ свою очередь Жоэль.

— Моя молочная сестра, Виталина Нуартенъ.

— У мальчика недуренъ вкусъ,—снова замѣтилъ старикъ,— но онъ рано начинаетъ ухаживать за прекраснымъ поломъ!

— Савиньянъ росъ безъ надзора,—пояснилъ Германъ.— Пора теперь взяться за его воспитаніе; я отдамъ его въ училище, гдѣ мальчишку вышколятъ и научатъ уму-разуму.

Государственный переворотъ измѣнилъ на время всѣ планы Луэссара.

А именно Наполеонъ III объявилъ войну Пруссіи, и вся страна поднялась для борьбы съ врагомъ.

Большинство ветеранъ, вышедшихъ въ отставку, равно какъ и Германъ, пожелали снова вступить въ ряды войска.

Луэссаръ приписался къ полку, который стоялъ въ Шалонѣ, и простился съ семьей, поручивъ надзоръ за женой и сыномъ старому Жоэлю.

Затѣмъ послѣдовали страшныя событія: пораженіе при Форбахѣ и Вёртѣ, бѣгство Макъ-Магона и покореніе восточныхъ провинцій.

Германъ, бывшій въ рядахъ Базены, наскоро увѣдомилъ семью объ опасности, грозившей Мальпертьи, убѣждая ихъ перебраться въ Бельфонтенъ, гдѣ было спокойнѣе.

Жоэль объявилъ, что не покинетъ своего гнѣзда и будетъ защищать его до послѣдней крайности, а Бланшъ съ ребенкомъ переѣхала къ родителямъ.

Всѣ сообщенія съ мужемъ прекратились, такъ какъ почта не доходила до Метца, а постоянное напряженіе и страхъ за будущее окончательно надломили здоровье бѣдной женщины. Вильмье приходилось теперь часто навѣщать свою паціентку, которая смотрѣла на визиты доктора, какъ на единственное развлеченіе. Между ними установились чисто дружескія отношенія, и эти два существа, такъ хорошо понимавшія другъ друга, проводили часто цѣлые дни вмѣстѣ. Савиньянъ воспользовался, конечно, этимъ случаемъ и, почувствовавъ снова свободу, убѣгалъ съ Виталиною въ лѣсъ.

Дѣвочка это время была также покинута на произволъ судьбы, такъ какъ отца откомандировали въ Арденны, а братъ, по окончаніи семинаріи, принялъ постриженіе. Госпожа-же Нуартенъ, всегда занятая хозяйствомъ, проводила теперь часть дня въ семьѣ Бонэ и только поздно вечеромъ возвращалась домой.

Между тѣмъ, война разгоралась съ большей силой, унося

съ собою массу жертвъ, и страна покрылась трауромъ. Наступилъ 1871 годъ съ его новыми неудачами. Населеніе прониклось какою-то паникой; одни лишь дѣти продолжали свою тихую, безмятежную жизнь.

Только разъ Виталина и Савиньянъ были испуганы, когда, гуляя въ лѣсу и выйдя на дорогу въ Бризо, они набрели на группу уланъ съ пиками въ рукахъ, которые внушили имъ такой безотчетный страхъ, что дѣти замерли на мѣстѣ и впервые поняли, что есть гдѣ-то опасность.

Но дни горя и неудачъ смѣнялись, какъ грозовыя тучи, гонимыя вѣтромъ. Пришло извѣстіе о сдачѣ Метца; Германъ былъ взятъ въ плѣнъ и только тогда нашелъ возможность дать о себѣ извѣстіе. Онъ былъ здоровъ и невредимъ, хотя нелегко жилось въ чужомъ краю. Ужасная зима 1870 года какъ-бы погребла подъ снѣгомъ всѣ окрестности, и жители Бельфонтена оказались отрѣзанными на время отъ остального міра.

Но вотъ разнесся слухъ о сдачѣ Парижа, о близкомъ мирѣ и возвращеніи плѣнныхъ на родину.

Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный вечеръ Германъ вернулся въ Мальпертьи, гдѣ вся семья была уже въ сборѣ, но, пробывъ съ ними самый короткій срокъ, онъ снова былъ вызванъ въ полкъ для борьбы съ коммуною.

Послѣ войны съ внѣшнимъ врагомъ, Франція долго не могла оправиться отъ внутреннихъ неурядицъ, и Германъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ, жертвою которыхъ стала его родина.

Вернувшись вторично въ Мальпертьи, онъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, проникся убѣжденіемъ, что странѣ нуженъ король. Жоэль также держался своихъ прежнихъ убѣжденій, а манифестъ графа Шамбора окончательно взволновалъ его воображеніе, и ярый роялистъ воскликнулъ:

— Наконецъ, часъ правосудія насталъ, и голосъ народа долженъ теперь восторжествовать.

Возлагая большую надежду на Версальское собраніе, Жоэль и Германъ работали въ свою очередь въ пользу пропаганды, но за то остальное населеніе Мальпертьи оставалось

безучастнымъ, и, не видя въ нихъ поддержки, Луэссаръ рѣшилъ даже переселиться въ Вилоттъ, гдѣ преобладала партія дворянъ-роялистовъ.

Жизнь въ Вилоттѣ представляла еще то удобство, что тамъ была гимназія, а Савиньяну минуло уже десять лѣтъ и надо было подумать объ ученьѣ.

Мужчины отправились сначала одни на поиски квартиры и, благодаря рекомендаціи знакомыхъ, скоро нашли хорошее помѣщеніе, недалеко отъ зданія префектуры.

Мальчикъ-же, внимательно слѣдившій за всѣмъ происходившимъ, понялъ, что на этотъ разъ разлука съ Виталиной неминуема, и рѣшилъ наканунѣ отъѣзда повидаться съ своимъ другомъ дѣтства.

Съ ранняго утра Савиньянъ отправился къ старикамъ Бонэ, а затѣмъ въ домикъ лѣсника.

— Все кончено, — вскричалъ онъ, входя въ комнату, гдѣ сидѣли Северина и ея дочь, — завтра же мы уѣзжаемъ въ Вилоттъ.

— Бѣдное дитя,—сказала кормилица, — семья не знаетъ, что и придумать, лишь бы разлучить тебя съ нами; но почему они выбрали Вилоттъ?

— Тамъ есть гимназія, и отецъ собирается отдать меня въ ученье.

— Помни одно, — перебила его добродушная женщина,— если тебя станутъ обижать,—возвращайся тотчасъ же къ своей пріемной матери, я защищу тебя, а пока возьми вотъ эти вишни и сушеныя сливы, ты ихъ скушаешь въ дорогѣ.

Савиньянъ едва сдерживалъ рыданіе, наконецъ, обратясь къ Виталинѣ, онъ предложилъ ей пойти въ лѣсъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на ихъ любимыя мѣста.

Они взялись за руки и выбѣжали изъ дома, но на душѣ у нихъ было тяжело. Дѣвочкѣ хотѣлось плакать и, чтобы скрыть свои слезы, она прятала головку въ кусты, дѣлая видъ, что собираетъ ягоды. Затѣмъ она позвала Савиньяна и тихо сказала ему:

— Если тебѣ покажется скучно въ Вилоттѣ, — пріѣзжай къ намъ. Я уйду съ тобой въ лѣсъ, гдѣ мы построимъ шалашъ и будемъ жить вмѣстѣ. Помнишь, какъ ты однажды предлагалъ мнѣ заняться хозяйствомъ, а самъ долженъ былъ охотиться и ежедневно приносить свѣжую дичь?

Мальчикъ съ жадностью вслушивался въ слова Виталины, но теперь они казались ему дѣтской фантазіей.

Жизнь уже научила Савиньяна нѣкоторому опыту, онъ даже грустно вздохнулъ, вспоминая о своихъ прежнихъ планахъ. Теперь же дѣйствительность указываетъ на другое, и не придется больше строить воздушныхъ замковъ.

Онъ молча поцѣловалъ дѣвочку, и оба, грустные, направились домой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ старой школѣ Вилоттъ раздался колоколъ, призывая дѣтей къ занятіямъ, и толпа учениковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Савиньянъ, направилась въ классъ.

Учитель Биссело сидѣлъ уже на каѳедрѣ, мальчики же съ шумомъ размѣстились по скамейкамъ, одинъ лишь Луэссаръ стоялъ среди нихъ чуждый и испуганный.

— Что вы стоите,—обратился къ нему рѣзко учитель,— садитесь и не ждите, чтобы кто-нибудь указалъ вамъ мѣсто.

Савиньянъ подошелъ къ одному изъ учениковъ, прося его потѣсниться, но остальные начали кричать и нарочно толкать другъ друга.

Наконецъ, снова раздался грозный голосъ учителя, который обратился къ новичку.

— Эй вы, какъ ваше имя?—спросилъ онъ.

— Савиньянъ де-Луэссаръ.

— Какъ?—переспросилъ Биссело.

Мальчикъ, привыкшій съ дѣтства къ значенію, которое отецъ и дѣдъ придавали ихъ имени, снова повторилъ:

— Де-Луэссаръ.

— Вы очень придерживаетесь частицы *де?* — спросилъ, смѣясь, учитель, а вслѣдъ за нимъ разсмѣялся весь классъ.

— Молчать! — закричалъ Биссело, — приготовьте перья и тетради, я буду диктовать.

По окончаніи урока, мальчики представили свои тетради, при чемъ учитель взялъ раньше всего работу Савиньяна и, указывая на ошибки, сдѣлалъ ему внушительный выговоръ.

Мальчикъ понялъ, что ему предстоитъ серьезно заняться, чтобы быть наравнѣ съ товарищами... придется, можетъ-быть, часами просиживать въ этомъ скучномъ классѣ... и онъ невольно обернулся. Комната оказалась небольшая, грязная; стѣны, покрытыя известью, были исцарапаны и обрызганы чернилами, полъ неровный, плохо выметенный, а въ углахъ и на потолкѣ видны были слои паутины. Небольшое окно едва пропускало лучи свѣта и выходило на дворъ, откуда пахло сыростью.

Только-что окончившійся урокъ служилъ какъ-бы испытаніемъ для новичковъ, и теперь рѣшилась ихъ участь.

Послѣ маленькаго перерыва, учитель снова вошелъ въ классъ и тотчасъ же вызвалъ Савиньяна.

— Господинъ де-Луэссаръ, подойдите ко мнѣ. Это ваша тетрадь?

Мальчикъ наклонилъ голову.

— Диктовка переполнена ошибками. Ваши благородные предки были, вѣроятно, такъ-же безграмотны, какъ и вы, достойный представитель рода де-Луэссаръ. Я недоволенъ вашей работой, а пока можете садиться.

Савиньянъ, не привыкшій къ подобному обращенію, чувствовалъ себя оскорбленнымъ до глубины души. Онъ сѣлъ на свое мѣсто, но теперь ему пришлось выслушивать насмѣшки товарищей, которые щипали его и старались столкнуть съ скамейки.

Во время рекреаціи одинъ изъ учениковъ вызвался дать интересныя свѣдѣнія о новичкѣ, такъ какъ онъ жилъ по сосѣдству съ Мальпертьи и зналъ семью Луэссаровъ.

— Вся ихъ слава, — сказалъ мальчуганъ, — заключается въ томъ, что они хотятъ возвести на престолъ Генриха V.

При этихъ словахъ раздались снова крики и новыя насмѣшки.

Молодежь рѣшила проучить ни въ чемъ неповиннаго Савиньяна и при выходѣ изъ школы стала награждать его пинками; мальчики нарочно мяли его новое платье и кричали:

— Почему ты такъ вырядился, или собираешься сегодня же идти навстрѣчу королю?

Затѣмъ они взялись за руки, окружили новичка и запѣли какую-то пошлую пѣсню.

Луэссаръ не въ силахъ былъ выносить долѣе этого глумленія, онъ набросился на одного изъ товарищей и съ такимъ ожесточеніемъ поколотилъ его, что остальные въ страхѣ разбѣжались по домамъ. На слѣдующее утро школьники встрѣтили новичка уже съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Болѣе слабые нашли даже нужнымъ заискивать его расположеніе, и Луэссаръ почувствовалъ вдругъ желаніе быть во главѣ этой толпы, какъ бывало онъ первенствовалъ надъ деревенскими дѣтьми въ Бельфонтенѣ; ему захотѣлось удивить ихъ не только своей физической силой, но превзойти въ наукахъ, и потому онъ сталъ усердно заниматься. Скоро диктовки Савиньяна оказались однѣ изъ лучшихъ; уроки всегда были хорошо выучены, и учитель приводилъ уже Луэссара въ примѣръ остальнымъ ученикамъ.

Кромѣ того, Савиньянъ проникся жаждою къ чтенію; все свободное время мальчикъ проводилъ съ книгою въ обществѣ матери, тогда какъ Германъ и Жоэль де-Луэссары по-прежнему отсутствовали. Они вошли въ Вилоттѣ въ сношенія съ представителями стараго дворянства и особенно часто посѣщали госпожу Экювье, у которой собирались всѣ ярые роялисты и кавалеры ордена св. Людовика. Общество приглашалось обыкновенно два раза въ недѣлю, обсуждало политическіе вопросы

или играло въ трикъ-тракъ, при чемъ, вмѣсто угощенія,—лѣтомъ подавалось пиво, а зимою—подогрѣтое вино.

Хозяйка не любила, чтобы у нея поздно засиживались, и потому къ десяти часамъ всѣ дебаты уже прекращались, гости прикладывались къ ручкѣ госпожи Экювье и расходились по домамъ.

Въ одинъ февральскій вечеръ 1870 года Германъ и Жоэль рѣшили свести туда своего наслѣдника, чтобы познакомить его съ хорошимъ обществомъ и пріучить къ свѣтскому обращенію.

Въ ту минуту, когда лакей вошелъ доложить о прибытіи Луэссаровъ,—хозяйка занималась размѣщеніемъ столовъ и готовила карты. Нѣкоторые изъ гостей, стоя спиной къ камину, грѣлись. Одинъ изъ нихъ, завидя входившихъ, воскликнулъ:

— Вотъ наши самые ближніе сосѣди, которые находятъ всегда возможность опоздать.

— Это Савиньянъ задержалъ насъ,—сказалъ Жоэль.—Мы взяли его сегодня, чтобы представить добрѣйшей госпожѣ Экювье и просимъ васъ, господа, любить и жаловать нашего мальчика.

Хозяйка милостиво отнеслась къ юному посѣтителю, освѣдомилась о его лѣтахъ, спросила гдѣ онъ учится и, узнавъ, что Савиньянъ посѣщаетъ школу въ Вилоттѣ, громко воскликнула:

— Какъ, и вы не боитесь либеральнаго направленія, которое господствуетъ въ этомъ заведеніи?

— Въ Нанси есть лучшая школа, — вмѣшался одинъ изъ присутствующихъ, — тамъ дѣти воспитываются подъ наблюденіемъ духовныхъ лицъ и отличаются дисциплиной.

— Я это знаю, — сказалъ Германъ,—но жена моя не пожелала разстаться съ сыномъ, и намъ пришлось помѣстить его поблизости.

— Я твердо убѣжденъ, — замѣтилъ другой гость,—что съ водвореніемъ короля, всѣ школы перейдутъ въ руки духовенства.

— Однако, — возразилъ Германъ, — гдѣ же тогда свобода?

Ребенокъ прислушивался къ разговору, и всѣ эти люди казались ему какими-то заведенными манекенами; онъ стоялъ посреди комнаты и начиналъ безумно скучать.

— Другъ мой,—обратилась къ мальчику госпожа Экювье,— не хочешь-ли посмотрѣть книгу съ картинками?

Она усадила Савиньяна за отдѣльный столикъ, сама же подошла къ мужчинамъ, которые вели теперь оживленный споръ по поводу національнаго собранія въ Версалѣ.

— Что новаго сегодня?—спросилъ Жоэль.

— Въ газетахъ опубликованъ манифестъ правой стороны,— отвѣтилъ графъ Вандіеръ,—но на мой взглядъ всѣ эти господа слишкомъ много болтаютъ, хотя и они пришли къ убѣжденію, что наслѣдственная монархія есть самая подходящая форма правленія для Франціи.

— Такъ что же они медлятъ вызвать короля? — спросилъ ярый роялистъ Сеніэль.

— Тьеръ дѣлаетъ затрудненіе, — отвѣтилъ монахъ, который также былъ изъ числа постоянныхъ гостей госпожи Экювье.

— Тьеръ! — воскликнулъ самый пожилой господинъ, — да онъ старше меня и уже въ тридцатыхъ годахъ извѣстенъ былъ своимъ либеральнымъ направленіемъ, неужели Тьеръ все еще живъ?

— Чортъ возьми,—вмѣшался Жоэль, — разъ наша партія преобладаетъ, чего еще ждать. Надо тотчасъ же убѣдить короля перейти границу. Я на старости лѣтъ сяду на лошадь и выѣду навстрѣчу его величеству.

— Отлично,—возразилъ монахъ,—но теперь является вопросъ, какого цвѣта должно быть наше знамя?

— Конечно, бѣлое.

— Я не согласенъ съ вами, — сказалъ Германъ, — наша армія привыкла къ трехцвѣтному знамени, олицетворяющему побѣду и прогрессъ, тогда какъ бѣлый цвѣтъ есть эмблема стараго правленія.

— Въ чемъ вы видите прогрессъ? — спросилъ желчно Се-

ніэль,—это лишь пустой звукъ! Жизнь за послѣднія тридцать лѣтъ вздорожала, а ума ни у кого не прибавилось.

— Однако, — вмѣшался монахъ, считавшій себя передовымъ человѣкомъ,—вы должны же согласиться, что за послѣдніе годы много было сдѣлано новыхъ изысканій и открытій.

— Хороши открытія! — желѣзныя дороги, газъ, электричество; но все это привело къ однѣмъ лишь катастрофамъ! Съ изобрѣтеніемъ спичекъ увеличились пожары. Лично я придерживаюсь старины и чувствую себя прекрасно.

Савиньянъ продолжалъ между тѣмъ перелистывать журналъ и только изрѣдка бросалъ испуганный взглядъ въ сторону говорившихъ. По разсказамъ отца и дѣда, онъ составилъ себѣ совершенно иное понятіе о приверженцахъ короля, представлялъ ихъ почему-то людьми пожилыми, очень солидными, съ спокойными движеніями; эта же спорящая толпа не внушала мальчику уваженія, ему стало даже обидно, что отецъ и дѣдъ раздѣляютъ ихъ мнѣнія. Савиньянъ рѣшилъ мысленно перейти на сторону тѣхъ людей, которыхъ Сеніэль съ презрѣніемъ величалъ революціонерами; ему казалось, что въ нихъ-то и должна заключаться главная сила и гордость отечества. И съ этой минуты, не отдавая себѣ отчета, мальчикъ сталъ горячимъ сторонникомъ революціи.

II.

Въ небольшой часовнѣ Святого Людовика де-Гонзагъ собралось общество дѣтей, для слушанія катехизиса. Въ числѣ ихъ былъ также Савиньянъ, которому минуло уже двѣнадцать лѣтъ и приходилось готовиться къ конфирмаціи.

Преподаватель обращался къ дѣтямъ съ вопросами, давая различныя объясненія по поводу священнаго писанія, но изъ всей аудиторіи Луэссаръ оказался самымъ невнимательнымъ слушателемъ. Его смущало присутствіе хорошенькой брюнетки Клодеты Бенвиль, которая, сидя позади Савиньяна, такъ задорно смотрѣла на мальчика, что онъ невольно оборачивался и плохо отвѣчалъ урокъ.

— Вы не выучили катехизиса,—замѣтилъ ему учитель,— за что получите дурную отмѣтку.

Затѣмъ онъ обратился къ Клодетѣ, и по окончаніи урока сказалъ дѣтямъ:

— Эта дѣвочка можетъ служить вамъ примѣромъ прилежанія, отвѣты ея удовлетворительны; а вамъ, господинъ Луэссаръ, въ особенности слѣдовало бы брать съ нея примѣръ.

Савиньянъ остался равнодушнымъ къ упрекамъ наставника, ему было даже пріятно слушать похвалы дѣвочкѣ, которая все больше и больше привлекала его своею наружностью.

Послѣ разлуки съ Виталиной, Савиньянъ первое время сильно скучалъ по своей молочной сестрѣ, затѣмъ лишь изрѣдка вспоминалъ о ней, а черезъ нѣкоторое время образъ подруги его дѣтства совершенно изгладился въ его душѣ. Теперь всецѣло поглотила его вниманіе Клодета, хотя Савиньянъ питалъ къ ней иного рода чувство. Она не была для него какимъ-то сказочнымъ существомъ, но волновала воображеніе мальчика и нарушала его душевный покой.

По воскреснымъ днямъ Луэссаръ приходилъ въ церковь раньше остальныхъ дѣтей, чтобы только не пропустить появленія Клодеты; онъ издали узнавалъ ея шаги и садился такъ, чтобы дѣвочка, проходя мимо, коснулась до него хотя бы своимъ платьемъ. Во время чтенія евангелія, дѣти подымались съ своихъ мѣстъ, а Савиньянъ старался встать еще на цыпочки, чтобы лучше видѣть профиль своего новаго кумира. И дѣйствительно, Клодета, одѣтая хотя просто, но стройная, гибкая, съ густыми волосами и задорной улыбкой, выдѣлялась изъ массы.

Между тѣмъ наступило время конфирмаціи. Савиньянъ сознательно готовился къ этому великому таинству, но еще болѣе радовался увидѣть въ этотъ день Клодету.

Съ утра уже раздался торжественный звонъ колокола. Мальчикъ, одѣтый въ новую курточку, со свѣчей въ рукахъ, вошелъ въ комнату, гдѣ ждали его Германъ и Бланшъ, проводившая по-прежнему все время на кушеткѣ.

Онъ преклонилъ колѣно, а отецъ, растроганный видомъ

сына, благословилъ его; у матери же выступили слезы при мысли, что болѣзнь лишаетъ ее возможности сопровождать его въ церковь. Она приколола мальчику букетъ ландышей, горячо поцѣловала и просила помолиться за нее.

Савиньянъ вышелъ изъ дома, проникнутый благоговѣніемъ. Во время службы онъ мысленно отрекся отъ всего земного и достойно принялъ святое причастіе. Но какъ-только раздался серебристый голосокъ Клодеты, читавшей благодарственную молитву,—все его духовное настроеніе мгновенно пропало; Савиньянъ забылъ всю святость обстановки, и только жадно вслушивался въ чтеніе Клодеты, не понимая смысла словъ. Дѣвочка снова предстала предъ нимъ во всей своей красотѣ и образъ ея не покидалъ Савиньяна весь этотъ день.

Недѣлю спустя, въ праздникъ Воскресенія Господня въ Вилоттѣ чувствовалось большое оживленіе. Дома на главной улицѣ были убраны цвѣтами, на перекресткахъ возвышались маленькіе алтари изъ мха, окруженные гирляндами цвѣтовъ и свѣчами; издали двигалась процессія дѣтей со священникомъ во главѣ. Дѣвочки, одѣтыя въ бѣлыя платья, мальчики — въ черныхъ костюмахъ несли корзины цвѣтовъ и во время остановокъ бросали розы на алтарь.

Вся эта толпа съ зажженными свѣчами, блестящее одѣяніе духовенства, дымъ ѳиміама, — все это производило на Савиньяна впечатлѣніе чего-то волшебнаго.

Клодета болѣе другихъ притягивала его вниманіе, и въ свою очередь такъ упорно смотрѣла на него, что мальчикъ снова терялъ всякое самообладаніе.

Но прошло еще нѣкоторое время. Религіозная процессія закончилась.

Дѣти собирались теперь только два раза въ недѣлю для слушанія катехизиса, а остальные дни проводили въ школѣ или дома, что причиняло Савиньяну большое горе. Напрасно искалъ онъ случая встрѣтиться съ Клодетой на улицѣ или во время богослуженій,—дѣвочка какъ бы исчезла. Оказалось, что отецъ ея, старый радикалъ, не находилъ нужнымъ развивать

въ ребенкѣ стремленіе къ вѣрѣ и, послѣ конфирмаціи, не пускалъ ее больше въ церковь.

Савиньянъ, отстоявъ службу, направлялся обыкновенно къ дому Бенвиля, съ надеждою, хотя мелькомъ, увидѣть Клодету, но двери оказывались запертыми, шторы опущены и, боясь привлечь вниманіе сосѣдей, мальчикъ, простоявъ недолго, уходилъ разочарованный домой. Жизнь показалась ему теперь еще грустнѣе, существованіе безцѣльнѣе.

Между тѣмъ занятія шли своимъ чередомъ, и Савиньянъ однимъ изъ первыхъ переходилъ изъ класса въ классъ.

Но это не льстило уже его самолюбію: мальчикъ такъ тосковалъ по Клодетѣ, что не зналъ, чѣмъ убить время. Онъ предался чтенію и выбиралъ книги исключительно романическаго содержанія, при чемъ въ каждомъ героѣ видѣлъ самого себя, а героини—олицетворяли образъ Клодеты.

Однажды, возвращаясь изъ школы, онъ переходилъ черезъ площадь и заглянулъ машинально въ окно какого-то шляпнаго магазина. Онъ хотѣлъ уже идти дальше, но вдругъ, къ своему удивленію, увидѣлъ на порогѣ магазина Клодету, которая стояла, прислонившись къ двери, и лукаво улыбалась.

Савиньяну хотѣлось подбѣжать къ ней, спросить объясненія, но дѣвушка въ это время уже скрылась, и тогда только онъ понялъ, что Клодета работаетъ въ шляпной мастерской, принадлежащей госпожѣ Петъ.

Съ этого дня, онъ сталъ умышленно проходить мимо оконъ магазина, выбирая время, когда мастерицы обыкновенно кончали работу и направлялись домой. Но Клодеты, какъ нарочно, все не было между ними.

Тогда у Савиньяна явилась мысль написать ей, но его любовное посланіе пролежало два дня въ его карманѣ и такъ и не попало въ руки Клодеты, такъ какъ послѣдняя, видимо, избѣгала встрѣчи съ Луэссаромъ.

Какъ-то Савиньяну удалось узнать, что отецъ Клодеты, занятый поденной работой, съ утра уже покидаетъ домъ, и дѣвушка въ часъ завтрака бываетъ обыкновенно одна. Тогда, не-

долго думая, онъ схватилъ свое измятое посланіе, написанное на голубой бумагѣ, направился къ жилищу садовника и просунулъ письмо въ щелку двери.

Бѣдняжка не подозрѣвалъ, что именно въ этотъ день Клодета, по какимъ-то причинамъ, не выходила изъ мастерской госпожи Петъ, а отецъ ея, утомленный работой, рано вернулся домой и первое, что бросилось ему въ глаза,—былъ небеснаго цвѣта конвертъ, валявшійся на полу.

III.

Наступилъ 1871 годъ. Жоэль и Германъ Луэссаръ продолжали пребывать въ самомъ мучительномъ ожиданіи. Ихъ надежды увидѣть короля на тронѣ не оправдались, и они впали даже въ отчаяніе, но послѣ паденія Тьера и сосредоточенія власти въ рукахъ Макъ-Магона — роялисты снова воспрянули духомъ. Въ газетахъ появилась статья о намѣреніи національной партіи обратиться къ графу Шамбору; ходили даже слухи, что пріобрѣтена особая карета, въ которой Генрихъ V поѣдетъ короноваться въ Реймскій соборъ.

1873 годъ далъ обратные результаты, а въ 1874 году появился манифестъ графа Шамбора, который Луэссары и ихъ партія изучили на память. Собираясь по-прежнему у госпожи Экювье, они съ умиленіемъ читали письма короля-изгнанника, гдѣ было сказано: «Франція нуждается въ монархѣ, и я призванъ судьбой на это мѣсто! Буду считать себя нарушителемъ долга, если именно теперь откажусь отъ борьбы съ врагомъ. Пусть же страна вѣритъ въ своего вождя и идетъ смѣло ему навстрѣчу!»

Но Франція не торопилась идти на помощь къ своему монарху, а національное собраніе занято было обсужденіемъ вопроса о конституціи.

Жоэль и Германъ, оставшіеся однажды дома, горячо спорили по поводу ненадежности партіи роялистовъ и послѣднихъ событій, — какъ въ комнату вбѣжала служанка и доложила о приходѣ незнакомца.

Луэссары были увѣрены, что дѣло касается политики, и имъ приносятъ какую-нибудь добрую вѣсть, а потому велѣли ввести гостя въ кабинетъ.

Предъ ними предсталъ человѣкъ, лѣтъ сорока, маленькаго роста, сутуловатый, одѣтый въ потертую бархатную куртку, изъ-подъ которой виднѣлась шерстяная фуфайка. Едва перейдя порогъ, — онъ бросилъ на столъ свою шапку и всталъ возлѣ стѣны, при чемъ его загорѣвшее лицо, сердитое выраженіе глазъ и плохо подстриженная борода обратили на себя вниманіе Луэссаровъ. Человѣкъ этотъ походилъ на разъяреннаго звѣря и внушалъ имъ нѣкоторый страхъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ его Германъ.

— Бенвиль,—отвѣтилъ садовникъ, — но я не пришелъ къ вамъ для пріятныхъ разговоровъ!

— Но въ чемъ мы провинились предъ вами? — спросилъ Жоэль, повышая голосъ, такъ какъ грубость Бенвиля начинала его раздражать.

— Сейчасъ узнаете...

Съ этими словами садовникъ вытащилъ изъ кармана мятый конвертъ и подалъ его Жоэлю.

Старикъ подошелъ къ окну и по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, глаза его все больше и больше расширялись.

— Да это форменное объясненіе въ любви нашего мальчугана!—сказалъ онъ.

— Да, внукъ вашъ имѣлъ дерзость написать Клодетѣ, но вы найдете это, по всей вѣроятности, невиннымъ, такъ какъ дѣло касается бѣдной крестьянки, а попробовалъ-бы онъ объясниться въ любви барышнѣ,—вы не то бы сказали. Къ счастью, миновало время, когда дворяне играли первенствующую роль, теперь мы всѣ равны, и вамъ придется отвѣчать за проступки барчука!

Бенвиль выпалилъ эту рѣчь однимъ духомъ.

Германъ, потерявъ терпѣніе, воскликнулъ:

— Довольно, перестаньте горячиться, дайте мнѣ письмо, и я поговорю уже съ виновнымъ.

— Прекрасно, — проворчалъ садовникъ, — постарайтесь только внушить вашему сыну, чтобы онъ отказался отъ мысли видѣться съ Клодетой, иначе я не отвѣчаю за послѣдствія!

Съ этими словами онъ нахлобучилъ шапку и вышелъ изъ комнаты.

Жоэль Луэссаръ далъ теперь полную волю своему гнѣву.

— Какое животное этотъ садовникъ! — закричалъ онъ,— вотъ къ чему насъ привели парламентскія собранія: всякій проходимецъ позволяетъ себѣ теперь возвышать голосъ и критикуетъ дѣйствія правительства!

— Да,—возразилъ Германъ,—но на этотъ разъ рѣчь идетъ о нашемъ ребенкѣ; я былъ правъ, говоря, что пребываніе Савиньяна въ деревнѣ дало самые пагубные результаты: мальчикъ росъ среди грубыхъ крестьянъ, и что всего ужаснѣе—въ немъ не по годамъ развита чувственность.

— Я не согласенъ съ тобой, — сказалъ Жоэль, — не слѣдуетъ придавать значенія простой шалости ребенка. И я когда-то любилъ поухаживать за красивыми дѣвушками, будь онѣ изъ среды крестьянокъ или поважнѣе.

— Теперь не тѣ времена, — замѣтилъ Германъ, — приходится считаться съ самимъ собой и уважать общество. Я надѣюсь, батюшка, что въ присутствіи Савиньяна вы не найдете нужнымъ брать его сторону, а наоборотъ — придумаете ему должное наказаніе.

Въ этотъ день семья по-обыкновенію собралась къ завтраку внизу и всѣ уже сидѣли за столомъ, когда въ комнату вошелъ Савиньянъ.

Первое, что бросилось ему въ глаза—это былъ злополучный листокъ голубой бумаги. Онъ окинулъ вопрошающимъ взоромъ отца и дѣда, который, въ ожиданіи объясненія, дѣлалъ видъ, что кашляетъ.

— Подойди ближе,—сказалъ Германъ,—ты узнаешь этотъ почеркъ?

— Кажется, да.

— Тебѣ только кажется, но припомни хорошенько, не ты-ли писалъ это письмо?

— Я,—послышалось въ отвѣтъ.

— Вотъ чѣмъ вы занимаетесь,—закричалъ отецъ,—пишете любовныя посланія первой встрѣчной дѣвчонкѣ!

— Она не первая встрѣчная,—возразилъ вдругъ съ негодованіемъ Савиньянъ,—а дочь честнаго садовника.

— Это уже намъ извѣстно, такъ какъ отецъ ея былъ здѣсь, и изъ-за тебя пришлось выслушать много упрековъ. Хорошо еще, что дѣвочка оказалась честной и сама же отдала письмо отцу.

— Напрасно вы думаете, что я хотѣлъ обидѣть Клодету,— заговорилъ снова Савиньянъ, — я написалъ ей, потому что горячо ее люблю.

При этихъ словахъ мать съ нѣжностью посмотрѣла на сына; привыкшая сама бояться мужа и во всемъ уступать ему,—она была поражена смѣлостью мальчика и съ гордостью подумала, что въ этомъ ребенкѣ видны уже признаки смѣлаго характера.

— Вы любите Клодету, — повторилъ, смѣясь, Германъ,— въ такомъ случаѣ надо подумать, какъ охладить вашъ пылъ. Пока же отправляйтесь на верхъ, гдѣ я васъ продержу нѣсколько дней на хлѣбѣ и водѣ.

— Мнѣ это не помѣшаетъ думать о Клодетѣ.

— Негодяй,—закричалъ Германъ, — какъ ты смѣешь возражать отцу!

— Другъ мой,—вмѣшалась робко Бланшъ,—простите ребенка, я молю васъ объ этомъ.

— Прошу не мѣшать мнѣ, — сказалъ снова Германъ, и при этомъ подумалъ, что придется обратить серьезное вниманіе на воспитаніе сына, который, благодаря слабому надзору матери, начинаетъ слишкомъ рано чувствовать себя самостоятельнымъ.

Савиньянъ между тѣмъ сидѣлъ уже плѣнникомъ въ своей маленькой комнаткѣ, но мысли его всецѣло были заняты Кло-

цетой. Онъ не вѣрилъ, чтобы дѣвушка умышленно открылась отцу; письмо было прочтено, вѣроятно, въ ея отсутствіе, и теперь она, такъ-же какъ и онъ, мучается въ неизвѣстности.

Савиньянъ представлялъ свою героиню въ образѣ Хименесъ, а себя — Родригомъ, и ему невольно пришли на память стихи Сида: «Сколько горя и слезъ причиняютъ намъ наши отцы». Ушедшій весь въ поэзію, бѣдный юноша и не предвидѣлъ всѣхъ непріятностей, которыя ожидаютъ его въ будущемъ.

Германъ, послѣ своего непреклоннаго рѣшенія перевоспитать мальчика, обратился сначала за совѣтомъ къ директору училища, затѣмъ нашелъ нужнымъ разсказать воспитателю про всѣ подробности письма, а послѣдній, какъ человѣкъ ограниченный, вывелъ лишь то заключеніе, что Луэссаръ крайне безнравственный мальчикъ и въ свою очередь поднялъ его насмѣхъ предъ товарищами. Съ той поры пребываніе въ училищѣ стало для Савиньяна еще тягостнѣе.

Во время латинскаго урока, при разборѣ Виргилія, учитель намѣренно обращался къ Савиньяну и говорилъ:

— Вы должны хорошо знать эти стихи и не затрудняться переводомъ, но жаль, что героиня ваша не носитъ имени Амарилисъ! Скажите, какъ выражаете вы ваши чувства къ Клодетѣ: играете-ли ей на свирѣли или на другомъ инструментѣ?

Савиньянъ краснѣлъ, не находилъ отвѣта, а остальные ученики радовались, что прошло, наконецъ, время, когда имъ ставили въ примѣръ этого выскочку Луэссара.

Страданія мальчика продолжались и внѣ класса, такъ какъ одинъ изъ товарищей, имѣвшій талантъ къ каррикатурамъ, нарисовалъ Савиньяна въ видѣ купидона съ крылышками и кепи на головѣ; онъ пускалъ стрѣлы въ Клодету, которая была изображена цвѣточницей, а рядомъ стоялъ старикъ Бенвиль, махавшій грозно граблями. Рисунокъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ, а Савиньянъ чувствовалъ себя обиженнымъ до глубины души и не зналъ, гдѣ искать утѣшенія.

Дома имъ почти не занимались, такъ какъ въ состояніи здоровья Бланшъ произошла внезапная перемѣна къ худшему;

бѣдная женщина угасала съ каждымъ днемъ, и окружающіе теперь только припоминали слова доктора, что это нѣжное существо нуждается въ тщательномъ уходѣ.

Между тѣмъ наступило время открытой вражды между роялистами и сторонниками республики. Политика проникла во всѣ слои общества и даже въ школахъ начались волненія.

Большинство учениковъ Вилотта, происходившіе изъ народа, давно косились на Луэссаровъ, считая ихъ аристократами и приверженцами Генриха V.

Рѣшено было излить всю злобу на Савиньяна, и ни въ чемъ неповинный мальчикъ подвергся травлѣ. Терпѣніе его не выдержало. Не помня себя отъ гнѣва, онъ выхватилъ однажды ножъ и бросился на перваго попавшагося товарища. Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что кто-то его беретъ за плечи; онъ обернулся и былъ пораженъ, увидѣвъ доктора Вильмье.

— Безумецъ,—сказалъ послѣдній,—ты чуть не погубилъ себя необдуманнымъ поступкомъ, а дома ждетъ тебя новое горе. Госпожа Луэссаръ очень больна, поспѣшимъ къ ней.

По дорогѣ Вильмье разсказалъ, что получилъ телеграмму отъ Германа, былъ уже въ Мальпертьи, гдѣ засталъ больную въ безнадежномъ положеніи, а теперь мать послала его за мальчикомъ.

И дѣйствительно, войдя въ комнату матери, Савиньянъ понялъ, что совершилось что-то ужасное. Бланшъ лежала на постели почти безъ памяти, и только при видѣ сына она напрягла послѣднія силы, прижала мальчика къ груди и тихо произнесла:

— Берегите моего ребенка.

Затѣмъ, откинувъ рѣзкимъ движеніемъ голову, Бланшъ скончалась.

IV.

Тѣло госпожи Луэссаръ было отвезено на кладбище въ Аргонны, гдѣ находился ихъ семейный склепъ.

Во время службы церковь едва вмѣщала всѣхъ желавшихъ

почтить память усопшей, такъ какъ оказалось, что Бланшъ пользовалась всеобщимъ расположеніемъ, и представители всѣхъ окрестныхъ деревень пожелали отдать ей послѣдній долгъ. Но тяжелѣе всего эта потеря отразилась на Вильмье. Стоя у гроба, докторъ мысленно перенесся за нѣсколько лѣтъ назадъ, вспомнилъ Бланшъ въ моментъ рожденія Савиньяна, затѣмъ сидящей въ саду подъ тѣнью деревьевъ, когда они вмѣстѣ наблюдали за первыми шагами малютки, наконецъ, страдающей и настолько изнуренной болѣзнью, что послѣдніе годы онъ видѣлъ ее только лежащей на кушеткѣ.

Вильмье сразу почувствовалъ безотчетное влеченіе къ этой молодой женщинѣ, жилъ подъ ея обаяніемъ, но, уважая ея отношенія къ мужу, никогда не говорилъ съ Бланшъ о своемъ душевномъ состояніи. Онъ только издали страдалъ, ясно сознавая, что она несчастлива въ своемъ семейномъ кругу, и готовъ былъ-бы пожертвовать собой для этого чуднаго созданія. Теперь же смерть положила всему конецъ... Докторъ посмотрѣлъ еще разъ на покойницу и не могъ уже больше сдержать своихъ слезъ.

По окончаніи службы, процессія направилась къ кладбищу. Несмотря на раннее утро, солнце ярко свѣтило и становилось даже жарко, но Савиньянъ ощущалъ дрожь и, идя за руку съ отцомъ, выглядѣлъ какимъ-то безчувственнымъ.

Когда стали опускать гробъ, и толпа раздвинулась, мальчикъ увидѣлъ вдругъ кормилицу Нуартенъ, которая, не стѣсняясь присутствующихъ, бросилась къ своему любимцу и осыпала его поцѣлуями. Виталина, стоявшая рядомъ, въ черномъ платьѣ, показалась ему очень измѣнившейся за послѣднее время и еще болѣе красивой. Она, въ свою очередь, подошла къ Савиньяну, чтобы выразить ему участіе, и, почувствовавъ всю эту ласку, онъ впервые созналъ свое горе и понялъ, какую страшную потерю посылаетъ ему судьба со смертью матери.

Между тѣмъ, гости стали расходиться, а Жоэль и Германъ, въ ожиданіи лошадей, вошли въ домъ доктора. Когда они очутились въ комнатѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ праздно-

вали крестины Савиньяна, — передъ ними, словно въ туманѣ, предсталъ образъ молодой женщины.

Въ этотъ радостный день она сидѣла здѣсь, счастливая, полная силъ и красоты.

— Бѣдная Бланшъ, — сказалъ Германъ, едва сдерживая рыданіе,—жизнь не долго баловала ее!

— Да,—прибавилъ Жоэль,—когда мы переступали порогъ этого дома, сопровождаемые музыкой и пѣніемъ, каждый присутствующій думалъ, что счастье наше прочно, а на дѣлѣ вышло иначе.

— Однако,—замѣтилъ Вильмье,—вы должны помнить, что у васъ остается ребенокъ, которому вы должны теперь замѣнить мать и сосредоточить на немъ всю вашу ласку и любовь!

Говоря это, докторъ привлекъ Савиньяна въ свои объятія, затѣмъ посмотрѣлъ ему въ глаза и снова заговорилъ:

— Мальчикъ плохо выглядитъ, ему пришлось пережить слишкомъ много волненій, и нервы его утомлены. Не хотите ли оставить Савиньяна на время у меня? Здѣсь привольнѣе, больше воздуха и свободы, а ему не мѣшаетъ отдохнуть отъ школы и товарищей.

Германъ вѣжливо выслушалъ доктора, но въ душѣ не соглашался съ нимъ, и, зная его либеральное направленіе, опасался даже въ этомъ отношеніи вліянія Вильмье на сына.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ,—за заботу о нашемъ мальчикѣ, но лично я не сторонникъ свободы, и нахожу, что пребываніе въ Болье принесло уже достаточно вреда сыну; теперь же ему нужны дисциплина и школа.

Вильмье не возражалъ больше, но еще сильнѣе прижалъ мальчика къ груди и, вспоминая о Бланшъ, рѣшилъ не терять по крайней мѣрѣ этого ребенка изъ виду и перенести на него всю свою ласку...

Между тѣмъ, наступили каникулы. Савиньянъ не ходилъ уже больше въ училище, но отецъ объявилъ, что будетъ продолжать съ нимъ занятія дома.

Далеко не подготовленный къ такому роду преподаванія,

Германъ затруднялся, когда вопросы касались литературы и исторіи и, какъ старый солдатъ, гордился только знаніемъ математики.

Для мальчика снова наступили часы мучительнаго испытанія: онъ не любилъ математики, и въ то время, когда отецъ объяснялъ равенство треугольниковъ, — мысли Савиньяна были далеко отъ этого предмета.

Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, Германъ рѣшилъ, что сынъ его не развитъ и отказался отъ преподаванія. Жизнь потекла по-старому, хотя въ Вилоттѣ чувствовалось нѣкоторое оживленіе: большинство учениковъ гостило теперь у своихъ родителей и, пріѣхавъ на каникулы, они часто соединялись, чтобы совершать вмѣстѣ длинныя прогулки или ѣздить въ окрестные лѣса.

Одинъ Савиньянъ лишенъ былъ этого удовольствія и изъ всѣхъ знакомыхъ посѣщалъ лишь госпожу Экювье, гдѣ стало еще тоскливѣе. Роялисты, потерпѣвшіе за послѣднее время столько неудачъ, собирались теперь для того только, чтобы изливать свою желчь и осуждать дѣйствія правительства.

Мальчикъ буквально задыхался въ этой атмосферѣ, и во избѣжаніе визитовъ къ госпожѣ Экювье часто отговаривался мигренью.

Но жизнь дома не была отраднѣе, здѣсь ото всего вѣяло грустью и недавней потерей.

Савиньяномъ овладѣвалъ страхъ, ему хотѣлось бѣжать въ поле, въ лѣсъ, какъ можно дальше отъ родного гнѣзда, и, забывъ свою придуманную болѣзнь, онъ уходилъ изъ дому. Вблизи природы образъ Виталины съ новой силой воскресалъ въ его памяти, но теперь Савиньянъ не предавался уже несбыточнымъ мечтамъ и ясно сознавалъ, что жизнь готовила ему немало горя и испытаній.

«Мнѣ придется много бороться съ людьми,—подумалъ онъ,— и весь вопросъ, кто выйдетъ побѣдителемъ».

Какъ бы въ подтвержденіе его мысли, мальчикъ услышалъ голоса работниковъ, которые заняты были уборкою винограда.

Среди нихъ находились также и его сверстники и, завидя Луэссара, они закричали:

— Вотъ идетъ нашъ влюбленный рыцарь... вѣроятно, онъ былъ на свиданіи съ Клодетой... Берегись, товарищъ, — отецъ ся неподалеку отъ тебя!

Сопровождаемый насмѣшками, мальчикъ спѣшилъ миновать скорѣе эту толпу. Въ душѣ его зародилась вдругъ мысль отомстить всѣмъ этимъ людямъ, которые съ самаго дѣтства преслѣдуютъ его и, какъ ему казалось, выбрали его своей жертвою.

«Надо вселить къ себѣ уваженіе и страхъ,—подумалъ снова мальчикъ,—главное-же—стать выше своихъ товарищей, а для этого потребуется много труда...»

И Савиньянъ рѣшилъ усиленно заниматься. Съ началомъ курсовъ, онъ выказалъ столько прилежанія, что отецъ не могъ надивиться происшедшей перемѣнѣ: сынъ, котораго онъ записалъ въ неспособные, теперь сдѣлался вдругъ гордостью семьи Луэссаровъ.

На девятнадцатомъ году Савиньянъ кончилъ школу. Приходилось выбирать какую-нибудь спеціальность, чтобы со-временемъ зарабатывать больше денегъ, такъ какъ отецъ заявилъ, что не въ состояніи долѣе содержать юношу.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что Германъ сильно влюбился въ нѣкую госпожу де-Ланевиль, вдову своего бывшаго товарища по службѣ, и проводилъ у нея всѣ свободные дни, и будущность Савиньяна мало его интересовала.

Старику Жоэлю, когда-то порицавшему поведеніе внука, пришлось теперь краснѣть за своего единственнаго сына.

Онъ первый замѣтилъ увлеченіе Германа, и тотчасъ же сталъ наводить справки о его возлюбленной. Женщина лѣтъ тридцати, красивая, хорошо сложенная, Атенаисъ де-Ланевиль рано лишилась мужа и, не будучи богатой, жила на средства брата—просто торговца лѣсомъ въ Вилоттѣ. Вдова обладала излишнимъ самолюбіемъ и старалась убѣдить окружающихъ, что происходитъ отъ знаменитаго рода графовъ Баруа. Въ извѣ-

стныхъ случаяхъ она отказывалась даже отъ родства съ братомъ-дровяникомъ, продолжая, однако, пользоваться его деньгами, такъ какъ любила туалеты и одѣвалась съ большимъ вкусомъ.

Германъ познакомился съ Атенаисъ во время охоты, плѣнился ея граціею, смѣлостью, и не прошло двухъ недѣль, какъ онъ окончательно потерялъ свое сердце. Послѣдовало признаніе въ любви. Но госпожа де-Ланевиль оказалась опытной кокеткой: временами она подавала надежду на успѣхъ, затѣмъ являлась холодной и неприступной, и такъ вскружила голову влюбленнаго, что, когда насталъ моментъ отъѣзда Савиньяна въ Парижъ,—Луэссаръ объявилъ о невозможности сопровождать сына.

— Мое присутствіе ни къ чему,—сказалъ онъ Вильмье,— Савиньянъ никогда не былъ со мною откровененъ и не нашелъ даже нужнымъ спросить совѣта относительно своей будущей карьеры. Какъ всѣ Луэссары, я хотѣлъ бы, конечно, видѣть его военнымъ, но у сына нѣтъ къ этому призванія,—пусть же онъ выбираетъ карьеру, которая больше ему улыбается.

Докторъ Вильмье предложилъ свои услуги и вызвался сопровождать юношу въ Парижъ, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней, Савиньянъ блестящимъ образомъ выдержалъ экзаменъ и, получивъ степень бакалавра, пустился въ обратный путь.

Сидя въ купе, докторъ сталъ разспрашивать юношу о его дальнѣйшихъ планахъ.

— Теперь ты можешь сказать мнѣ откровенно, — началъ Вильмье,—какого рода служба тебя привлекаетъ. Не думаешь-ли ты сдѣлаться военнымъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Савиньянъ.

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ придется только отбывать воинскую повинность, а затѣмъ нельзя же сидѣть сложа руки.

— Я и не собираюсь бездѣльничать,—сказалъ Савиньянъ, и, нѣсколько понизивъ голосъ, добавилъ:—сознаюсь вамъ откровенно: я хочу заняться журналистикой.

— Какъ,—вскричалъ докторъ,—ты хочешь посвятить себя политикѣ! Но на этомъ поприщѣ легко сломать себѣ шею, и отецъ не дастъ тебѣ на это согласія.

— Отцу некогда заниматься мною,—замѣтилъ многозначительно юноша.

— Если это твое мнѣніе,—возразилъ докторъ,—то совѣтую тебѣ держать экзаменъ на кандидата правъ, сдѣлаться адвокатомъ, а остальное покажетъ уже время!

По прибытіи въ Вилоттъ, разговоръ этотъ былъ переданъ Герману. Послѣдній, однако, оказался равнодушнымъ ко всему тому, что не касалось молодой вдовы, и Савиньянъ, пробывъ недѣлю въ родной семьѣ, поступилъ осенью волноопредѣляющимся въ Нанси, а черезъ годъ уѣхалъ въ Парижъ.

V.

Прошло двѣ недѣли со дня прибытія Савиньяна въ Парижъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи самыя ограниченныя средства, онъ поселился въ Латинскомъ кварталѣ, въ маленькой, невзрачной комнатѣ, и чувствовалъ себя крайне одинокимъ среди милліоннаго населенія столицы.

Все, что ему приходилось теперь видѣть, поражало его воображеніе, но онъ обладалъ большимъ самолюбіемъ и, во избѣжаніе насмѣшекъ товарищей, сталъ во всемъ подражать имъ.

Однажды, выйдя изъ аудиторіи профессора, который въ продолженіе часа читалъ монотоннымъ голосомъ лекцію о римскомъ правѣ, у Савиньяна явилась потребность освѣжиться, и онъ пошелъ по направленію Люксембурга.

День былъ чудный, солнце ярко свѣтило, и близость природы перенесла юношу въ родные края.

Замечтавшись, онъ остановился у фонтана Медичи, но вдругъ почувствовалъ, что кто-то ударилъ его по плечу.

Луэссаръ обернулся и вскрикнулъ отъ удивленія.

— Это ты, Сенлисъ?—спросилъ онъ неувѣренно.

Эдуардъ Сенлисъ былъ его товарищъ по школѣ, но выглядѣлъ старше Луэссара. Успѣвъ освоиться съ условіями столичной жизни, онъ окинулъ Савиньяна опытнымъ взглядомъ и замѣтилъ, что послѣдній одѣтъ по-провинціальному и имѣетъ нѣсколько растерянный видъ.

Эдуардъ отчасти обрадовался, что можетъ отнестись покровительственно къ представителю стараго дворянства, и, взявъ его подъ руку, сказалъ:

— Я радъ, что встрѣтился съ тобой въ Парижѣ. Но чѣмъ ты здѣсь занимаешься? Откуда идешь?

— Я только-что былъ въ университетѣ, — отвѣтилъ Савиньянъ,—и собираюсь теперь завтракать. Не хочешь-ли пойти вмѣстѣ?

— А куда именно?

Юноша назвалъ ресторанъ, но Сенлисъ поднялъ его насмѣхъ: это мѣсто посѣщается лишь самой захудалой молодежью, тамъ прескверно кормятъ.

— Я предлагаю тебѣ лучше слѣдовать за мной,—сказалъ Эдуардъ.

Они направились къ Фуайо. Савиньяну съ перваго же взгляда бросилось въ глаза роскошное помѣщеніе ресторана и изящество сервировки; скатерти блестѣли бѣлизною. Лакеи, ловко прислуживавшіе, смущали юношу: они выглядѣли гораздо изящнѣе самого посѣтителя. Чтобы скрыть свои чувства, Савиньянъ старался сначала казаться равнодушнымъ, но по мѣрѣ того, какъ товарищъ подливалъ ему вино,—голова юноши закружилась, и онъ сталъ съ большимъ интересомъ слѣдить за присутствующими молоденькими женщинами, весело болтавшими со своими сосѣдями.

— Обрати вниманіе на этого господина,—сказалъ Эдуардъ, —это сенаторъ Божъ, а тамъ дальше — артистка Сильвія, которая завтракаетъ съ композиторомъ Юліусомъ.

Савиньянъ окинулъ любопытнымъ взоромъ всѣхъ этихъ людей и почувствовалъ къ нимъ нѣкоторую зависть.

«Они умѣютъ пользоваться молодостью и удовольствіями,— подумалъ онъ,—а ко мнѣ положительно не прививаются условія столичной жизни...»

— И такъ, ты изучаешь право! — прервалъ его мысли Эдуардъ,—а затѣмъ будешь адвокатомъ и выберешь, вѣроятно, своимъ мѣстопребываніемъ Вилоттъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Луэссаръ, нѣсколько опьяненный и почувствовавшій приливъ нѣжности къ товарищу,—я буду откровененъ и скажу тебѣ, что посѣщеніе лекцій — для меня только предлогъ, чтобы жить въ Парижѣ; мои же будущіе планы— стать со-временемъ журналистомъ и заняться политикой.

— Но имѣешь-ли ты необходимыя для этого дѣла связи и доступъ въ литературный міръ?—спросилъ снова Эдуардъ.

— Нѣтъ, я никого не знаю въ Парижѣ и самъ нигдѣ не бываю.

— Какъ, — воскликнулъ съ удивленіемъ Сенлисъ, — ты не принадлежишь ни къ какому клубу, не посѣщаешь театровъ, палату депутатовъ—и собираешься занять мѣсто государственнаго дѣятеля! Это крайне наивно съ твоей стороны... Посмотри на всю остальную молодежь: какъ они интригуютъ другъ передъ другомъ, какъ заискиваютъ у издателей газетъ, чтобы только получить ничтожное мѣсто репортера. Слыхалъ-ли ты, между прочимъ, о нашемъ новомъ кружкѣ «Новая Галлія?»

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Савиньянъ, — но думаю, что это, должно-быть, названіе какого-нибудь журнала?

— Ничуть,—это общество, которое образовали мои друзья и я. Тамъ собираются, разъ въ недѣлю, чтобы толковать о литературѣ и философіи... Насъ посѣщаютъ артисты, чиновники различныхъ министерствъ и адвокаты, однимъ словомъ, молодежь, добивающаяся связей. Если ты желаешь пристать къ намъ,—я могу ввести тебя въ общество «Новая Галлія».

— Но примутъ-ли меня остальные?—спросилъ неувѣренно Луэссаръ.

— Будь покоенъ, съ моей рекомендаціею ты ничемъ не рискуешь! Кстати, сегодня у насъ назначено засѣданіе,—приходи къ девяти часамъ вечера къ зданію Одеона, тамъ мы встрѣтимся, а за остальное я уже берусь.

Савиньянъ былъ въ восторгѣ отъ предложенія Сенлиса, и такъ какъ завтракъ подходилъ къ концу, — онъ хотѣлъ расплатиться наравнѣ съ товарищемъ, но послѣдній остановилъ его, говоря, что на этотъ разъ онъ беретъ всѣ расходы на себя.

Въ условленный часъ оба друга встрѣтились подъ арками театра; засѣданіе-же должно было происходить въ небольшомъ помѣщеніи подъ рестораномъ Мишель. Комната оказалась очень низкая, заставленная столами и скамейками; въ концѣ ея помѣщался длинный столъ, прикрытый зеленымъ сукномъ. У оконъ сидѣла молодежь, и нѣкоторые изъ нихъ пили пиво; тутъ же стоялъ президентъ Меліеръ—юноша съ непріятнымъ выраженіемъ лица, худой и болѣзненный.

— Позвольте представить вамъ моего товарища Луэссара!—сказалъ Сенлисъ, обращаясь къ президенту,—онъ жаждетъ чести быть принятымъ въ наше общество, самъ же происходитъ изъ старинной фамиліи аргонскихъ дворянъ, а отецъ его—глава партіи легитимистовъ. Я отвѣчаю за Савиньяна, какъ за самого себя.

Меліеръ покровительственно улыбнулся и, обращаясь уже къ Луэссару, сказалъ:

— Прошу замѣтить, что собранія наши не имѣютъ политической подкладки; мы только передовые люди, и если вы сочувствуете нашимъ взглядамъ,—я согласенъ записать васъ членомъ «Новой Галліи» и первый подамъ за васъ голосъ.

Зало, между тѣмъ, понемногу наполнялось. Когда всѣ были въ сборѣ,—засѣданіе объявили открытымъ. Собравшаяся молодежь разбирала вопросъ о будущности страны. Сначала все шло мирно, но по мѣрѣ того, какъ они спорили, — голоса становились рѣзче, движенія быстрѣе, и скоро все это превратилось въ какой-то непонятный гулъ.

Наконецъ, толпа затихла, и одинъ изъ присутствующихъ получилъ разрѣшеніе прочесть научную статью Ломброзо, въ которой отрицалась отвѣтственность подсудимаго. Противникъ его сталъ приводить въ примѣръ теорію Іосифа де-Местра, гдѣ доказывалось, что единственные охранители общества—это папа и палачъ.

Послѣдніе доводы снова вызвали горячій споръ, а Луэссаръ, внимательно слѣдившій за всѣмъ, что здѣсь происходило, пришелъ къ одному лишь заключенію, что всѣ эти люди не знаютъ,

чего они хотятъ, и стараются только перекричать другъ друга.

Въ самый разгаръ шума послышалось восклицаніе:

— А, вотъ и Шармуа! Однако, онъ не изъ раннихъ!

Въ комнату вошелъ крайне невзрачный юноша съ желтыми волосами и острымъ носомъ. Наружностью онъ походилъ на канарейку, которая только-что выкупалась и не оправила еще своихъ перьевъ.

Шармуа безцеремонно прошелъ сквозь толпу и громко провозгласилъ:

— Дорогіе коллеги, примите мое извиненіе, но я не могъ не опоздать, такъ какъ былъ на обѣдѣ у Виктора Гюго!

— Счастливецъ!—раздались восклицанія,—ты сидѣлъ лицомъ-къ-лицу съ великимъ человѣкомъ. Скажи скорѣе, какое онъ произвелъ на тебя впечатлѣніе? Говорилъ-ли онъ про нашу «Новую Галлію» и какъ отнесся лично къ тебѣ?

— Я представилъ наше общество съ самой лучшей стороны,—сказалъ съ достоинствомъ Шармуа,—и великій человѣкъ просилъ передать вамъ свой привѣтъ; онъ прибавилъ, что смотритъ на насъ, какъ на восходящее свѣтило: въ насъ вся будущность, замѣтилъ онъ, а его звѣзда уже закатилась.

Шармуа произнесъ все это спокойнымъ голосомъ, желая произвести нѣкоторое впечатлѣніе на слушающихъ; Савиньянъ же съ умиленіемъ внималъ его рѣчамъ и въ душѣ завидовалъ, что этотъ, ничѣмъ не выдающійся, юноша имѣетъ доступъ къ такимъ людямъ, какъ Викторъ Гюго.

Наконецъ, засѣданіе окончилось. Молодежь, продолжая бесѣдовать между собой, группами покидала залу собранія, а Сенлисъ, взявъ за руку Луэссара, спросилъ его:

— Надѣюсь, ты доволенъ, что состоишь членомъ «Новой Галліи?»

— Я въ восторгѣ,—отвѣтилъ Савиньянъ,—но нахожу, что засѣданіе было нѣсколько бурное: отъ крика и духоты у меня разболѣлась голова; надо теперь отдохнуть. Прощай, я пойду домой.

— Подожди,—остановилъ его Сенлисъ,—ты все равно не уснешь послѣ всѣхъ этихъ волненій. Слѣдуй лучше за мной, я покажу тебѣ еще много интереснаго.

Товарищи прошли вмѣстѣ нѣсколько шаговъ и очутились на улицѣ Медичи, передъ ярко освѣщенными окнами, надъ которыми красовалась надпись «Итальянскій Кабачокъ»

Это мѣсто охотно посѣщалось молодежью: кормили здѣсь недурно, а за столиками прислуживали кокетливо одѣтыя дѣвушки.

Веселые голоса и смѣхъ доносились отсюда на улицу.

Едва они переступили порогъ, какъ Сенлисъ воскликнулъ:

— Положительно, тебѣ сегодня улыбается счастье: посмотри направо—передъ тобой сидитъ твоя землячка Клодета!

— Клодета!—повторилъ машинально Савиньянъ.

— Да, Клодета Бенвиль—твоя прежняя любовь. Знаешь-ли ты, что она стала звѣздою здѣшнихъ мѣстъ?

Дѣвушка, услышавъ свое имя, приподнялась со стула, и Луэссара поразило, насколько она измѣнилась за это время къ лучшему. Одѣтая въ черное платье, гладко причесанная, съ опущенными глазами, она казалась ему теперь недоступной, и Савиньянъ удивился, когда услышалъ голосъ Эдуарда, который, не стѣсняясь, подозвалъ ее.

— Прекрасная особа,—обратился онъ къ Клодетѣ,—подойдите поближе, я хочу представить вамъ вашего стараго друга дѣтства—Савиньяна де-Луэссаръ.

Дѣвушка при этихъ словахъ слегка покраснѣла, но затѣмъ, рѣзко повернувшись, протянула имъ обоимъ руки и сказала:

— Здорово, Сенлисъ; здравствуйте, Луэссаръ! Вотъ при какихъ обстоятельствахъ мы встрѣчаемся съ вами! Какъ видите, я не разбогатѣла въ Парижѣ и по-прежнему не блещу туалетами.

— Вы и не нуждаетесь въ нарядахъ,—замѣтилъ скромно Савиньянъ,—и стали еще лучше, чѣмъ когда я встрѣчалъ васъ въ мастерской госпожи Пешъ.

— Да, въ то время вы были влюблены въ меня и напи-

сали такое посланіе, что отецъ наградилъ меня изъ-за него пощечиной.

— И я, въ свою очередь, тоже потерпѣлъ наказаніе,—сказалъ Луэссаръ:—вашъ батюшка нашелъ нужнымъ пожаловаться моимъ родителямъ, и меня посадили на хлѣбъ и воду...

— Бѣдный мальчикъ!—перебила его Клодета.

— Ничуть,—возразилъ Савиньянъ, становясь развязнѣе,—я уже тогда былъ настолько увлеченъ вами, что никакія строгости не заставили-бы меня не думать о васъ, а сегодняшняя встрѣча доказала, что вы мнѣ по-прежнему дороги, потому умоляю васъ остаться съ нами и вмѣстѣ поужинать.

— Превосходно!—воскликнулъ Сенлисъ,—ничто такъ не сближаетъ, какъ воспоминанія дѣтства. Пойдемте только въ отдѣльный кабинетъ. Тамъ вы можете побесѣдовать по душѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ найдете все необходимое, чтобы утолить вашъ голодъ.

Сенлисъ указалъ имъ дверь, ведущую во второй этажъ, и запѣлъ мотивъ изъ оперетки «Дочь Анго». Савиньянъ успѣлъ шепнуть ему, чтобы онъ занялся ужиномъ: самъ Луэссаръ былъ крайне неопытенъ въ кулинарномъ искусствѣ, Сенлисъ-же прослылъ знатокомъ этого дѣла. Не стѣсняясь средствами товарища, онъ заказалъ устрицъ, холодную дичь, раки и шампанское.

Клодета въ это время расположилась на диванчикѣ и сквозь свои густыя рѣсницы наблюдала за Савиньяномъ, который сразу подѣйствовалъ на ея воображеніе. Дѣвушкѣ особенно нравился его матовый цвѣтъ лица и темнокаріе глаза, полные нѣги и любви.

— Эй, вы,—обратилась она вульгарно къ юношѣ,—садитесь возлѣ меня и разскажите что-нибудь веселое.

Луэссаръ не заставилъ себя просить вторично; онъ занялъ мѣсто возлѣ Клодеты и почувствовалъ особую прелесть вблизи этого молодого, но уже испорченнаго существа.

Клодетѣ, какъ видно, давно были знакомы всѣ пріемы кокетства. Не стѣсняясь присутствіемъ третьяго лица, она

ближе прижалась къ Савиньяну и, поднося бокалъ къ его губамъ, сказала:

— Выпейте это шампанское, и вы узнаете мои мысли.

Юноша взялъ бокалъ изъ ея рукъ и вмѣстѣ съ этимъ въ сердце его закралась жажда любви и ласки...

По окончаніи ужина, Эдуардъ Сенлисъ быстро удалился, на этотъ разъ предоставляя товарищу расплатиться съ лакеемъ.

Савиньянъ отдалъ почти всѣ деньги, которыя у него оказались въ карманѣ. Эта сумма превышала его мѣсячное содержаніе.

Очутившись на улицѣ, онъ робко спросилъ Клодету:

— Куда прикажете проводить васъ?

— Глупый, конечно, къ тебѣ,—отвѣчала дѣвушка, глядя на него вызывающимъ взглядомъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ 1883 году Пасха была поздняя, и къ этому великому дню природа ожила во всей своей красотѣ и силѣ. Въ садахъ Мальпертьи деревья покрылись богатой листвой, а яблони и вишни теряли уже свой цвѣтъ, подавая въ будущемъ надежду на обильный урожай плодовъ. Изъ окна столовой доносился шумъ посуды и голоса говорящихъ, по которымъ можно было заключить, что хозяева снова посѣтили свое старое гнѣздо.

Дѣйствительно, послѣ смерти Бланшъ, жизнь въ Вилоттѣ стала невыносимой для обоихъ Луэссаровъ. Домъ казался слишкомъ просторнымъ, воспоминанія слишкомъ тяжелыми, а съ отъѣздомъ Савиньяна не было больше причины оставаться въ городѣ, и Жоэль съ сыномъ рѣшили перебраться въ Мальпертьи. Старикъ Луэссаръ съ радостью думалъ о деревенской жизни, такъ какъ съ удаленіемъ Шамбора послѣднія его мечты разлетѣлись въ прахъ, и онъ уже болѣе не интересовался поли-

тикой. Германъ-же, все еще ухаживавшій за госпожею де-Ланевиль, менѣе охотно покидалъ Вилоттъ, но и онъ рѣшилъ, что постоянное пребываніе отца въ деревнѣ будетъ имѣть нѣкоторыя хорошія стороны.

Въ данное время, по случаю Свѣтлаго Понедѣльника, кромѣ семьи Луэссаръ, за столомъ сидѣли докторъ Вильмье, старикъ Бонэ и Виталина Нуартенъ со своимъ братомъ Паскалемъ.

Послѣдній находился уже въ санѣ священника и, прослуживъ четыре года въ Клермонѣ, былъ переведенъ на вакантное мѣсто въ свой родной приходъ.

Въ тридцать три года Паскаль казался почти старикомъ: худой, со впавшими щеками, большимъ лбомъ и выдающимся подбородкомъ, онъ производилъ съ перваго взгляда невыгодное для себя впечатлѣніе, но достаточно было посмотрѣть на его глаза, чтобы убѣдиться, что это вполнѣ добрый и отзывчивый человѣкъ. Строгій лишь къ самому себѣ, Нуартенъ снисходительно относился къ ближнему и поставилъ себя задачею печься о своей паствѣ. Всѣ горячо полюбили его, а докторъ Вильмье питалъ особое уваженіе къ Паскалю, хотя и любилъ подтрунивать надъ нимъ, говоря, что малый ребенокъ способенъ обойти этого добраго пастыря. Священникъ, въ свою очередь, оказывалъ ему вниманіе, но его пугало либеральное направленіе доктора. Этотъ человѣкъ, отрицавшій обрядность въ религіи, приводилъ въ такое смущеніе Нуартена, что онъ считалъ его уже на половину погибшимъ и молилъ только Господа о помилованіи его души.

Виталина была полною противоположностью своего брата. Поселившись съ нимъ послѣ смерти родителей, она внесла въ домъ священника много жизни и молодости. Наружностью она напоминала свою покойную мать: тѣ же каріе, выразительные глаза, вьющіеся волосы и пурпуроваго цвѣта ротикъ.

Обѣдъ приближался къ концу, когда докторъ Вильмье вдругъ неожиданно воскликнулъ:

— Отдаю вамъ полную справедливость, господинъ Луэс-

саръ, сегодня обѣдъ удался на славу, жаркое такъ изготовлено, что остается только пальчики облизать, мясо нѣжное и его особенно пріятно ѣсть послѣ сорокадневнаго поста. Я увѣренъ, что церковь предписала намъ это воздержаніе для того только, чтобы дать возможность больше цѣнить скоромный столъ! Какого вы мнѣнія объ этомъ?—обратился онъ намѣренно къ священнику.

Паскаль, привыкшій къ подобнымъ выходкамъ со стороны доктора, спокойно отвѣтилъ:

— Церковь, устанавливая постъ, имѣла, конечно, болѣе серьезные виды: она хотѣла, чтобы человѣкъ сознательно умѣлъ лишать себя плотскаго удовлетворенія, а кромѣ того, предписанный режимъ имѣетъ еще чисто-гигіеническое значеніе. Вы, какъ врачъ, должны знать, что съ приближеніемъ весны полезно воздерживаться отъ всего того, что возбуждаетъ организмъ, а мясо, напримѣръ, въ извѣстное время года совершенно излишне для желудка.

— Я съ вами не согласенъ,—возразилъ Вильмье:—церковь запрещаетъ мясо, которое, между прочимъ, только питаетъ организмъ, и предписываетъ ѣсть рыбу, а знаете-ли вы, что послѣдняя содержитъ въ себѣ фосфоръ и очень горячитъ кровь? И такъ, подъ предлогомъ воздержанія, вы только разжигаете человѣческія страсти!

— Подобныя шутки не достойны васъ,—замѣтилъ съ укоромъ Паскаль.

— Я не шучу, а указываю лишь на факты,—оправдывался докторъ.

— Господинъ Вильмье,—обратилась къ нему Виталина,—почему вы такъ нападаете на постъ? Онъ не долженъ смущать васъ, такъ какъ лично вы продолжаете кушать скоромное.

Вильмье ничего не отвѣтилъ дѣвушкѣ, а Паскаль, недовольный вмѣшательствомъ сестры, съ укоромъ посмотрѣлъ на нее.

Въ это время кухарка внесла большое блюдо съ форелью, и докторъ снова нашелъ нужнымъ замѣтить хозяину, что рыба прекрасная и поражаетъ своей величиной.

— Да,—похвастался Германъ,—въ рѣчонкѣ Мальпертьи такихъ не водится, и я привезъ ее изъ Вилотта.

— Вы любите посѣщать это мѣсто?—замѣтилъ не кстати Бонэ.

Германъ при этихъ словахъ сильно покраснѣлъ, а Жоэль былъ недоволенъ начатымъ разговоромъ.

— Я провелъ тамъ субботу и часть воскресенья,—сказалъ Луэссаръ, стараясь избѣгнуть взгляда отца.

— Это тоже способъ разгавливанія,—произнесъ тихо докторъ.

Наступило молчаніе, всѣ почувствовали неловкость. Чтобы загладить непріятное впечатлѣніе, Германъ обратился на этотъ разъ къ старику Жоэлю:

— Кстати, батюшка, я имѣю извѣстіе о Савиньянѣ.

— Черезъ кого?

— Черезъ его товарища—Эдуарда Сенлиса, который пріѣхалъ на праздники къ родителямъ и сообщилъ, что Савиньянъ собирается навѣстить Мальпертьи.

— Надѣюсь, что сынъ вашъ заглянетъ также ко мнѣ?—замѣтилъ докторъ.

— Я тоже разсчитываю возобновить съ нимъ знакомство,—сказалъ въ свою очередь Паскаль,—такъ какъ сохранилъ о немъ хорошее воспоминаніе. Уже ребенкомъ, Савиньянъ отличался твердыми принципами. Какъ теперь вижу его, посѣщающимъ уроки катехизиса, когда они учились вмѣстѣ съ сестрой?

Виталина при этихъ словахъ покраснѣла.

— Все это давно прошло,—замѣтила она.—Интересно знать, какъ теперь выглядитъ Савиньянъ.

— Принципы, внушенные съ дѣтства, остаются на всю жизнь и охраняютъ молодежь отъ искушенія, — произнесъ священникъ.

— Да будетъ такъ, — воскликнулъ Вильмье, — но лично я думаю, что Парижъ представляетъ слишкомъ много соблазна. Если юноша и выѣхалъ изъ Мальпертьи съ чистыми намѣре-

ніями, то, приближаясь къ столицѣ, растерялъ добрую часть ихъ по дорогѣ.

На слѣдующее утро послѣ упомянутаго разговора, было получено извѣстіе, что Савиньянъ покинулъ уже Парижъ и проситъ выслать за нимъ лошадей на станцію Илетъ.

Германъ самъ отправился на встрѣчу сыну. Когда онъ увидѣлъ его выходящимъ изъ купе перваго класса, то былъ пораженъ: прежній провинціалъ превратился теперь въ элегантнаго юношу. Савиньянъ былъ одѣтъ въ сѣрый дорожный костюмъ, волосы онъ носилъ короткіе, темная бородка еще рѣзче выдѣляла его матовый цвѣтъ лица, а въ глазахъ свѣтилось много жизни и сознаніе своего превосходства.

Германъ, какъ бывшій офицеръ, оцѣнилъ внѣшность сына по достоинству и произнесъ съ нѣкоторой гордостью:

— Я доволенъ твоей наружностью и одеждою. Я опасался увидѣть тебя съ длинными волосами и шапочкою по образцу студентовъ Латинскаго квартала.

— Это отошло въ область преданій,—отвѣтилъ Савиньянъ,— мои товарищи и я считаемъ подобныя выходки—ребячествомъ и давно пришли къ заключенію, что, для достиженія какой-либо цѣли, нужна извѣстная гармонія въ одеждѣ, равно какъ и въ поступкахъ.

— Очень похвально,—замѣтилъ отецъ,—а на тебя лично я возлагаю особыя надежды... Я увѣренъ, что ты съ достоинствомъ будешь поддерживать имя Луэссаровъ.

— Да,—отвѣтилъ Савиньянъ,—я не терялъ напрасно времени и такъ усиленно занимался, что хочу теперь отдохнуть, и всѣ свободные часы я посвящу вамъ.

Савиньянъ былъ неискрененъ: главная причина его пріѣзда заключалась въ безденежьѣ, и онъ разсчитывалъ получить отъ отца маленькое пособіе.

— И прекрасно,—возразилъ Германъ,—постоянное напряженіе вредно отзывается на здоровьѣ. Ты проведешь съ нами, вѣроятно, недѣли три и послѣ этого примешься съ новыми силами за работу. Кстати, сколько тебѣ остается времени до полученія диплома?

— Дипломъ! — произнесъ съ презрѣніемъ юноша, — это только формальность. Намъ надо собственными заслугами умѣть выдѣлиться изъ массы. Нынче власть въ рукахъ интеллигенціи, каждый изъ насъ жаждетъ дѣятельности и весь вопросъ, кто выйдетъ побѣдителемъ!

— Насколько я понимаю,—сказалъ Луэссаръ,—ты проповѣдуешь право сильнаго, но это не совсѣмъ по-христіански.

— Я говорю только о борьбѣ за существованіе, — возразилъ Савиньянъ.—Общество должно подчиняться тѣмъ-же законамъ, какъ и сама природа. Вѣдь въ лѣсу старые дубы не заботятся о ростѣ кустарниковъ и безъ всякой жалости душатъ ихъ. Такъ и людямъ остается только брать съ нихъ примѣръ.

Германъ, съ ужасомъ прислушивавшійся къ разсужденіямъ сына, пришелъ въ полное негодованіе и съ грустью подумалъ о способѣ достиженія цѣли у современной молодежи. Но теперь онъ не хотѣлъ спорить съ Савиньяномъ и намѣренно перемѣнилъ разговоръ.

— Скоро часъ,—сказалъ онъ,—ты, должно-быть, голоденъ? Не хочешь-ли заглянуть по дорогѣ къ доктору Вильмье и закусить?

— Благодарю, я уже позавтракалъ въ Шалонѣ и легко дождусь обѣда. А кстати, какъ здоровье доктора?

— Прекрасно, онъ еще недавно заѣзжалъ къ намъ, справлялся о твоемъ пріѣздѣ и былъ бы очень доволенъ увидѣть тебя. Это чудный человѣкъ, несмотря на свой радикализмъ и нѣкоторыя маленькія странности.

— Да, Вильмье изрядный идеалистъ!

— Какъ! — воскликнулъ отецъ, — ты считаешь Вильмье идеалистомъ?

У Германа закралась даже мысль — не глумится-ли надъ нимъ этотъ мальчишка. Развязный тонъ и слишкомъ большая самоувѣренность пришлись не по душѣ старому солдату.

Съ этой минуты онъ внимательнѣе сталъ слѣдить за представителемъ своего рода, и за ужиномъ былъ снова пораженъ выходкою Савиньяна.

Ради пріѣзда сына—въ этотъ день были заказаны его любимыя блюда. Старикъ Жоэль досталъ изъ погреба лучшее вино, которое, между прочимъ, Савиньянъ оцѣнилъ по достоинству. Когда-же провозгласили тостъ за короля,—юноша рѣзко замѣтилъ:

— Ничего не имѣю противъ, но за здоровье котораго именно короля вы пьете?

— Какъ! — воскликнулъ сердито Жоэль,—да у Франціи одинъ только король!

— Нѣтъ, ихъ трое,—отвѣтилъ спокойно Савиньянъ:—Филиппъ, Викторъ и еще какой-то испанскій Бурбонъ. Въ общемъ за всѣхъ вмѣстѣ я не далъ бы пятидесяти сантимовъ.

— Не принадлежишь-ли ты къ партіи якобинцевъ?—спросилъ старикъ Луэссаръ.

— Боже избави!—воскликнулъ юноша,—общее равенство не лучше монархіи. Наша политика основана на томъ, чтобы власть сосредоточивалась въ рукахъ одного человѣка, ставшаго во главѣ правительства по своимъ личнымъ заслугамъ, а не по праву наслѣдія.

Жоэль, едва сдерживая свой гнѣвъ, съ досадою замѣтилъ:

— Вотъ къ чему ведетъ свобода! Нынѣшнее поколѣніе взяло себѣ за правило топтать все то, что было свято ихъ родителямъ.

— Это только доказываетъ прогрессъ,—пояснилъ небрежно Савиньянъ.—Еслибъ мы придерживались старины, то слѣдовало-бы и теперь еще жить въ пещерахъ и питаться кореньями.

— Замолчи, щенокъ! — закричалъ Жоэль.—Ты слишкомъ рано сталъ разсуждать, не стѣсняясь присутствіемъ старыхъ офицеровъ, и относишься безъ должнаго уваженія къ представителямъ арміи.

— О какой арміи вы говорите? — спросилъ снова Савиньянъ.—О той-ли, которая была при старомъ правительствѣ, или объ арміи Людовика-Филиппа? Есть еще нынѣшняя армія, гдѣ сильные и слабые, интеллигентные и неучи должны преклонять голову передъ начальствомъ и безропотно подчиняться распо-

ряженіямъ какого-нибудь выскочки-офицера... Но мы, новое поколѣніе, не собираемся служить въ ней.

— Прекрасно,—замѣтилъ съ грустью Германъ,—слѣдовательно вашъ девизъ: ни Бога, ни начальства?

— Наоборотъ, у насъ много боговъ. Всякій, кто выше простого смертнаго—является нашимъ руководителемъ, нашимъ добрымъ геніемъ. Прочтите Ницше, и вамъ станетъ ясно наше новое ученіе.

— Я не знакомъ съ этимъ типомъ,—сказалъ старикъ,—и не желаю читать его произведеній. Но повторяю тебѣ еще разъ, чтобы ты относился съ большимъ почтеніемъ къ арміи, которая высоко держитъ знамя и вѣрно служитъ своему отечеству.

Говоря это, Жоэль вышелъ изъ-за стола, а за нимъ послѣдовали остальные.

Когда Савиньянъ остался одинъ въ своей бывшей спальнѣ, онъ мысленно перебралъ всѣ впечатлѣнія пережитаго дня и рѣшилъ, что былъ нѣсколько рѣзокъ въ спорѣ съ дѣдомъ и отцомъ.

«Эти люди положительно отстали отъ вѣка, — подумалъ онъ,—но пока я завишу отъ нихъ,—надо быть осмотрительнѣе и уступать имъ, смотря по обстоятельствамъ».

II.

— Здравствуй, парижанинъ! — привѣтствовалъ Вильмье входящаго Савиньяна. — Однако, пребываніе въ столицѣ принесло тебѣ пользу: ты очень возмужалъ и похорошѣлъ! Вѣроятно, имѣешь много интереснаго разсказать мнѣ про Парижъ; но пока присядь и кушай, не церемонясь.

Савиньянъ подсѣлъ къ столу, хотя и заявилъ, что не голоденъ. Дѣвушки, прислуживавшія до этого доктору, съ такимъ удивленіемъ засмотрѣлись на элегантнаго юношу, что забыли даже на время о своихъ обязанностяхъ.

— Эй вы, чего стоите, разинувъ ротъ!—обратился къ нимъ Вильмье,—принесите поскорѣе второй приборъ и подавайте обѣдъ.

— Онорина больше не у васъ?—спросилъ тихо Луэссаръ.

— Нѣтъ, она состарилась и уѣхала на родину; я пріютилъ у себя въ домѣ ея молоденькихъ племянницъ.

Савиньянъ улыбнулся при этихъ словахъ.

— Пожалуйста, не выводи по этому поводу неумѣстныхъ заключеній,—сказалъ докторъ.—Въ мои годы женщины уже не существуютъ; но я ничуть не скрываю, что пріятнѣе видѣть передъ собою красивыя, молодыя лица, нежели разслабленную старуху.

Затѣмъ докторъ сталъ разспрашивать юношу про жизнь въ Мальпертьи, про его отношенія съ дѣдомъ и отцомъ.

— Я слыхалъ, что старики обрадовались твоему пріѣзду,— замѣтилъ онъ,—и ласково приняли тебя.

— Болѣе или менѣе, — отвѣтилъ Савиньянъ, — но жаль, что мы не сходимся въ убѣжденіяхъ. Оказывается, что я даже испугалъ ихъ своими смѣлыми взглядами на политику.

— Напрасно,—сказалъ Вильмье,—они достойные люди и тебѣ слѣдуетъ уважать семейные принципы, хотя-бы ты и считалъ ихъ отсталыми.

— Я старался быть сдержаннымъ,—отвѣтилъ Савиньянъ,— но не могу-же не отстаивать того, что считаю правымъ.

— Въ твои годы всѣ такъ разсуждаютъ, но намъ, старымъ людямъ, дороги наши взгляды: мы настолько сжились съ ними, что становится больно отъ всякаго неосторожнаго къ нимъ прикосновенія; а ты немного экзальтированъ и не хочешь понять этого.

— Я экзальтированъ!—воскликнулъ обиженно Луэссаръ,— но знаете-ли вы, что наше молодое поколѣніе не терпитъ заблужденій; мы смотримъ на жизнь здраво и смѣемся надъ несбыточными мечтами.

— Тѣмъ хуже,—возразилъ докторъ,—въ дни нашей молодости мы, наоборотъ, увлекались всѣмъ, что казалось благороднымъ и достойнымъ нашего вниманія. Увѣряю тебя, что жизнь сама по себѣ настолько прозаична, что человѣку необходима нѣкоторая иллюзія—иначе и не стоитъ существовать.

— Надо имѣть смѣлость смотрѣть прямо въ глаза дѣй-

ствительности, — сказалъ съ паѳосомъ Савиньянъ. — Я, напримѣръ, держусь мнѣнія, что будущность принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые на всегда отрѣшились отъ мечтаній и живутъ одной грубой истиной...

Между тѣмъ, обѣдъ подходилъ къ концу; Вильмье и Луэссаръ перешли въ кабинетъ, куда подали кофе, и докторъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Насколько я помню, — сказалъ онъ, — ты уѣзжалъ въ Парижъ полный иллюзій; сбылись-ли хотя нѣкоторые изъ твоихъ плановъ? Или грубая дѣйствительность, какъ ты выражаешься, наложила на все свою печать?

— Я имѣю многое въ виду, — отвѣтилъ юноша, — а пока работаю, стараюсь развивать себя и ищу полезныхъ связей.

— А какъ относительно развлеченій?—спросилъ Вильмье,— неужели въ твои годы мыслимо цѣлые дни проводить за книгой, жить безъ любви и ласки. Или послѣднее не входитъ въ вашу программу.

— Наоборотъ, мы пользуемся удовольствіями и беремъ отъ жизни все, что она способна намъ дать. Но женщина не должна играть въ нашемъ существованіи первенствующей роли, иначе все дѣло будетъ испорчено. На встрѣчи съ этими существами мы смотримъ, какъ на мимолетное увлеченіе. Я, напримѣръ, отрицаю любовь, нахожу, что это—выдумка поэтовъ и самообманъ, который нуженъ для прикрытія человѣческихъ страстей.

— Несчастный! — воскликнулъ Вильмье,—въ такомъ случаѣ я отъ души жалѣю тебя и твоихъ товарищей: вѣдь вы отжили раньше времени, намѣренно тушите священный огонь, который данъ намъ самимъ Богомъ! Если всему этому учитъ васъ современная наука, — благодарю покорно; я отказываюсь отъ нея. Въ твои годы я также серьезно занимался, но это не мѣшало мнѣ любить. Скажу больше,—сердце мое до сихъ поръ молодо и сохранило чувствительность, которою я горжусь. Ты разбираешь любовь въ теоріи,—а я испытывалъ ее чистую, далекую отъ всего земного, и это было еще недавно. Посмотри въ это окно: она шла оттуда на встрѣчу мнѣ, — молодая, пре-

красная, съ цвѣтами въ рукахъ. Я упивался ихъ ароматомъ и до сихъ поръ ощущаю его; они-то и даютъ мнѣ силу вѣрить и любить жизнь...

Вильмье замолкъ, но по выраженію его глазъ можно было видѣть, что онъ унесся всѣмъ своимъ существомъ въ далекое прошлое, воспоминанія о которомъ остались для него навсегда святыми.

Савиньянъ почувствовалъ себя въ свою очередь обезоруженнымъ и могъ только произнести:

— Докторъ, я не зналъ, что въ васъ столько поэзіи!

— Это дѣйствительность, другъ мой, и ты узнаешь ее со временемъ; на сегодня-же довольно; проповѣдь моя тебя достаточно утомила, а въ слѣдующій разъ мы возобновимъ этотъ разговоръ.

Савиньянъ воспользовался этимъ заявленіемъ и сталъ прощаться, говоря, что онъ собирается навѣстить священника.

— Какъ, ты идешь къ Нуартену? Вотъ тоже идеалистъ, но съ другими оттѣнками. Отъ него услышишь вторую проповѣдь, которая покажется поскучнѣе моей. Впрочемъ, на твое счастье, ты встрѣтишь тамъ Виталину, а она, въ противоположность брату, полна жизни, рѣзва и красива... Если не ошибаюсь—это твоя молочная сестра?

— Да, мы вмѣстѣ воспитывались въ Бельфонтенѣ.

— Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, ты отнесешься къ ней съ должнымъ уваженіемъ.

— Будьте покойны, докторъ. Но почему вы даете мнѣ это наставленіе?

— Потому, что твои теоріи относительно женщинъ не внушаютъ мнѣ довѣрія; ты смотришь на нихъ, какъ на предметъ роскоши и минутное развлеченіе. Виталина-же имѣетъ всѣ данныя, чтобы вселить серьезную любовь, и ты поступишь подло, если увлечешь ее.

— Я не сельскій Донъ-Жуанъ и не имѣю даже достаточно времени на ухаживаніе, а потому, повторяю, докторъ, вамъ незачѣмъ безпокоиться.

Тѣмъ не менѣе, когда Савиньянъ приближался къ дому священника, всѣ мысли его сосредоточились на дѣвушкѣ, которая, по словамъ Вильмье, являлась запретнымъ плодомъ.

Онъ вспомнилъ дѣтство въ Бельфонтенѣ, прогулки въ лѣсу, гдѣ они мечтали построить землянку, жизнь вдвоемъ, свое бѣгство изъ родного дома—и все это показалось ему теперь такимъ наивнымъ, что Савиньянъ невольно усмѣхнулся и произнесъ вслухъ:

— Лично я далекъ отъ нашихъ воздушныхъ замковъ, но интересно знать, измѣнилась-ли Виталина, и какое впечатлѣніе произведетъ на нее мой пріѣздъ.

Онъ подходилъ уже къ дому Нуартена, ничѣмъ не отличавшемуся отъ остальныхъ крестьянскихъ избъ; только небольшой садикъ отдѣлялъ домикъ священника отъ проѣзжей дороги.

Луэссаръ постучался въ дверь. Видя, что никто ему не открываетъ, онъ слегка толкнулъ ее и вошелъ никѣмъ не замѣченный въ низкую комнату, которая, очевидно, служила пріемной и библіотекой: на полкахъ разставлены были книги. Возлѣ стола стояла дѣвушка, занятая цвѣтами, которыми она наполняла фарфоровыя вазы. Она такъ углубилась въ свое дѣло, что не посмотрѣла даже на вошедшаго гостя, а только спросила его:

— Вы желаете видѣть брата? Сейчасъ онъ въ церкви, но долженъ скоро вернуться домой.

Затѣмъ Виталина подняла голову и вскрикнула отъ удивленія:

— Боже мой, да это Савиньянъ Луэссаръ!

— Совершенно вѣрно... А я имѣю удовольствіе говорить съ m-lle Нуартенъ?

Вмѣсто отвѣта, Виталина подошла къ окну, открыла ставни, и при ворвавшемся свѣтѣ Савиньянъ увидѣлъ предъ собою свою молочную сестру. Она теперь превратилась въ красивую, цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку. Его особенно поразили ея темно-каріе глаза и свѣтлые вьющіеся волосы, переливавшіеся золотыми отливами при блескѣ солнца.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Виталина, — братъ не заставитъ васъ ждать... Но какъ вы измѣнились, — прибавила дѣвушка,—я узнала васъ только по голосу.

— А вы возмужали,—замѣтилъ Савиньянъ,—и я застаю васъ въ полномъ расцвѣтѣ красоты и силы.

Слова эти заставили покраснѣть Виталину и чтобы скрыть смущеніе, она еще ниже наклонилась къ цвѣтамъ.

— Вы разрѣшите мнѣ докончить работу,—произнесла она тихимъ голосомъ, — наступаетъ праздникъ поклоненія Богоматери, и эти розы назначены на украшеніе Ея алтаря.

— Вы, должно-быть, часто посѣщаете церковь,—спросилъ Савиньянъ,—и ведете замкнутую жизнь?

— Да, послѣ смерти родителей я поселилась у брата въ отдаленномъ приходѣ и очень тосковала по родинѣ; теперь-же насъ перевели въ Аргонны,—и я снова чувствую себя счастливой. Братъ ласковъ со мною, снисходителенъ и старается замѣнить мнѣ отца.

— Бываете-ли вы когда-нибудь въ Бельфонтенѣ? — спросилъ снова Савиньянъ.

— Рѣже, нежели-бы хотѣлось: на мнѣ лежитъ все хозяйство и неудобно покидать домъ. Но когда случается свободное время,—я иду въ лѣсъ, къ нашему прежнему жилищу, и провожу тамъ по нѣскольку часовъ, вспоминая прошлое.

— Да, это мѣсто было нашимъ земнымъ раемъ,—сказалъ Савиньянъ.—А помните-ли вы дорогу, по которой мы обыкновенно возвращались изъ школы, и всѣ эти мѣста, гдѣ мы проводили лучшее время нашего дѣтства?.. Намъ слѣдовало-бы навѣстить ихъ вмѣстѣ.

Виталина покраснѣла и отвѣтила:

— Теперь это немыслимо: мой братъ не разрѣшитъ подобной прогулки. Онъ запрещаетъ дѣвушкамъ ходить вмѣстѣ съ молодыми людьми и тѣмъ болѣе мнѣ, которая должна служить примѣромъ другимъ.

— Конечно, вы правы... я забываю, что мы не въ Парижѣ, а въ провинціи, гдѣ все основано на людскомъ мнѣніи.

— Но развѣ въ столицѣ дѣвушки ведутъ себя иначе? — спросила удивленно Виталина.

— Гораздо свободнѣе...—отвѣтилъ Савиньянъ, и не успѣлъ кончить фразы, какъ въ саду раздались шаги священника, а нѣсколько минутъ спустя, Паскаль входилъ уже въ комнату.

Замѣтя, что сестра бесѣдуетъ съ молодымъ человѣкомъ, онъ окинулъ обоихъ недовольнымъ взоромъ; затѣмъ, вглядѣвшись пристальнѣе, радостно воскликнулъ:

— Господинъ Луэссаръ, какъ я радъ видѣть васъ! Простите, что заставилъ ждать; но сегодня было много исповѣдниковъ и, къ стыду своему, долженъ сознаться, что я даже слегка утомился. Но какъ вы поживаете? Надолго-ли пріѣхали?

— Думалъ остаться недѣли двѣ, — отвѣтилъ Савиньянъ, глядя многозначительно на Виталину, — но если понравится — продолжу свой отпускъ.

— И вы правы, — деревенскій воздухъ благотворно дѣйствуетъ на организмъ, а вамъ, послѣ жизни въ столицѣ, слѣдуетъ отдохнуть.

Дѣвушка въ это время вышла изъ комнаты, чтобы принести брату молоко. Паскаль крикнулъ ей вслѣдъ:

— Позаботься также о гостѣ... сегодня очень жарко, и господинъ Луэссаръ желаетъ, вѣроятно, выпить чего-нибудь прохладительнаго.

— Благодарю васъ, — сказалъ Савиньянъ, — я только-что завтракалъ у доктора Вильмье.

— Вы были у доктора? — повторилъ священникъ, — какой это чудный человѣкъ! одно лишь горе—онъ отрицаетъ Господа Бога. Хотя я долженъ замѣтить, что подобные атеисты склонны къ самымъ невѣроятнымъ поступкамъ и, пожалуй, даже ненависть лучше равнодушія. Святой Павелъ, напримѣръ, былъ ярымъ преслѣдователемъ Христа, и все-же увѣровалъ и нашелъ свое спасеніе. Надѣюсь, что и доктору Вильмье Господь укажетъ со-временемъ дорогу въ Дамаскъ!.. А вы, господинъ Луэссаръ, принадлежите къ числу вѣрующихъ?

— Хотѣлось-бы, но наше поколѣніе привыкло разсуждать

и добиваться истины путемъ анализа, что отчасти ослабляетъ вѣру. Во всякомъ случаѣ, я не противникъ церкви и уважаю нѣкоторые ея догматы.

Священникъ съ грустью слушалъ сужденія юноши, а Савиньянъ, почувствовавъ неловкость своего положенія, перемѣнилъ разговоръ и, указывая на книги, спросилъ:

— У васъ, кажется, хорошая библіотека?

— Для васъ она не можетъ представлять никакого интереса, — замѣтилъ Паскаль: — всѣ эти книги исключительно духовнаго содержанія, труды отцовъ церкви и тому подобное.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Луэссаръ,—я давно жажду познакомиться съ греческими мудрецами: съ Климентомъ Александрійскимъ, святымъ Василіемъ, Григоріемъ Богословомъ и другими, и убѣдительно прошу васъ одолжить мнѣ эти книги.

Говоря это, Савиньянъ вспомнилъ о диспутахъ ихъ кружка, гдѣ большинство, какъ послѣдователи Толстого, отрицали догматы: изучивъ эти сочиненія, онъ могъ-бы поразить товарищей новыми знаніями.

«Кромѣ того,—подумалъ онъ,—посѣщеніе библіотеки дастъ мнѣ возможность чаще видѣться съ Виталиной».

Паскаль былъ далекъ отъ грѣховныхъ помысловъ Савиньяна, и въ его заявленіи познакомиться съ святымъ писаніемъ— увидѣлъ какъ-бы Божій промыселъ, у него зародилась надежда спасти еще одну заблудшую душу и онъ радостно сказалъ:

— Моя библіотека къ вашимъ услугамъ, прошу располагать ею, когда пожелаете.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ сегодня-же взять «Апологіи святого Юстиніана».

Виталина вручила Луэссару названную книгу, а онъ, въ свою очередь, предложилъ священнику познакомиться съ новыми произведеніями, привезенными имъ изъ Парижа. Савиньянъ назвалъ, между прочими, Толстого.

— Но что это за писатель?—спросилъ Паскаль,—мнѣ не приходилось раньше слышать этого имени.

— Толстой—геній и лучшій русскій писатель.

— Онъ изъ раскольниковъ? — спросилъ снова священникъ.

— Нѣтъ, это мыслитель-христіанинъ, который жаждетъ возстановить ученіе Спасителя во всей чистотѣ и силѣ.

— Но свѣтскіе люди не должны браться за толкованіе догматовъ,—замѣтилъ робко Паскаль.

Затѣмъ, чтобы перемѣнить непріятный для него разговоръ, онъ справился у Савиньяна, какъ поживаютъ его родные и просилъ передать имъ свой привѣтъ.

— Благодарю васъ, всѣ здоровы, хотя дѣдъ замѣтно старѣетъ... Кстати, они поручили мнѣ позвать васъ съ сестрою къ завтраку въ будущій понедѣльникъ.

Раньше, нежели дать отвѣтъ, Паскаль подошелъ къ календарю и прочелъ вслухъ:

— Понедѣльникъ 7-е мая... Да, мы свободны,—прибавилъ онъ,—и придемъ къ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, до скораго свиданія,—сказалъ Луэссалъ, пожимая руку священнику и Виталинѣ, и вышелъ на улицу.

III.

7-го мая Нуартенъ, по окончаніи службы, вмѣстѣ съ сестрой отправился въ Мальпертьи, гдѣ они встрѣтились съ докторомъ: послѣдній былъ также изъ числа приглашенныхъ.

До этого Савиньянъ уже раза два имѣлъ случай видѣться съ Виталиной. Сначала очень сдержанная, она,—по мѣрѣ того, какъ они встрѣчались,—становилась все развязнѣе и перешла, наконецъ, на прежнія дружескія отношенія. Со стороны дѣвушки это было самое искреннее влеченіе, тогда какъ въ душу Савиньяна закрались грѣховные помыслы. Онъ не могъ смотрѣть на свою подругу дѣтства, чтобы не подумать сколько прелести представляетъ все ея существо и какое счастье выпадетъ на долю того человѣка, который будетъ обладать ею.

Въ названный день онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ гостей.

Когда всѣ сидѣли за завтракомъ, докторъ Вильмье не упу-

стилъ, конечно, случая подразнить священника и, наполняя стаканъ виномъ, сказалъ:

— Сегодня мнѣ пришлось исполнить ваши обязанности, такъ какъ я соединилъ узами брака двухъ влюбленныхъ.

— Очень возможно,—отвѣчалъ Паскаль,—но надѣюсь, что отъ васъ они поѣхали въ церковь, чтобы получить ея благословеніе.

— Не думаю, такъ какъ бракъ ихъ смѣшанный: молодой—католикъ, а она—протестантка.

— Въ подобныхъ случаяхъ,—замѣтилъ священникъ,—надо испрашивать разрѣшеніе.

— Да, но здѣсь время не терпитъ,—отвѣчалъ Вильмье.—Дѣвушка пришла ко мнѣ, прося защиты: она была увлечена нѣкіимъ господиномъ Аншереномъ и должна скоро сдѣлаться матерью. Я разыскалъ виновнаго и повелъ дѣло съ такой энергіею, что ея соблазнитель согласился жениться.

— Я знаю Аншерена,—сказалъ Германъ,—отецъ его работаетъ на стеклянномъ заводѣ въ Бельфонтенѣ.

— Они принадлежатъ къ хорошей семьѣ, — замѣтилъ Жоэль,—и этотъ бракъ отчасти удивляетъ меня: въ наше время дворяне не женились на крестьянкахъ.

— Но виновный долженъ-же отвѣчать за свои поступки!—воскликнулъ съ негодованіемъ Вильмье.

— До извѣстной степени, — возразилъ снова Жоэль,—достаточно было-бы дать дѣвушкѣ небольшую сумму денегъ и въ продолженіе года платить за воспитаніе ребенка.

— Конечно, — согласился Германъ,—въ наше время дворяне должны отстаивать свои права, а неравный бракъ всегда внушалъ мнѣ отвращеніе.

— Однако, у васъ своеобразные взгляды на нравственность,—сказалъ Вильмье и, обратясь къ священнику, спросилъ его мнѣніе.

— Я, какъ пастырь, долженъ сказать, что всѣ люди равны передъ Богомъ, но это не мѣшаетъ мнѣ уважать традиціи и общество. Сама церковь отдаетъ предпочтеніе ребенку, рожден-

ному въ бракѣ, а законъ тѣмъ болѣе исключаетъ внѣбрачныхъ дѣтей.

— Вотъ вамъ и сужденіе духовнаго отца, — замѣтилъ Вильмье, — послѣ этого мнѣ не у кого больше искать поддержки!

— Вы ошибаетесь, — вмѣшался Савиньянъ, — я не только раздѣляю ваше мнѣніе, но иду дальше и нахожу, что различіе между законными и незаконными дѣтьми—чистѣйшій абсурдъ. Кто можетъ доказать, что первые родились отъ мужей, и на какомъ основаніи вы даете имъ всѣ привилегіи, а другихъ лишаете необходимаго? Наконецъ, по какому праву на незаконныхъ возлагаются пошлины и ихъ заставляютъ отбывать воинскую повинность!

— Замолчи, мальчишка!—закричалъ Жоэль,—твои разсужденія ни къ чему не ведутъ; ты срамишь только свою семью, которая не привыкла разбирать дѣйствія правительства и законы; ты слишкомъ рано задумалъ мѣнять весь строй государства.

— Я говорю истину, — замѣтилъ Савиньянъ, — а ваши взгляды на общество — одни лишь предразсудки и ведутъ свое начало отъ среднихъ вѣковъ. Это прежнее варварство и безнравственность.

— Другъ мой, успокойтесь,—остановилъ его священникъ, —вы забываете, что передъ вами сидитъ дѣвушка.

Дѣйствительно, Виталина жадно вслушивалась въ слова юноши и восторгалась смѣлостью его сужденій. Сама дочь крестьянки—она радовалась, что Савиньянъ не признаетъ различія званій.

На остальныхъ-же выходка юноши произвела непріятное впечатлѣніе. Старикъ Жоэль пересталъ даже ѣсть, Германъ въ душѣ сердился на сына, а Вильмье сожалѣлъ, что затѣялъ этотъ разговоръ. Чтобы загладить свою ошибку, онъ обратился къ старику Луэссару:

— Какое у васъ чудное вино! оно, должно-быть, очень старое?

— Да, но и теперь мы ждемъ хорошаго урожая винограда: погода способствуетъ этому.

— Время стоитъ чудное, — сказалъ Паскаль, — если такъ будетъ продолжаться, — наше майское паломничество въ Санъ-Руанъ удастся какъ нельзя лучше.

— Санъ-Руанъ, — повторилъ Савиньянъ, глядя на Виталину, — съ нимъ также связано много воспоминаній. Но мнѣ казалось, что процессія отправляется туда въ сентябрѣ.

— Сентябрскіе праздники не отмѣнены, — замѣтилъ Паскаль,—но помимо ихъ совершается еще процессія въ маѣ, которая на этотъ разъ будетъ особенно торжественной, такъ какъ въ ней приметъ участіе его преосвященство епископъ вердюнскій и скажетъ слово въ честь святого Руана.

— А чѣмъ замѣчателенъ этотъ святой?—спросилъ Вильмье.

— Какъ, вы живете здѣсь тридцать лѣтъ и не слышали про святого Руана! Да онъ былъ первымъ апостоломъ въ Аргоннахъ; основалъ аббатство въ Больё, а на старости лѣтъ удалился въ пустыню Боневаль. Благодаря ему, мы обладаемъ мощами святого Маврикія, которыя находятся...

— Простите,—перебилъ его докторъ,—но я слышалъ, что вашъ святой похитилъ эти мощи изъ какого-то монастыря, подкупивъ при этомъ сторожа большой суммою денегъ.

— То-есть, онъ сумѣлъ убѣдить настоятеля уступить ему мощи,—замѣтилъ, краснѣя, Паскаль,—но вообще по этому поводу не слѣдуетъ спорить, такъ какъ мы не имѣемъ точныхъ данныхъ...

— А я повторяю вамъ,—сказалъ докторъ,—что по нынѣшнимъ законамъ вашего пустынника сослали-бы за воровство на каторгу.

— Во всякомъ случаѣ,—возразилъ Паскаль,—это похищеніе, какъ вы выражаетесь, совершено изъ религіознаго убѣжденія.

Продолжая споръ, общество перешло въ другую комнату, а молодежь вышла въ садъ, при чемъ Савиньянъ приблизился къ Виталинѣ и спросилъ ее:

— Вы также собираетесь принять участіе въ процессіи?

— Конечно, я пойду со всѣми своими подругами... а вы?

— Непремѣнно, такъ какъ это будетъ случай лишній разъ васъ видѣть.

При этомъ Луэссаръ съ такимъ выраженіемъ посмотрѣлъ на свою молочную сестру, что она опустила голову и ничего уже не отвѣчала.

Въ праздникъ Духова дня погода стояла превосходная и желающихъ принять участіе въ процессіи оказалось очень много.

Женщины, дѣти и молодые люди шли группами по направленію къ прежней обители Санъ-Руана; по большой-же дорогѣ ѣхали экипажи, украшенные цвѣтами и зеленью.

Наскоро позавтракавъ, Савиньянъ рѣшилъ также присоединиться къ молящимся, и какъ-только раздался благовѣстъ колокола, — онъ почти бѣгомъ пустился по кратчайшимъ тропинкамъ. Пришлось пересѣкать лѣсъ, который въ это время года находился во всей своей красотѣ. Деревья покрылись богатой листвой, съ полей несся ароматъ свѣжей зелени, а вдали слышалось журчаніе ручейка и пѣніе птицъ.

Савиньянъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа: ему удалось, наконецъ, получить деньги отъ отца, и онъ строилъ уже планы о своемъ возвращеніи въ столицу; но передъ этимъ рѣшилъ непремѣнно повидать Виталину и если не вполнѣ достичь своей цѣли, то по крайней мѣрѣ дать ей понять, что онъ имѣетъ на нее нѣкоторые виды.

Луэссаръ дошелъ до такого нравственнаго паденія, что, думая о своей молочной сестрѣ, онъ произнесъ даже вслухъ:

— Я перестану уважать себя, если упущу эту дѣвушку!

Между тѣмъ онъ приблизился уже къ источнику, который считался чудотворнымъ, и гдѣ должна была совершаться служба.

Священникъ внятнымъ голосомъ читалъ молитвы; пѣвчіе стройно пѣли; въ воздухѣ слышался запахъ ладана, и всѣ присутствующіе прониклись величіемъ этой минуты.

Большинство молящихся составляли, главнымъ образомъ, женщины и дѣти, которыя, несмотря на утомленіе и сильную жару, стояли съ непокрытыми головами; только для болѣе пожилыхъ принесены были откуда-то стулья. Все собраніе, казалось, вознеслось всецѣло къ Господу.

Одинъ Савиньянъ далеко не гармонировалъ со всей этой толпой. Онъ пришелъ туда, чтобы объясниться съ Виталиной, и, завидя ее среди молодежи, направился къ ней. Дѣвушка точно предчувствовала что-то недоброе; она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ Савиньяна, и продолжала молиться. Послѣдній подошелъ еще ближе и, не стѣсняясь присутствующими, сталъ говорить ей о своей любви, что привело Виталину въ крайнее смущеніе.

Послѣ чтенія Евангелія, — толпа заволновалась; каждый старался подойти поближе къ возвышенію, на которомъ стоялъ прелатъ и благословлялъ молящихся.

Вся эта масса представляла собою какое-то волшебное зрѣлище; пестрыя платья прихожанъ переливались самыми разнообразными цвѣтами, а одѣяніе духовенства особенно выдѣлялось при блескѣ солнца.

Но вотъ проповѣдь окончилась; пѣвчіе снова запѣли, и процессія въ прежнемъ порядкѣ двинулась въ обратный путь.

Когда они достигли часовни, прелатъ еще разъ благословилъ толпу, а Савиньянъ отошелъ въ сторону, чтобы лучше слѣдить за Виталиной, которая, не спѣша, снимала съ себя голубыя ленты и разговаривала съ подругами.

Въ это время Савиньянъ услышалъ голосъ Паскаля Нуартена.

— Вы также участвовали въ процессіи? — спросилъ онъ юношу.—Неправда-ли, служба была торжественная, и его преосвященство прекрасно сказалъ проповѣдь? Кстати, не видѣли-ли вы моей сестры, я не могу найти ее среди толпы.

Савиньянъ указалъ священнику мѣсто, гдѣ стояли дѣвушки, и они вмѣстѣ направились туда.

— Другъ мой, — обратился Паскаль къ Виталинѣ, — меня

приглашаютъ принять участіе въ обѣдѣ, который даютъ въ честь его преосвященства; конечно, приходится согласиться, и, чтобы не терять времени, я прямо направлюсь въ Фюто, гдѣ должно собраться все остальное духовенство; тебѣ-же не слѣдуетъ возвращаться одной, такъ какъ сегодня слишкомъ много посторонняго народа, и я попросилъ-бы господина Луэссара проводить тебя до дому.

Говоря это, онъ пожалъ юношѣ руку и удалился, а Виталина молча направилась къ большой дорогѣ.

— Не лучше-ли намъ идти по тропинкамъ?—сказалъ вдругъ Луэссаръ,—тамъ больше тѣни, и мы скорѣе минуемъ толпу.

— Вы правы, тамъ и дорога короче,—замѣтила дѣвушка, и они повернули въ сторону.

Тропинка оказалась настолько узкой, что Виталинѣ пришлось идти одной впередъ, а Савиньянъ, слѣдовавшій за нею издали, невольно любовался ея граціозной походкой и изящнымъ станомъ.

— Виталина! — обратился онъ къ ней вкрадчивымъ голосомъ,—сегодня день похожденій; отчего-бы намъ не заглянуть въ сторожку, которая была когда-то нашимъ любимымъ мѣстопребываніемъ? Если не ошибаюсь,—эта дорога ведетъ въ лѣсъ.

Дѣвушка вздрогнула при этихъ словахъ: они служили какъ-бы отголоскомъ ея собственныхъ мыслей. Ей также хотѣлось продлить прогулку, но она не рѣшилась-бы первая высказать своего желанія. Теперь-же обстоятельства слагались въ ея пользу, и Виталина спросила только, не дастъ-ли эта прогулка повода къ излишнимъ пересудамъ.

— Найдутся люди,—сказала она,—которые захотятъ, пожалуй, обвинить насъ передъ братомъ!

— Сегодня некого опасаться, — возразилъ Савиньянъ, — каждый занятъ своимъ дѣломъ; а что касается вашего брата,— его навѣрное задержатъ на обѣдѣ, и вы вернетесь одновременно съ нимъ домой.

Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ дѣвушкѣ не поддаваться увѣщаніямъ Савиньяна, — но молодость брала свое,

Весь этотъ лѣтній день, близость природы, ароматъ зелени и цвѣтовъ подѣйствовали на нее обаятельно... Не въ силахъ владѣть собой, она сказала:

— Я согласна посѣтить наше любимое мѣсто прогулки, но надѣюсь, что мое отсутствіе не продолжится болѣе часа; иначе мы оба рискуемъ навлечь на себя гнѣвъ брата.

Савиньянъ ничего не отвѣчалъ, и они пошли по направленію фонтана Жоржетъ.

Сама природа, казалось, покровительствовала влюбленнымъ: птицы радостно щебетали, вдали слышалось журчанье ручейка, и ни одной посторонней души, которая могла-бы встрѣтиться имъ и нарушить ихъ любовное настроеніе.

Углубляясь въ чащу лѣса, они набрели, наконецъ, на шалашъ, сплетенный, вѣроятно, наскоро какимъ-нибудь лѣсничимъ во время рубки деревьевъ. Теперь-же онъ стоялъ заброшенный съ открытымъ входомъ, какъ-бы приглашая войти туда.

Савиньянъ взялъ за руку свою подругу, и они опустились на траву, при чемъ молодой человѣкъ понялъ, что онъ далеко не такъ хладнокровенъ, какъ ему казалось раньше... Присутствіе этой очаровательной дѣвушки начинало кружить ему голову.

— Лилинь,—произнесъ онъ робкимъ голосомъ,—какъ здѣсь хорошо! Помните-ли вы время, когда мы мечтали построить свой шалашъ и жить вмѣстѣ? Теперь судьба снова свела насъ, я могу наконецъ сказать, что люблю васъ больше всего на свѣтѣ, хочу принадлежать вамъ и жду только вашей взаимности...

При этомъ онъ вдругъ приблизился къ своей молочной сестрѣ и покрылъ ее такими горячими поцѣлуями, что чистая и наивная дѣвушка, подъ обаяніемъ этой ласки, безсознательно отдалась ему...

Савиньянъ первый пришелъ въ себя и понялъ весь ужасъ происшедшаго.

— Лилинь,—шепталъ онъ, стоя передъ ней на колѣняхъ, —прости меня, прости!

Виталина при этихъ словахъ въ свою очередь какъ-бы пробудилась отъ тяжелаго сна; она поднялась съ травы, провела рукой по своимъ волосамъ и вскрикнула надрывающимъ душу голосомъ:

— Уйдите, уйдите! я не хочу видѣть васъ. И да будетъ проклятъ тотъ день, когда вы переступили порогъ нашего дома!

— Лилинь, — сталъ молить Савиньянъ, — не гони меня, я люблю тебя и готовъ на все, ради твоего спокойствія.

— А я ненавижу васъ,—воскликнула дѣвушка и съ этими словами пустилась бѣжать.

Луэссаръ, постоявъ нѣкоторое время въ раздумьѣ, также направился къ дому.

Остатокъ совѣсти подсказывалъ ему, что онъ поступилъ безчестно, но вмѣстѣ съ этимъ ему стало также жаль самого себя и, во избѣжаніе непріятныхъ объясненій, онъ рѣшилъ на слѣдующій-же день уѣхать въ Парижъ.

IV.

Наступила осень съ ея непогодою, пасмурная и дождливая. Миновалъ ноябрь, а въ декабрѣ солнышко уже снова засвѣтило ярче. Въ странѣ почувствовалось оживленіе, и все населеніе Аргонна стало готовиться къ великому празднику Рождества Христова.

Паскаль Нуартенъ проводилъ теперь большую часть дня въ церкви, такъ какъ все это время, кромѣ службы, было много исповѣдниковъ. Приходъ-же его, находясь подъ вліяніемъ ревностнаго пастыря, отличался большимъ усердіемъ къ вѣрѣ, и въ особенности женщины чувствовали потребность очиститься передъ праздниками отъ грѣховъ своихъ и испросить у Господа благословеніе.

Въ этотъ декабрьскій день священникъ испытывалъ нѣкоторое утомленіе, но, не жалѣя своихъ силъ, онъ продолжалъ съ кротостью свои обязанности, давая однимъ добрые совѣты, другихъ утѣшая ласковымъ словомъ.

Когда всѣ молящіеся разошлись по домамъ, Паскаль преклонилъ колѣна передъ алтаремъ и вышелъ въ ризницу, чтобы въ свою очередь немного сосредоточиться и отдохнуть.

Священникъ чувствовалъ потребность общенія съ Господомъ и, несмотря на его природную скромность, на душѣ его было свѣтло и отрадно при мысли, что онъ умѣлъ вселить къ себѣ любовь и довѣріе своей паствы.

Приходъ его считался однимъ изъ лучшихъ въ странѣ; въ семьяхъ, которыя приходилось посѣщать Паскалю, царили миръ и согласіе, а въ его собственномъ домѣ шло все прекрасно.

«Обидно только, что послѣднее время Виталина стала жаловаться на нездоровье, — подумалъ священникъ, — нервы ея слегка разстроены, и расположеніе духа далеко не такое ровное, какъ прежде. Бѣдняжка! она лишена того душевнаго спокойствія, которое необходимо каждому изъ насъ. Къ несчастью, сестра не изъ числа дѣвушекъ, могущихъ забыть все земное и посвятить себя Христу: она мечтаетъ о замужествѣ, а это болѣе, чѣмъ прискорбно. У Виталины нѣтъ приданаго, и ей трудно пріискать жениха!»

— Теперь она, вѣроятно, въ Фюто на исповѣди,—сказалъ уже вслухъ Паскаль,—да вразумитъ и благословитъ ее Господь!

Онъ еще разъ преклонилъ колѣно и собирался уже покинуть церковь, но въ это время до слуха его донесся чей-то голосъ и вздохъ, полный грусти и страданія.

Паскаль пристальнѣе вглядѣлся и былъ пораженъ, увидѣвъ Виталину, простертую передъ Распятіемъ и горячо молящуюся.

— Что съ тобою, дитя мое,—обратился онъ къ ней,—какую скорбь таишь ты въ своей груди и почему ты здѣсь, а не въ Фюто, какъ предполагала?

— Я не была на исповѣди,—отвѣтила дѣвушка, рыдая,—Господь отвергнулъ меня!

— Не гнѣви Бога!—возразилъ строго священникъ,—а если чувствуешь потребность облегчить свою душу—слѣдуй за мной; мы побесѣдуемъ.

Они вошли въ помѣщеніе ризницы, гдѣ было уже темно; Паскаль зажегъ свѣчу и снова былъ пораженъ видомъ сестры, которая стояла, прислонясь къ шкапу, и едва переводила дыханіе.

— Что ты имѣешь сказать мнѣ? — спросилъ священникъ.

— Братъ мой, если-бъ ты зналъ, какъ я несчастна,—отвѣчала дѣвушка,—я должна скоро сдѣлаться матерью и не въ силахъ повѣрить своей тайны чужому лицу... Ты единственный близкій мнѣ человѣкъ, прости меня, если можно, и помоги моему горю...

Выслушавъ подобное признаніе, Паскаль съ ужасомъ отступилъ отъ сестры.

«За что Господь караетъ меня,—подумалъ онъ,—еще нѣсколько минутъ тому назадъ я былъ покоенъ и радовался всеобщему благополучію; теперь-же въ мою семью внесенъ позоръ и приходится винить одного себя: я не сумѣлъ уберечь и оградить сестру!»

Онъ обратился къ дѣвушкѣ и спросилъ ее:

— Съ кѣмъ ты встрѣчалась послѣднее время, и какимъ образомъ могло случиться съ тобой подобное несчастіе?

— Я часто видѣлась съ Савиньяномъ...

— Какъ! — воскликнулъ Паскаль, — этотъ двадцатидвухлѣтній юноша, твой молочный братъ...—и священникъ не окончилъ фразы, его душило негодованіе.

— Да, — повторила уже болѣе спокойно Виталина. — Помнишь, какъ во время праздника Пасхи ты разрѣшилъ Савиньяну пользоваться твоей библіотекой? Онъ приходилъ за книгами и, не заставая тебя дома, ласково бесѣдовалъ со мной... Я продолжала видѣть въ немъ друга дѣтства и относилась къ нему довѣрчиво... только изрѣдка меня смущалъ взглядъ его, въ которомъ свѣтилось что-то недоброе. Въ день процессіи въ честь святого Руана ты оставилъ насъ вдвоемъ, прося Савиньяна сопровождать меня домой; но мы не исполнили твоего приказанія и пошли въ Бельфонтенъ. По дорогѣ онъ нашептывалъ мнѣ нѣжныя рѣчи, говорилъ о своей любви... Я прониклась такимъ

невѣдомымъ для себя чувствомъ, что была уже не въ силахъ сопротивляться и отдалась ему...

— Безумная!—воскликнулъ Паскаль,—ты погубила свою душу и, вѣроятно, продолжала свои свиданія съ этимъ обольстителемъ!

— Ты ошибаешься, братъ: съ той поры я не видѣлась съ Савиньяномъ и, конечно, буду избѣгать встрѣчи съ нимъ... онъ внушилъ мнѣ отвращеніе не только къ самому себѣ, но и къ остальнымъ людямъ... Братъ, не отвергай меня, дай мнѣ утѣшеніе въ любви твоей и прости!

Дѣвушка упала на колѣни и съ мольбой во взорѣ простерла руки къ священнику. Онъ приказалъ ей встать.

— Теперь я не въ силахъ сказать тебѣ что-нибудь утѣшительное, — произнесъ онъ глухимъ голосомъ,—иди пока домой: я не хочу, чтобы ты принимала участіе въ церковныхъ Рождественскихъ празднествахъ... я объясню твое отсутствіе внезапной болѣзнью...

Виталина вышла, а братъ ея снова вернулся въ церковь. Ему предстояло еще длинное испытаніе. Надо было приготовиться къ проповѣди, которую онъ долженъ былъ сказать по случаю предстоящаго торжества. Между тѣмъ мысли его путались, въ душѣ происходило нѣчто ужасное... А внутренній голосъ какъ-бы укорялъ священника, что онъ слишкомъ рано возгордился своей дѣятельностью; придавалъ черезчуръ большое значеніе своему благотворному вліянію на прихожанъ, въ то время какъ не сумѣлъ усмотрѣть за своей-же родной сестрой...

«Теперь каждый имѣетъ право осудить меня, — подумалъ Паскаль,—Виталина опозорена, и нѣтъ возможности поправить дѣло: семья Луэссаровъ не разрѣшитъ единственному представителю ихъ рода жениться на простой крестьянкѣ...»

Священникъ вспомнилъ недавній споръ доктора съ Германомъ, когда послѣдній возмущался неравенствомъ браковъ.

А главное, какъ отнесется къ этому его преосвященство? Паскаль представлялъ уже себя подъ опалою начальства: впереди нищета, позоръ!..

Упавъ на колѣни, онъ сталъ въ свою очередь молить Господа о пощадѣ. Вдругъ онъ услышалъ звонъ колокола, возвѣщавшій начало службы. Церковь понемногу наполнилась народомъ, и только тогда Паскаль понялъ, что его призываютъ къ совершенію обязанностей.

Онъ быстро облачился и, все еще подъ впечатлѣніемъ пережитаго, вышелъ въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ на середину алтаря.

Наступилъ великій моментъ чтенія Евангелія. При словахъ: «Христосъ родился въ міръ» Паскаль почувствовалъ стѣсненіе въ груди, и голосъ его едва доносился до молящихся.

«Какъ!—подумалъ онъ снова,—на свѣтъ родился Младенецъ, и Его появленіе даруетъ спасеніе людямъ, а нашъ малютка принесетъ семьѣ одно лишь безчестье!»

Это былъ послѣдній вопль, вырвавшійся изъ устъ священника; затѣмъ его мысли словно прояснились, и онъ сказалъ себѣ:

«Однако, какое я имѣю право карать своего ближняго? Вѣдь плоть человѣческая немощна, и Самъ Господь проповѣдуетъ прощеніе слабымъ. Если Виталина и согрѣшила, то на меня падаетъ еще бо́льшая отвѣтственность: зачѣмъ оставлялъ я сестру безъ надзора и, недостаточно ознакомясь съ молодымъ человѣкомъ, ввелъ его въ нашъ домъ! Это все моя вина!»

Паскаль едва сдерживалъ рыданіе; но на душѣ его стало вдругъ свѣтло: милосердіе Господне посѣтило его.

V.

Однажды, послѣ ранней службы, Нуартенъ направился къ Вильмье. Утро было зимнее, хотя солнце ярко свѣтило, и Паскаль шелъ быстро, съ увѣренностью застать доктора уже вставшимъ.

Дѣйствительно, когда служанка доложила о приходѣ гостя, Вильмье допивалъ свой кофе. Онъ былъ далекъ, однако, отъ мысли увидѣть у себя въ такой часъ священника.

— Однако, вы изъ раннихъ посѣтителей, — воскликнулъ онъ,—чѣмъ могу служить?

— Докторъ, я душевно страдаю и хотѣлъ-бы поговорить съ вами наединѣ.

Посмотрѣвъ пристальнѣе на говорившаго, Вильмье понялъ, что въ этомъ человѣкѣ происходитъ какая-то борьба, и онъ почтительно попросилъ священника войти въ кабинетъ.

— Сядьте пожалуйста,—предложилъ онъ,—вы очень блѣдны. Не случилось-ли чего-нибудь недобраго съ Виталиной?

— На нее обрушилось большое несчастіе,—произнесъ едва слышно Паскаль,—но такъ какъ вы человѣкъ очень сердечный, —я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ, если вы обѣщаете, конечно, сохранить мою тайну...

Вмѣсто отвѣта, Вильмье подошелъ къ дверямъ, посмотрѣлъ въ прихожую и затѣмъ сказалъ:

— Я хотѣлъ сначала убѣдиться, не подслушиваютъ-ли насъ служанки, но на лѣстницѣ нѣтъ ни одной души, и вы можете смѣло говорить.

Паскаль разсказалъ о событіи, случившемся съ сестрой; о ея безвыходномъ положеніи и предстоящемъ позорѣ.

— Да, — проворчалъ докторъ, — Савиньянъ негодяй и дѣвушкѣ слѣдовало его избѣгать!

— Совѣтуете-ли вы обратиться къ его отцу? — спросилъ священникъ.

— Это ни къ чему не поведетъ,—замѣтилъ Вильмье,—мнѣ хорошо извѣстны взгляды Луэссара на женщинъ. Германъ предложитъ вамъ всякаго рода вознагражденіе, но никогда не разрѣшитъ своему сыну жениться на Виталинѣ. На самого-же Савиньяна еще меньше надежды, такъ какъ изъ всего видно, что онъ испорченъ до мозга костей, и если я хорошо понялъ васъ, — Савиньянъ безъ всякаго угрызенія совѣсти уѣхалъ въ Парижъ на другой-же день послѣ своего безчестнаго поступка.

— Боже мой, что мнѣ теперь дѣлать! — воскликнулъ Паскаль, уже не обращаясь къ доктору.

— Не падайте духомъ,—возразилъ послѣдній,—бываютъ

испытанія тяжелѣе вашего... Послушайтесь совѣта опытнаго человѣка и увезите немедленно сестру изъ Больё. Вамъ необходимо избѣгнуть скандала и держаться подальше отъ людскихъ пересудовъ.

— Но куда увезти ее?—спросилъ священникъ.—Мы одни на свѣтѣ, а главное—я не имѣю лишняго франка въ своемъ распоряженіи.

— Объ этомъ не сокрушайтесь: я одолжу вамъ нужную сумму... Я пріѣду навѣстить Виталину въ качествѣ паціентки и найду необходимымъ перемѣну климата. Затѣмъ вы отправите сестру въ Парижъ, гдѣ я берусь помѣстить ее въ спеціальное заведеніе. Что касается ребенка,—мы и о немъ позаботимся. Сначала отдадимъ малютку на воспитаніе въ деревню, а черезъ годъ я попрошу разрѣшенія взять его къ себѣ. Живя постоянно въ одиночествѣ, я давно чувствую потребность имѣть возлѣ себя живое существо, о которомъ могъ-бы заботиться, беречь и ласкать его... А какъ отнесутся посторонніе люди къ моему поступку,—для меня это совершенно безразлично. И такъ, не отчаивайтесь, дѣло уладится, и вы спокойно можете вернуться къ вашимъ обязанностямъ духовнаго пастыря.

— Докторъ, какъ я вамъ признателенъ!—воскликнулъ Паскаль, горячо пожимая его руку.—Вы поступили, какъ добрый самаритянинъ, вливъ масло въ мои раны, вы вернули мнѣ душевный покой, тогда какъ я терялъ уже надежду и позволилъ себѣ роптать на Господа.

— Вотъ и прекрасно, — сказалъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ Вильмье, — теперь, въ свою очередь, постарайтесь залѣчить раны несчастной женщины и отнеситесь къ ней съ такимъ-же милосердіемъ, какъ Христосъ отнесся къ грѣшницѣ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ началѣ весны 1886 года два событія нарушили на время мирное настроеніе жителей Больё и настолько возбудили ихъ любопытство, что все село пришло въ нѣкоторое волненіе.

Въ домѣ доктора появился двухгодовой ребенокъ, для котораго онъ отвелъ лучшую комнату, ухаживалъ за нимъ, какъ самая нѣжная мать, и все свободное время посвящалъ малюткѣ.

Событіе—дотолѣ неслыханное, а потому всѣ кумушки заговорили разомъ:

— Знаете-ли вы послѣднюю новость?

— Какую?

— У доктора появился ребенокъ.

— Какихъ лѣтъ?

— Не болѣе двухъ; рослый, здоровый мальчикъ, завитъ, какъ барашекъ, и красивъ, какъ Іоаннъ Креститель.

— Въ такомъ случаѣ, онъ не похожъ на отца!

— А вы думаете, что это его сынъ?

— Конечно, докторъ всегда былъ поклонникъ женскаго пола и имѣлъ въ своей жизни много романовъ.

Подобные разговоры происходили не только среди постороннихъ. Въ домѣ Вильмье появленіе ребенка произвело такое сильное впечатлѣніе, что обѣ служанки доктора, раскрывъ широко глаза, стояли другъ передъ другомъ, словно истуканы.

— Что съ вами? — крикнулъ на нихъ докторъ,—скоро-ли вы придете въ себя и примете человѣческій образъ? Въ настоящую минуту вы напоминаете двухъ ословъ. Можно подумать, что вы никогда не видали дѣтей. Мой-же мальчикъ особенно милъ, и я отъ души желаю вамъ имѣть подобнаго. А для начала приказываю вамъ обѣимъ заботиться о немъ, кормить самыми свѣжими яйцами и готовить ежедневно свѣжія котлеты; кушать онъ будетъ одновременно со мной и спать возлѣ меня.

Если-же васъ спросятъ, откуда явился малютка,—скажите, чтобы за свѣдѣніями обращались ко мнѣ, а вамъ достаточно знать, что мальчика зовутъ Ноэль, и я усыновилъ его.

Это длинное объясненіе не удовлетворило служанокъ; онѣ долго еще бесѣдовали въ кухнѣ по поводу происшедшаго событія, а по окончаніи работы нашли возможность по-очереди забѣжать къ сосѣдямъ и проболтали тамъ до вечера.

Прошло двѣ недѣли со дня водворенія Ноэля въ домѣ доктора. Толки мало-по-малу стали утихать, а затѣмъ все вниманіе жителей Больё было направлено на другого рода событіе.

Дѣло касалось Германа, который, попрежнему посѣщая вдову де-Ланевиль, окончательно влюбился въ нее и цѣлыми днями засиживался въ ея домѣ.

Однажды, послѣ долгаго отсутствія, онъ вернулся въ Мальпертьи крайне нервный и озабоченный. Жоэль, давно слѣдившій за сыномъ, встрѣтился съ нимъ въ этотъ день очень холодно и ждалъ только случая, чтобы вызвать его на объясненіе.

Отецъ и сынъ молча сѣли за обѣдъ, при чемъ Германъ буквально не дотронулся ни до одного блюда. Наконецъ, старикъ Луэссаръ не выдержалъ и спросилъ его:

— Что съ тобой? Пребываніе въ Вилотѣ лишило тебя аппетита, а какъ-разъ сегодня супъ и жаркое удались на-славу. Не произошло-ли какой-нибудь непріятности, или ты просто-напросто боленъ?

— Нѣтъ, я совершенно здоровъ и хотѣлъ-бы побесѣдовать съ вами,—произнесъ Германъ едва слышнымъ голосомъ,—но не знаю, съ чего начать!

— Это почему? въ твои годы не слѣдуетъ робѣть, да и я не такъ страшенъ, какъ тебѣ кажется.

— Конечно,—возразилъ Германъ,—въ моемъ возрастѣ полагается имѣть больше самоувѣренности, но дѣло въ томъ, что я влюбился и хочу теперь поговорить съ вами о моей будущности.

— Что-же,—сказалъ Жоэль, хитро улыбаясь,—всякое увле-

ченіе простительно. Мнѣ уже минуло семьдесятъ лѣтъ, но и я смущаюсь при видѣ красивой женщины.

— Рѣчь идетъ не о мимолетномъ капризѣ,—перебилъ его Германъ,—но о серьезной привязанности. Я долженъ предупредить васъ, что собираюсь жениться и хотѣлъ-бы узнать ваше мнѣніе.

При этихъ словахъ старикъ выронилъ изъ рукъ ложку и произнесъ какое-то проклятіе. Онъ далекъ былъ отъ мысли, что сынъ его повелъ дѣло съ такой энергіей и такъ легко обошелъ его, стараго воробья.

Жоэль рѣшилъ отомстить ему и, принявъ снова спокойный видъ, сѣлъ въ отдаленіи.

— Что съ вами, батюшка?—спросилъ его Германъ.

— Кофе слишкомъ горячій, я уронилъ ложку и обжегся... И такъ, ты собираешься жениться?—проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.—На мой взглядъ, вдовцы не должны вступать въ вторичный бракъ, а у тебя вдобавокъ взрослый сынъ, которому эта женитьба не придется по вкусу. Надо имѣть вѣскія причины, чтобы идти противъ всѣхъ этихъ препятствій. Повѣдай мнѣ ихъ.

— Причинъ много,—отвѣтилъ Германъ:—вы хорошо знаете, что послѣ смерти моей бѣдной жены я долго томился одиночествомъ. Савиньянъ, будучи ребенкомъ, не могъ наполнить моей жизни и къ тому-же его рано разлучили со мной. Вы, батюшка, были заняты своимъ дѣломъ, и мое существованіе казалось безцѣльнымъ. Тогда я сталъ искать привязанности внѣ дома и, познакомившись съ одной молодой женщиной, сразу почувствовалъ къ ней влеченіе. Между нами установились сначала дружескія отношенія, затѣмъ мы сошлись ближе; а теперь положеніе таково, что я считаю долгомъ жениться на ней.

— Прекрасно,—возразилъ Жоэль, все еще дѣлая видъ, что не понимаетъ о комъ идетъ рѣчь,—твое заявленіе настолько категорично, что я не въ силахъ измѣнить его, но назови, пожалуйста, имя этой благородной особы.

— Фамилія ея де-Ланевиль, она вдова бывшаго моего товарища по службѣ и принадлежитъ къ очень почтенной семьѣ.

— Какъ, — воскликнулъ отецъ, — ты женишься на сестрѣ дровяника, который, кромѣ того, пользуется еще дурной репутаціей? да это такой позоръ для семьи Луэссаровъ, что я, конечно, не дамъ согласія на подобный бракъ.

Германъ, потрясенный до глубины души заявленіемъ отца, замѣтилъ ему, что всѣ эти доводы недостаточно основательны, чтобы препятствовать его женитьбѣ, и онъ не намѣренъ отказываться отъ своего счастья.

— У меня есть еще другія причины, которыя должны-бы укротить твой пылъ, — сказалъ спокойно старикъ, — а именно: всѣ знаютъ, что эта женщина—авантюристка и провела уже многихъ въ своей жизни; теперь-же она напала на такого простака, какъ ты, и пользуется удобнымъ случаемъ; но меня ей не легко перехитрить!

— Батюшка, по какому праву вы оскорбляете ни въ чемъ неповинную госпожу де-Ланевиль?

— Я давно слѣжу за тобой,—отвѣтилъ старикъ,—и наводилъ справки о твоей возлюбленной: это крайне поверхностная особа, при этомъ расточительная и пользуется средствами брата. Она имѣла любовниковъ до замужества, во время и послѣ; теперь-же нашелся человѣкъ, желающій дать ей свое имя, и, конечно, очаровательная вдовушка съ радостью принимаетъ его; но знай, что я не допущу ея присутствія въ Мальпертьи, и пока твой отецъ живъ, — госпожа де-Ланевиль не переступитъ порога моего дома.

Послѣднее заявленіе возмутило Германа, и онъ, какъ всѣ скрытные люди, разъ высказавъ свое убѣжденіе, не хотѣлъ отступать отъ него; кромѣ того, увлеченіе его было настолько искренно, что онъ не имѣлъ уже силы разстаться со своимъ кумиромъ.

— Батюшка,—обратился онъ въ послѣдній разъ къ отцу, —я прошу васъ успокоиться и главное не говорить ничего обид-

наго про госпожу де-Ланевиль, такъ какъ завтра-же она будетъ моей женой, хотя-бы и помимо вашего согласія.

— Жениться ты, конечно, можешь, но я запрещаю вамъ въѣздъ въ Мальпертьи, а если явится необходимость,—прибѣгну даже къ суду.

— Вы затѣваете скандалъ, — замѣтилъ Германъ,—но надѣюсь, что черезъ нѣкоторое время нервы ваши успокоятся и вы будете иначе смотрѣть на вещи.

— Въ мои годы не мѣняютъ мнѣнія; а я такъ возмущенъ твоимъ поступкомъ, что прошу тебя немедленно оставить мой домъ.

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ Германъ, разставшись съ отцомъ, переѣхалъ въ Вилотъ, а черезъ недѣлю состоялась уже его свадьба со вдовой, въ присутствіи двухъ свидѣтелей и нотаріуса.

На другой день послѣдній явился къ старику Луэссару для переговоровъ, но его приняли недружелюбно, и Жоэль тотчасъ-же заявилъ, что не давалъ согласія на бракъ своего сына съ госпожею де-Ланевиль.

Савиньянъ, получивъ извѣщеніе о свадьбѣ, былъ въ свою очередь возмущенъ поступкомъ отца и придумывалъ всевозможныя причины, чтобы не покидать Парижа.

Прошло нѣкоторое время, а старикъ все еще не могъ успокоиться и ждалъ только случая, какъ-бы отомстить Герману.

— Отъ души жалѣю, что не могу скинуть съ себя лѣтъ десять,—сказалъ онъ однажды Вильмье,—иначе я женился-бы въ свою очередь и ввелъ-бы новыхъ наслѣдниковъ въ семью. Но, впрочемъ, я и такъ сумѣю отомстить Герману.

Жоэль храбрился, обѣщая дѣйствовать энергично, на самомъ-же дѣлѣ ссора съ сыномъ нанесла ударъ его здоровью; онъ сдѣлался раздражителенъ, сталъ недовѣрчиво относиться къ окружающимъ и порвалъ даже знакомство съ самыми близкими людьми. Съ приближеніемъ зимы Луэссаръ сильно простудился и лишился ногъ. Пришлось обратиться за совѣтомъ къ доктору,

который, тщательно оскультировавъ больного, принялъ задумчивый видъ.

— Что, — спросилъ старикъ, — дѣло плохо? это видно по выраженію вашего лица.

— Нѣтъ, нездоровье ваше не такъ серьезно, какъ вы думаете,—отвѣтилъ Вильмье, — на васъ дѣйствуетъ перемѣна погоды и главное — холода, но силы ваши вернутся вмѣстѣ съ весною; тѣмъ болѣе, что вы обладаете богатырской натурой.

— Прекрасно, докторъ, будемъ надѣяться, что вы не ошибаетесь, но я прошу васъ еще объ одномъ: не скрывайте отъ меня, когда явится серьезная опасность, я твердъ и хочу впередъ знать, когда наступитъ мой часъ.

— Повторяю, что въ настоящую минуту я не вижу ничего серьезнаго, — сказалъ докторъ,—но въ ваши годы — дни, конечно, болѣе или менѣе сочтены, и я совѣтовалъ-бы вамъ привести въ порядокъ ваши дѣла; отъ этого смерть не явится раньше, а на душѣ у васъ будетъ покойнѣе.

— Довольно,—прервалъ его старикъ,—остальное я знаю самъ.

— Не хотите-ли вы вызвать сына для семейныхъ переговоровъ?—спросилъ докторъ.

— У меня нѣтъ сына,—отвѣтилъ Жоэль,—но прошу васъ предупредить священника, что мнѣ хотѣлось-бы побесѣдовать съ нимъ и, если возможно, очистить свою совѣсть передъ Господомъ.

Вильмье отправился къ Нуартену, но послѣдній оказался далеко не расположеннымъ къ свиданію съ Луэссаромъ. Послѣ несчастія, случившагося съ сестрой, Паскаль велъ еще болѣе замкнутую жизнь; исполняя добросовѣстно обязанности пастыря, онъ избѣгалъ встрѣчи съ людьми внѣ церкви. Теперь-же, при извѣстіи, что его зовутъ въ Мальпертьи, Нуартенъ окончательно растерялся; ему тяжело казалось предстоящее свиданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ не было возможности отказаться, такъ какъ его вызывали къ умирающему.

Поборовъ свое смущеніе, онъ явился, наконецъ, къ больному и былъ тотчасъ-же введенъ въ комнату Жоэля, гдѣ и оставался болѣе часа.

— Какъ бы ни былъ великъ проступокъ вашего сына,— сказалъ послѣ долгой бесѣды Паскаль,—вамъ слѣдуетъ простить его: вспомните, какъ Спаситель, уже будучи пригвожденъ на Крестѣ, молилъ Господа о помилованіи враговъ своихъ.

— Да, Христосъ прощалъ людямъ, которые по невѣдѣнію творили зло, но сынъ мой сознательно пошелъ противъ моей воли и причинилъ мнѣ на старости лѣтъ большое горе.

— Не намъ судить ближняго,—повторилъ снова священникъ,—Господь каждому воздаетъ по грѣхамъ, а мы должны лишь смиряться передъ волей Всевышняго.

— Хотѣлъ-бы я видѣть васъ на своемъ мѣстѣ,—возразилъ желчно старикъ,—попробуй кто-нибудь затронуть вашу честь,— вы заговорили-бы иначе.

— Я страдалъ не меньше вашего,—произнесъ тихо Паскаль,—оскорбили не только меня, но и близкое мнѣ существо; однако, я простилъ.

И думая повліять на душу больного, священникъ разсказалъ въ подробностяхъ про все случившееся съ Виталиной; онъ назвалъ виновника ея паденія и припомнилъ сужденіе Германа и Жоэля по поводу женщинъ и неравнаго брака.

— Весьма возможно,—прибавилъ онъ,—что Савиньянъ не совершилъ-бы подобнаго поступка, если-бы вы внушали ему другіе принципы.

Жоэль выслушалъ священника, ни разу не прервавъ его рѣчь, а на слѣдующій день, когда Вильмье снова пріѣхалъ навѣстить больного, онъ, едва поздоровавшись, сказалъ ему:

— Здоровье мое не лучше, докторъ, но теперь не въ этомъ дѣло,—я попрошу васъ написать Савиньяну, чтобы онъ скорѣе пріѣзжалъ сюда. Его присутствіе необходимо, и я желаю, чтобы письмо ушло сегодня-же.

II.

Послѣднее время Савиньяну не легко жилось въ Парижѣ. Фальшивое положеніе въ обществѣ, неопредѣленность взглядовъ

на политику и безденежье все больше и больше угнетали юношу. Луэссаръ сталъ даже подозрительно относиться къ своимъ прежнимъ товарищамъ: гораздо опытнѣе его, они понемногу всѣ выбились въ люди и занимали выдающіяся мѣста.

Получивъ извѣстіе отъ дѣда, онъ обрадовался случаю покинуть столицу и уже съ первымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Парижа.

По мѣрѣ того, какъ Савиньянъ приближался къ роднымъ мѣстамъ, въ памяти его воскресало воспоминаніе о раннемъ дѣтствѣ, о пребываніи въ Бельфонтенѣ; затѣмъ ихъ школьная жизнь съ Виталиной и, наконецъ, послѣдняя встрѣча съ дѣвушкой, когда онъ такъ безчестно воспользовался ея довѣріемъ.

Молодой человѣкъ почувствовалъ при этомъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти и съ ужасомъ подумалъ о возможности встрѣчи съ Паскалемъ Нуартеномъ.

Поѣздъ между тѣмъ подъѣзжалъ къ станціи. Луэссаръ первый выскочилъ изъ вагона, но, не видя экипажа, направился пѣшкомъ въ Мальпертьи. Приходилось идти знакомыми мѣстами, все напоминало ему здѣсь давно минувшее время, и когда онъ завидѣлъ издали колокольню Больё, въ его воображеніи промелькнулъ образъ Виталины. Савиньяну стало такъ жутко, что онъ ускорилъ даже шаги. Къ счастью, въ этотъ ранній часъ все населеніе было занято работой въ поляхъ и въ лѣсу. Савиньянъ выбрался, наконецъ, на тропинку, ведущую къ дому, но теперь новыя мысли тревожили его душу.

«Въ какомъ состояніи застану я дѣда,—подумалъ онъ.— Судя по письму, старику не долго остается жить и за одни сутки могла произойти перемѣна къ худшему».

Онъ съ трепетомъ постучался въ калитку и тотчасъ услышалъ шаги старой служанки, которая болѣе тридцати лѣтъ прожила въ ихъ домѣ.

— Это вы, господинъ Луэссаръ?—воскликнула она, открывая двери,—васъ ожидали лишь къ вечеру, но тѣмъ лучше, что вы прибыли раньше.

— Какъ здоровье дѣдушки?—перебилъ ее Савиньянъ.

— Все по-прежнему; онъ очень похудѣлъ, ослабъ и почти весь день проводитъ въ постели.

— Могу я войти въ его комнату?—спросилъ Савиньянъ.

— Конечно, онъ обрадуется увидѣть васъ, хотя и чувствуетъ себя въ этотъ часъ не совсѣмъ хорошо; докторъ только-что сдѣлалъ больному подкожное впрыскиваніе.

Савиньянъ поднялся въ первый этажъ и издали уже увидѣлъ старика Жоэля. Изнуренный болѣзнью, онъ лежалъ на постели съ широко раскрытыми глазами, но почти въ забытьи, благодаря недавнему пріему морфина.

Шумъ шаговъ пробудилъ больного.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ едва внятно.

— Это я, дѣдушка, Савиньянъ.

Жоэль сдѣлалъ усиліе, чтобы приподняться, затѣмъ взялъ внука за руку и сказалъ:

— Какое счастье, что ты пріѣхалъ, сядь поближе, я долженъ поговорить съ тобой и передать свою послѣднюю волю.

— Я не думалъ, дѣдушка, что вы такъ больны; но теперь вамъ уже лучше, надо надѣяться, что скоро совсѣмъ поправитесь.

— Этого не можетъ быть,—сказалъ Жоэль,—я угасаю съ каждымъ днемъ; желудокъ мой отказывается служить, сердце работаетъ неправильно, и слабость такъ велика, что приходится прибѣгать къ морфину. Впрочемъ, докторъ дастъ тебѣ болѣе точныя свѣдѣнія, я же нашелъ нужнымъ выписать тебя для объясненія, хотя бы и въ ущербъ твоимъ занятіямъ.

— Мои занятія могутъ подождать,—отвѣтилъ Савиньянъ, —а жизнь въ столицѣ настолько утомила меня, что я радъ случаю отдохнуть.

— Однако, тебѣ быстро все надоѣдаетъ,—замѣтилъ старикъ,—еще недавно, уѣзжая въ Парижъ, ты былъ полонъ надеждъ и мечталъ о политическихъ переворотахъ. Почему-же теперь въ тебѣ столько разочарованія? Ужь не затѣялъ-ли и ты чего недобраго?

— Дѣдушка, на что вы намекаете?—спросилъ съ безпокойствомъ Савиньянъ.

— Не прерывай меня,—заговорилъ снова Жоэль,—но слушай внимательно. По всему видно, что пребываніе въ Парижѣ далеко не осуществило твоихъ плановъ; я предлагаю тебѣ теперь поселиться въ Мальпертьи; но надо имѣть въ виду, что здѣсь ты встрѣтишься съ людьми, которые оказывали тебѣ ласку и довѣріе, ты-же отплатилъ имъ черной неблагодарностью. Дитя мое, не слѣдуй примѣру твоего отца, нанесшаго мнѣ ударъ, отъ котораго я не могу уже оправиться, но дай мнѣ спокойно умереть и для этого обѣщай загладить свой проступокъ...

Старикъ замолчалъ и впалъ снова какъ-бы въ забытье, а Савиньянъ вышелъ изъ комнаты больного и провелъ остатокъ этого дня въ томительномъ ожиданіи. Онъ понималъ, что дѣдъ намекалъ ему на отношенія съ Виталиной, но не отдавалъ себѣ яснаго отчета, чего именно отъ него требуютъ.

Вечеромъ ему доложили о пріѣздѣ Вильмье, и Савиньянъ обрадовался свиданію съ докторомъ, но послѣдній поразилъ его своимъ холоднымъ отношеніемъ къ нему и крайней сдержанностью. Онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ присутствія молодого человѣка, и только уѣзжая нашелъ нужнымъ сказать, что Жоэль очень плохъ; малѣйшее волненіе можетъ причинить ему вредъ и даже ускорить смерть.

Затѣмъ Савиньянъ снова остался одинъ, наскоро поужиналъ и рано легъ спать.

На слѣдующее утро онъ проснулся бодрый, въ веселомъ настроеніи духа, но, когда онъ припомнилъ разговоръ съ дѣдомъ, его мысли омрачились.

Въ комнатѣ казалось темно, и Савиньянъ открылъ ставни, при чемъ его поразилъ видъ сада и полей, на которыхъ были еще замѣтны слѣды зимы. Въ душу его снова закралась грусть...

Онъ спустился въ столовую, гдѣ все находилось въ прежнемъ порядкѣ: старый рояль, на которомъ его мать наигрывала

когда-то вальсы; кушетка, служившая ей послѣднее время вмѣсто постели, и другія мелочи, напоминавшія ему дѣтство. Образъ страдалицы съ особой силой воскресъ въ его памяти и Савиньянъ произнесъ вслухъ:

— Какъ я мало цѣнилъ любовь матери, и насколько теперь мнѣ нужна была-бы ея ласка!

Ему захотѣлось навѣстить могилу матери... Освѣдомившись о состояніи больного, онъ вышелъ изъ дома.

Савиньянъ выбралъ тропинку, по которой можно было дойти до кладбища, оставляя деревню въ сторонѣ.

Полный думъ онъ медленно проходилъ между незнакомыми могилами и только при видѣ семейнаго склепа ускорилъ свои шаги.

Могила матери представлялась ему почему-то запущенной; Савиньянъ упрекнулъ даже себя въ томъ, что не догадался принести цвѣтовъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ холмикъ, усыпанный свѣжей зеленью, посреди которой возвышались пахучіе гіацинты и розы, а фіалки составляли какъ-бы бордюръ.

— Боже мой, — воскликнулъ Савиньянъ, — кто это съ такимъ благоговѣніемъ чтитъ память моей усопшей матери? Не думаю, чтобы это былъ отецъ: онъ слишкомъ занятъ своими интересами... о дѣдушкѣ не можетъ быть и рѣчи: онъ самъ на краю могилы!..

Савиньянъ былъ въ недоумѣніи. Въ это время онъ услышалъ шаги, направлявшіеся въ его сторону. Онъ обернулся и былъ пораженъ, увидѣвъ передъ собой Виталину. Послѣдняя въ свою очередь испугалась встрѣчи съ Луэссаромъ и съ ужасомъ отступила отъ него.

— Виталина, — сказалъ тихо Савиньянъ, — не уходите, дайте мнѣ возможность объясниться съ вами... Разрѣшите, по крайней мѣрѣ, поблагодарить васъ за память о моей матери... Неправда-ли, всѣ эти цвѣты посажены вами?

— Вы ошибаетесь,—отвѣтила дѣвушка,—мнѣ не подобаетъ украшать могилы семьи Луэссаровъ... Я только изрѣдка при-

хожу сюда молиться, вся-же заслуга на сторонѣ доктора—вамъ слѣдуетъ благодарить его...—Она сдѣлала движеніе, чтобы уйти.

— Еще одно слово!—молилъ ее Савиньянъ.

— Что вамъ угодно отъ меня? — спросила Виталина. — Между нами нѣтъ уже ничего общаго!

— Я прошу у васъ прощеніе за прошлое... оно гнететъ меня и не даетъ покоя.

— Судя по вашимъ поступкамъ, трудно предположить, чтобы вы испытывали угрызенія совѣсти!—замѣтила снова дѣвушка.

— Виталина, я подлецъ, но если возможно, не судите меня строго и простите.

Она отвѣтила тихо:

— Мой братъ, которому я во всемъ призналась, нашелъ возможность смягчить мою вину; въ свою очередь и я должна простить васъ, но подъ однимъ условіемъ: чтобы вы никогда не искали встрѣчи со мной. Достаточно и этого свиданія, и если Паскаль узнаетъ о немъ,—онъ будетъ сильно огорченъ... А теперь прощайте, и навсегда!

Луэссаръ съ грустью посмотрѣлъ на удалявшуюся дѣвушку и не могъ не замѣтить, насколько она измѣнилась за это время къ лучшему. Горе придало больше выразительности ея взгляду, во всей ея фигурѣ чувствовалась какая-то особенная гордость и самообладаніе.

Несмотря на только-что выраженное запрещеніе искать съ ней встрѣчи,—Савиньяну болѣе, чѣмъ когда-либо, захотѣлось чаще видѣть Виталину и повѣдать ей о своей любви. Онъ понималъ, однако, что не можетъ уже подойти къ ней въ качествѣ простого ухаживателя, и раньше, нежели придти къ какому-нибудь заключенію, рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ доктору.

III.

— Наконецъ-то ты пожаловалъ! — воскликнулъ Вильмье, завидя издали Савиньяна.—Я ждалъ тебя къ завтраку, но ты

не пожелалъ раздѣлить со мной моей скромной трапезы. Выпьемъ, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ кофе.

Они вошли въ кабинетъ, и Савиньянъ тотчасъ-же обратился къ доктору.

— Я былъ сегодня на кладбищѣ,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—и нашелъ могилу моей матери въ такомъ порядкѣ, что невольно умилился душой. Оказывается, вы одни чтите память усопшей, и я приношу вамъ горячую благодарность за всѣ ваши заботы.

Вильмье покраснѣлъ при этихъ словахъ и, чтобы скрыть смущеніе, отвѣтилъ довольно рѣзко:

— Мнѣ поневолѣ пришлось взять на себя эту обязанность: отецъ твой не навѣщаетъ кладбища, а дѣдъ слишкомъ боленъ и устарѣлъ... Помнишь нашъ разговоръ по поводу увлеченія и любви? Выходитъ, что по твоей теоріи я принадлежу къ самымъ сентиментальнымъ людямъ и нахожу, что такая чудная личность, какъ твоя мать, не должна была уйти отъ насъ безслѣдно. Она оказалась слишкомъ идеальной для этого міра и рано угасла, но за то всякій, кто встрѣчался съ госпожею Луэссаръ, помнитъ, сколько духовной прелести заключалось въ этой женщинѣ. А лично для меня она открыла цѣлый садъ райскихъ цвѣтовъ, ароматъ которыхъ наполняетъ мою старость, и вотъ, въ благодарность за это, я украшаю ея могилу розами и фіалками, такъ какъ она больше всего любила эти цвѣты.

Савиньянъ, не ожидавшій подобнаго признанія, слушалъ доктора, стараясь запомнить каждое его слово, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивился перемѣнѣ, происшедшей въ его лицѣ. Вильмье казался въ эту минуту какъ-бы помолодѣвшимъ и почти красивымъ.

— Докторъ, вы любили мою мать?—спросилъ тихо юноша.

— Да, но не такъ, какъ вы,—нынѣшнее поколѣніе. Я любилъ ее, какъ святую, недоступную для меня женщину. Никогда дурная мысль не закрадывалась въ мою душу; я далекъ былъ отъ плотскихъ желаній, а потому смѣло повторяю, что любилъ госпожу Луэссаръ.

Савиньянъ, не слушая уже словъ доктора, ясно сознавалъ теперь, что этотъ старикъ, несмотря на свою грубую оболочку, умѣетъ чтить женщину, тогда какъ у него, Савиньяна, все сводилось на чувственныя отношеніи. Онъ вспомнилъ о только-что происшедшей встрѣчѣ съ Виталиной, объ ея гордомъ отвѣтѣ: «между нами нѣтъ ничего общаго»—и почувствовалъ вдругъ отвращеніе къ самому себѣ.

— И такъ,—заговорилъ снова Вильмье,—ты раньше всего остального навѣстилъ могилу матери! Это уже хорошее начало...

— Да, — отвѣтилъ Савиньянъ, — и на кладбищѣ я встрѣтился совершенно неожиданно съ Виталиной...

Докторъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его, и сталъ разспрашивать про жизнь въ столицѣ, про занятія и будущіе планы молодого человѣка.

— Не говорите мнѣ, пожалуйста, про Парижъ!—воскликнулъ неожиданно Савиньянъ.—Я не пріобрѣлъ тамъ ничего хорошаго и настолько разочаровался въ окружающихъ меня людяхъ, что скоро потеряю вѣру въ самого себя...

— Какъ,—спросилъ Вильмье,—ты не принадлежишь больше къ партіи молодежи, не признающей границъ для достиженія своихъ цѣлей? Еще недавно ты проповѣдывалъ о здравыхъ взглядахъ на жизнь, порицалъ всякое отступленіе отъ дѣйствительности, а теперь самъ разочаровался въ этомъ...

— Докторъ, не смѣйтесь надъ моими ребяческими заблужденіями... Я уже и безъ того достаточно наказанъ.

— Въ твои годы не позволительно падать духомъ,—перебилъ его Вильмье,—мнѣ было уже тридцать лѣтъ, когда произошелъ переворотъ 1851 года и разсыпалъ въ прахъ всѣ мои завѣтныя мечты. Пришлось пройти черезъ большія страданія, бороться съ обстоятельствами, и если я и не вышелъ побѣдителемъ, то во всякомъ случаѣ не потерялъ вѣру въ жизнь. Разумъ вернулъ мнѣ снова всю мою энергію, и хотя я разстался съ прежними интересами, но не для того, чтобы заглохнуть въ бездѣйствіи и лѣни, а, какъ видишь, насколько это возможно,

приношу пользу ближнему... Я вполнѣ довольствуюсь своимъ скромнымъ существованіемъ,—продолжалъ докторъ.—Совѣтую и тебѣ послѣдовать моему примѣру. Имѣй только силу сознаться въ своихъ прежнихъ увлеченіяхъ, и ты сразу почувствуешь нравственное удовлетвореніе.

Савиньянъ, внимательно вслушиваясь въ слова доктора, видѣлъ въ нихъ, какъ и въ разговорѣ съ дѣдомъ, намекъ на прошлое, но не понималъ, почему Вильмье не приступаетъ къ сути дѣла и, какъ-бы съ намѣреніемъ, избѣгаетъ имени Виталины.

«Вѣроятно, доктору извѣстна моя исторія, — подумалъ онъ,—и я первый долженъ во всемъ сознаться».

Савиньянъ съ волненіемъ сталъ ходить по комнатѣ; но вдругъ за дверью раздался какой-то шумъ, затѣмъ послышались шаги, и на порогѣ появилась служанка, ведя за руку прелестнаго мальчугана. Мальчикъ, завидя Вильмье, бросился къ доктору, и, вскочивъ къ нему на колѣни, сталъ просить:

— Крестный, дай мнѣ сахару и кофе!..

— Съ вами живетъ вашъ крестникъ?—спросилъ удивленно Савиньянъ.

— Да, я слишкомъ скучалъ въ одиночествѣ и позволилъ себѣ роскошь взять на воспитаніе ребенка. Злые языки говорятъ, конечно, что это мой незаконный сынъ, но достаточно взглянуть на мальчика, чтобы разубѣдиться въ этомъ. Посмотри, какъ онъ хорошъ... или ты также находишь въ немъ сходство со мною?

— Не совсѣмъ, — отвѣтилъ нерѣшительно Савиньянъ, и, окинувъ еще разъ внимательнымъ взоромъ малютку, онъ подумалъ:

«Какъ поразительно напоминаетъ этотъ мальчикъ Виталину Нуартенъ въ ея дѣтствѣ: такіе-же чудные глаза, розовыя губки и очаровательныя ямочки на щекахъ».

Савиньяну стало почему-то даже жутко отъ этого сходства, и онъ освѣдомился о возрастѣ ребенка.

— Въ февралѣ ему исполнилось три года... зовутъ его Ноэль,—сказалъ Вильмье.

— Не находите-ли вы,—спросилъ Савиньянъ,—что мальчикъ этотъ поразительно напоминаетъ Виталину Нуартенъ?

— Въ эти годы черты лица очень измѣнчивы,—замѣтилъ Вильмье,—а взрослые всегда пріискиваютъ въ ребенкѣ сходство съ кѣмъ-нибудь; при этомъ у каждаго изъ насъ разыгрывается фантазія.

— Докторъ, мое воображеніе тутъ не при чемъ; во всемъ существѣ ребенка я вижу Виталину въ ея младенческомъ возрастѣ: это ея выраженіе глазъ, ея улыбка!

— Однако, у тебя прекрасная память,—замѣтилъ иронически Вильмье,—я же при всемъ своемъ желаніи не могу сказать, на кого походили дѣти, съ которыми мнѣ доводилось встрѣчаться на третьемъ году своей жизни. Допустимъ, что Ноэль и напоминаетъ твою молочную сестру, но изъ этого нельзя еще вывести заключеніе, чтобы онъ былъ ея сынъ!.. Или ты намѣренно намекаешь на дурное поведеніе Виталины?

Говоря это, Вильмье всталъ со стула, чтобы отвести ребенка къ служанкѣ, такъ какъ Ноэль, испуганный происходившимъ разговоромъ, давно уже порывался выбѣжать изъ комнаты.

Затѣмъ докторъ снова обратился къ Савиньяну:

— Ты съ такимъ упорствомъ настаиваешь на сходствѣ мальчика съ Виталиной, что я начинаю думать, не произошло-ли чего-нибудь недобраго съ этой дѣвушкой! Весьма возможно, что, не отдавая себѣ отчета, она сдѣлалась жертвою какого-нибудь соблазнителя, но я не допускаю мысли, чтобы это былъ ты!

— И вы ошибаетесь, докторъ,—произнесъ сдавленнымъ голосомъ Луэссаръ,—одинъ я виновенъ въ ея паденіи, и пришелъ теперь къ вамъ для того только, чтобы спросить совѣта, какъ мнѣ искупить свою вину?

— Наконецъ-то въ тебѣ пробудилась совѣсть!—воскликнулъ Вильмье. — Знай-же, что мнѣ давно извѣстно твое недостойное поведеніе относительно Виталины Нуартенъ. Ты выросъ въ ихъ семьѣ, пользовался ихъ любовью и лаской, и вотъ

въ чемъ выразилась теперь твоя благодарность! Виталина опозорена, и чтобы скрыть ея фальшивое положеніе,—Паскаль долженъ былъ разстаться съ сестрой. Пробывъ нѣкоторое время въ Парижѣ, она произвела на свѣтъ мальчика, котораго я и взялъ къ себѣ на воспитаніе. Какъ видишь, ея прошлое болѣе или менѣе заглажено, и ты одинъ остаешься съ мучительнымъ сознаніемъ своего дурного поступка.

— Вы правы, докторъ: я поступилъ, какъ негодяй, и особенно ясно сознаю это съ возвращеніемъ въ Мальпертьи... Но во мнѣ живетъ еще совѣсть и теперь я считаю долгомъ искупить свой грѣхъ...

— Выслушай слѣдующее, — перебилъ его Вильмье: — отъ человѣка зависитъ сдѣлать извѣстный поступокъ, или нѣтъ, но разъ фактъ совершенъ—мы больше не въ силахъ измѣнить его послѣдствій. Часто правосудіе заставляетъ насъ выпить до дна кубокъ съ ядомъ, который мы сами-же приготовили. Это и есть твой случай. Ты хочешь теперь признать свою вину; предъявляешь права на ребенка... Но подумалъ-ли ты о согласіи Паскаля и его сестры? Вѣдь этимъ самымъ поступкомъ ты компрометируешь Виталину и придаешь огласку дѣлу, которое мы такъ старательно скрывали. До этой минуты никто изъ окружающихъ не подозрѣваетъ дѣйствительности, и, конечно, братъ ея не отнесется сочувственно къ твоему позднему раскаянію. Что касается Виталины,—могу сообщить тебѣ, что она собирается поступить въ монастырь, и не думаю, чтобы ради твоихъ прекрасныхъ глазъ дѣвушка измѣнила такое серьезное рѣшеніе!

— Но я люблю ее!—вырвался, словно вопль, у Савиньяна, —и особенно ясно почувствовалъ это при встрѣчѣ съ Виталиной на кладбищѣ. Она прельщаетъ меня своей красотой, граціею... наконецъ, между нами связь, которую никто не въ силахъ порвать.

— Однако, ты поздно заговорилъ про свои права!—замѣтилъ Вильмье. — Все это не помѣшало тебѣ провести три года въ Парижѣ, не заботясь объ участи несчастной дѣвушки...

— У насъ есть, наконецъ, ребенокъ,—продолжалъ Луэс-

саръ, не слушая доктора.—Его сходство съ матерью сильно поразило меня, и никто не посмѣетъ оспаривать у меня права на сына!

— Законъ разрѣшаетъ признать ребенка, не упоминая о матери. Совѣтую тебѣ воспользоваться этимъ,—сказалъ Вильмье. —Въ свою очередь я обѣщаю не дѣлать никакихъ затрудненій, хотя мнѣ и не легко будетъ разстаться съ малюткой...

Савиньянъ не возражалъ уже больше. Онъ изыскивалъ только въ умѣ способъ расположить къ себѣ священника, заручиться его согласіемъ на бракъ съ его сестрой... а остальное покажетъ время.

Взявъ шапку, онъ собирался уже выйти, но Вильмье остановилъ его

— Куда это ты такъ спѣшишь?—спросилъ онъ Савиньяна.

— Къ Нуартену.

— Безумецъ, тебя тамъ встрѣтятъ далеко не дружелюбно!

— Это уже мое дѣло, — возразилъ Савиньянъ, — а васъ, докторъ, я умоляю объ одномъ: поѣзжайте сегодня-же въ Мальпертьи, чтобы сообщить дѣду о моемъ намѣреніи жениться на Виталинѣ. Вернувшись домой, я долженъ знать, имѣю-ли въ немъ врага, или союзника.

Съ этими словами Луэссаръ почти выбѣжалъ изъ комнаты и, встрѣтясь въ саду съ Ноэлемъ, горячо поцѣловалъ малютку, какъ-бы прося у него защиты и силы на предстоящую борьбу.

IV.

Быстрыми шагами направлялся Савиньянъ къ дому священника.

Чтобы не терять времени, онъ выбралъ кратчайшую дорогу черезъ кладбище. Видъ могилъ, многочисленные кресты, бросавшіе свою тѣнь на землю, навели его на тяжелыя думы. Ему стало вдругъ жутко при мысли о встрѣчѣ съ Паскалемъ, и Савиньянъ остановился даже, чтобы перевести дыханіе.

Оказалось, что онъ находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

семейнаго склепа, гдѣ на одной изъ плитъ большими буквами начертано было слѣдующее:

«Я боюсь одного Господа!»

Ему стало совѣстно за свою робость.

«Какъ!—подумалъ онъ,—я страшусь разговора съ священникомъ, колеблюсь вступиться за права собственнаго сына, тогда какъ всѣ Луэссары извѣстны смѣлостью своихъ взглядовъ».

— Малодушіе мое возмутительно!—произнесъ онъ вслухъ и вспомнилъ при этомъ слова дѣда: «Докажи мнѣ своимъ поведеніемъ, что я могу разсчитывать на тебя, какъ на достойнаго представителя нашего рода».

Съ новой энергіею онъ пошелъ опять къ церковному дому. Подойдя, онъ постучался въ дверь и съ напряженіемъ сталъ прислушиваться къ медленнымъ шагамъ служанки, которая шла отворить.

— Дома господинъ Нуартенъ?—спросилъ Савиньянъ, когда дверь открылась.

— Нѣтъ, они на урокѣ катехизиса, но, вѣроятно, скоро вернутся: они обѣщали быть къ обѣду.

— Въ такомъ случаѣ, я подожду его,—сказалъ Савиньянъ.

Сопровождаемый служанкой, онъ вошелъ въ библіотеку, гдѣ когда-то проводилъ цѣлые часы въ обществѣ Виталины. Все въ этой комнатѣ осталось безъ перемѣны: тѣ-же плетеные стулья вдоль стѣнъ, книги духовнаго содержанія и овальный столъ, за которымъ въ свой первый пріѣздъ онъ засталъ дѣвушку занятою уборкою цвѣтовъ.

Сердце болѣзненно сжалось въ груди Савиньяна. Теперь ему хотѣлось-бы насколько возможно отдалить свиданіе съ Нуартеномъ... Но едва онъ подумалъ объ этомъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги, а затѣмъ онъ услышалъ хорошо знакомый ему голосъ.

— Простите, что заставилъ васъ ждать!—произнесъ священникъ, не различая еще своего гостя.

Когда-же Паскаль разглядѣлъ Савиньяна, онъ съ ужасомъ отступилъ отъ него.

— Какъ, вы здѣсь, господинъ Луэссаръ!—воскликнулъ онъ, —но кто разрѣшилъ вамъ переступить порогъ моего дома, въ который вы внесли обманъ и безчестіе!

— Умоляю васъ выслушать меня!—произнесъ Савиньянъ.

— Нѣтъ, милостивый государь, я не желаю имѣть съ вами объясненія и прошу немедленно выйти отсюда, иначе мнѣ придется прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ...

— Не говорите этого, — остановилъ его Савиньянъ, — постарайтесь смотрѣть на меня, какъ на человѣка, который пришелъ исповѣдывать грѣхи свои. Я хочу открыть вамъ свою душу, а вы, какъ пастырь, обязаны выслушать меня.

Паскаль не ожидалъ подобнаго возраженія. Едва сдерживая свой гнѣвъ, онъ отвѣтилъ:

— Хорошо, я согласенъ исполнить свои обязанности, но прошу васъ въ такомъ случаѣ видѣть во мнѣ только духовнаго наставника и...

— Я виноватъ передъ вами,—перебилъ его Савиньянъ,— виноватъ передъ Виталиной, которая съ дѣтства оказывала мнѣ любовь и довѣріе, а я такъ безчестно воспользовался имъ! Но все это время я находился на ложномъ пути и не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Пребываніе въ Парижѣ, среди молодежи, въ которой мнѣ приходилось вращаться, пагубно отразились на моихъ принципахъ,—теперь-же я какъ-бы прозрѣлъ и приношу вамъ себя на судъ...

— Довольно, — возразилъ Нуартенъ, — остальное мнѣ извѣстно: я имѣлъ уже объясненіе съ сестрой и простилъ ее. Постараюсь съ Божьей помощью забыть также все то горе и оскорбленіе, которыя вы причинили намъ, а вы въ свою очередь впередъ не грѣшите, а поступайте согласно вашей совѣсти.

Савиньянъ чувствовалъ, что Паскаль намѣренно отклоняетъ дальнѣйшія объясненія, но онъ не двигался съ мѣста и снова обратился къ священнику.

— Я пришелъ къ вамъ,—сказалъ онъ,—не только для того, чтобы просить прощенія... Дѣло касается нашей будущности: у Виталины есть ребенокъ, и я хочу узаконить его.

— Теперь поздно думать объ исправленіи вашихъ ошибокъ, — замѣтилъ строго Паскаль, — подобнымъ поступкомъ вы обнаружите лишь тайну, которую мы такъ тщательно скрывали въ продолженіе четырехъ лѣтъ!

— Но по какому праву лишаете вы ребенка честнаго имени?—спросилъ уже довольно рѣзко Савиньянъ,—бракъ мой съ Виталиной возстановитъ репутацію матери и малютки, и я не вижу къ этому препятствій.

— Виталина не можетъ больше располагать собой,—отвѣтилъ священникъ,—она нашла свое успокоеніе въ служеніи Господу и поступаетъ на-дняхъ въ монастырь. Не думаете-ли вы, что ради вашей прихоти я отклоню рѣшеніе сестры? Забудьте лучше о ней, а что касается ребенка,—вы, какъ адвокатъ, сумѣете подыскать законъ, могущій вывести васъ изъ затрудненій... прошу только не вмѣшивать имя матери...

Савиньянъ былъ пораженъ повтореніемъ только-что выслушаннаго отъ доктора и съ ужасомъ воскликнулъ:

— Да поймите-же, что я люблю вашу сестру, что съ возвращеніемъ на родину я убѣдился въ невозможности назвать кого-либо другого своей женой, а сегодня мы уже видѣлись съ Виталиной, и я поклялся соединить съ ней свою жизнь. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, еще разъ поговорить съ ней.

Священнику трудно было исполнить просьбу Луэссара, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что не въ правѣ рѣшать за сестру, а потому, подойдя къ дверямъ, онъ позвалъ ее.

— Войди сюда, съ тобой желаютъ переговорить!—сказалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

При видѣ Савиньяна, Виталина приняла сначала строгое выраженіе, но затѣмъ въ головѣ ея промелькнула мысль, что человѣкъ этотъ уже достаточно наказанъ судьбой и теперь, вѣроятно, прошелъ черезъ большія страданія, такъ какъ ему пришлось выслушать упреки строгаго пастыря. Ей стало почти жаль Савиньяна, и онъ прочелъ это въ ея взглядѣ.

— Виталина, — произнесъ онъ едва внятно, — сегодня мы встрѣтились на кладбищѣ, гдѣ я умолялъ васъ выслушать меня,

но вы не дали мнѣ возможности сказать двухъ словъ въ мое оправданіе, запретили даже искать съ вами встрѣчи и ушли, оставивъ меня со страшнымъ угрызеніемъ совѣсти. Затѣмъ я былъ у доктора, черезъ котораго узналъ о всѣхъ подробностяхъ вашей жизни, узналъ о рожденіи ребенка, видѣлъ этого малютку, цѣловалъ его и еще сильнѣе полюбилъ въ немъ васъ. Это ваше живое воплощеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ сынъ. Дайте-же мнѣ возможность искупить свой безчестный поступокъ... я теперь только оцѣнилъ васъ и прошу вашей руки.

По мѣрѣ того, какъ Савиньянъ говорилъ, священникъ, внимательно слѣдившій за сестрой, понялъ, что признаніе молодого человѣка дѣйствуетъ на Виталину, она не находила уже возможности возражать, и Паскаль боялся, что вліяніе Луэссара заставитъ ее измѣнить рѣшеніе.

— Сестра,—обратился онъ къ ней строго,—вы слышите эти рѣчи? Отвѣтьте-же ему, что теперь не время думать о замужествѣ; вы обрекли себя на служеніе Христу.

— Это справедливо,—произнесла съ грустью дѣвушка,—и я могу только повторить, какъ сегодня утромъ, что между нами нѣтъ ничего общаго.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Савиньянъ,—между нами ребенокъ. Раньше, чѣмъ произнести обѣтъ безбрачія,—вы принадлежали уже мнѣ и нашему сыну, а эти причины достаточно вѣски, чтобы отклонить поступленіе ваше въ монастырь.

— Въ евангеліи сказано, что невозможно служить двумъ господамъ: Богу и мамонѣ, — вмѣшался снова священникъ.— Сестра, не поддавайся искушенію, скажи себѣ, что, признавъ ребенка за своего сына, ты внесешь новый позоръ въ нашу семью, и если тебѣ не дорога собственная честь, пощади брата своего, который не въ силахъ больше бороться...

— О, Паскаль,—промолвила Виталина,—не мучьте меня!..

Савиньянъ, въ свою очередь, сталъ приводить доводы, которые усугубляли страданіе дѣвушки; она съ отчаяніемъ ломала себѣ руки и воскликнула:

— Боже, помоги мнѣ!

Паскаль принялъ этотъ вопль за непреклонное рѣшеніе сестры порвать со всѣмъ, что касается земной жизни. Онъ взялъ ее за руку и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Выйдемъ отсюда, дитя мое, но передъ этимъ повтори еще разъ господину Луэссару, что между вами все кончено.

— Я не въ силахъ сказать этого,—прошептала Виталина.

Савиньянъ окинулъ дѣвушку благодарнымъ взоромъ и, приблизясь къ ней, воскликнулъ:

— О, Лилинъ, какъ я счастливъ, какъ признателенъ судьбѣ, что снова нашелъ тебя. Ты вернула мнѣ вѣру въ жизнь, воскресила мои прежнія мечты, и никто уже больше не посмѣетъ разлучить насъ: я не уступлю тебя...

Священникъ съ ужасомъ вслушивался въ слова молодого человѣка и понималъ, что теперь вмѣшательство его уже безсильно. Онъ просилъ только обождать сутки, чтобы придти къ окончательному рѣшенію. Затѣмъ, обратясь къ сестрѣ, онъ сказалъ:

— И такъ, вопреки моимъ наставленіямъ, забывъ клятвы и обѣщанія, вы собираетесь вступить въ бракъ съ господиномъ Луэссаромъ?

— Братъ мой, я не въ состояніи отказаться навсегда отъ ребенка.

— Но что толкаетъ васъ въ объятія человѣка, оскорбившаго вашу честь? Какія невидимыя силы заставляютъ васъ забыть недавній позоръ?

— Я люблю Савиньяна,—послышалось въ отвѣтъ.

— Плотское созданіе! — воскликнулъ священникъ. — Вы предпочли роль Мароы—Маріи и ищете счастья тамъ, гдѣ оно не можетъ быть прочнымъ. Поймите-же, что вы избрали ложный путь... но да будетъ Богъ вамъ судьею!

V.

Савиньянъ вернулся домой подъ впечатлѣніемъ всего пережитаго. Онъ такъ много перечувствовалъ за все это послѣднее

время, что походилъ на человѣка гораздо старше своихъ лѣтъ; имѣлъ крайне сосредоточенный видъ и даже въ походкѣ его чувствовалось какое-то утомленіе.

Первое лицо, съ которымъ онъ встрѣтился въ передней, былъ докторъ Вильмье, сообщившій ему о бесѣдѣ съ дѣдомъ.

— Я передалъ господину Луэссару,—началъ онъ,—о твоемъ намѣреніи жениться и, судя по его возраженіямъ, убѣдился, что вся твоя исторія давно извѣстна дѣду. Кто виновникъ этого —не сумѣю сказать, но дѣло въ томъ, что онъ поручилъ мнѣ позвать нотаріуса и ожидаетъ теперь твоего возвращенія. Будь, пожалуйста, сдержанъ съ больнымъ: положеніе его очень серьезное, и самое ничтожное волненіе можетъ ускорить его смерть... Кстати,—прибавилъ Вильмье,—каковы результаты твоего свиданія съ Нуартеномъ?

— Мнѣ кажется, что я убѣдилъ Виталину,—отвѣчалъ Савиньянъ, — но далеко не увѣренъ получить согласіе ея брата, который просилъ меня вернуться черезъ сутки, чтобы имѣть время обдумать и придти къ какому-нибудь рѣшенію.

— Что за черствый человѣкъ этотъ Паскаль, — воскликнулъ докторъ,—а еще духовное лицо! Но не теряй надежды; я въ свою очередь постараюсь быть у священника завтра послѣ обѣдни и насколько возможно расположить его въ твою пользу.

Затѣмъ они простились, и Савиньянъ поднялся въ комнату къ больному, который, при видѣ молодого человѣка, безпокойно заметался на постели.

— Наконецъ-то ты пришелъ,—обратился къ нему Жоэль. —Я только-что имѣлъ объясненіе съ докторомъ: онъ сообщилъ мнѣ о твоихъ планахъ. Обѣщаю не препятствовать имъ, но я хочу, чтобы ты зналъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я никогда не разрѣшилъ-бы подобнаго брака. Неравенство въ супружествѣ совершенно противно моимъ принципамъ, хотя это не помѣшало отцу твоему жениться на сестрѣ дровяника; твоя-же невѣста принадлежитъ къ уважаемой семьѣ, а потому, повторяю, ты свободенъ въ своемъ выборѣ... Зайди ко мнѣ завтра пораньше, — прибавилъ Жоэль,—и мы поговоримъ подробно о

твоей будущности, а теперь я слишкомъ утомился и хочу отдохнуть.

Савиньянъ, почтительно слушавшій рѣчь дѣда, не могъ не замѣтить, насколько этотъ дряхлый, разбитый старикъ мало напоминалъ прежняго Жоэля Луэссара. Куда дѣлась его энергія и воля, предъ которыми трепетала когда-то вся семья!

Поцѣловавъ руку больному, Савиньянъ направился въ столовую, гдѣ наскоро поужиналъ. Затѣмъ онъ вернулся въ свою комнату и сѣлъ у открытаго окна. Вечеръ былъ чудный; луна свѣтила во всемъ своемъ блескѣ, и, глядя на нее, Савиньянъ мысленно перенесся за нѣсколько лѣтъ назадъ.

Ему вспомнилось его дѣтство, пребываніе у кормилицы, всѣ невзгоды, постигшія его со смертью матери... Онъ глядѣлъ, какъ луна покрывалась тучами и снова выплывала изъ-подъ нихъ, и говорилъ себѣ, что жизнь его такъ-же часто омрачалась, а проблески счастья были въ ней лишь рѣдкими явленіями...

Свѣжесть майской ночи вернула его наконецъ къ дѣйствительности. Почувствовавъ легкую дрожь, онъ закрылъ окно и легъ въ постель, но благотворный сонъ не посѣтилъ его на этотъ разъ.

Едва занялась заря, Савиньянъ былъ уже на ногахъ, но въ домѣ всѣ еще спали. Пришлось ждать много времени, пока не явился, наконецъ, докторъ, въ сопровожденіи нотаріуса. Послѣдній направился въ комнату больного, а Вильмье подошелъ къ Савиньяну и сказалъ ему:

— Дѣло твое почти налажено: я долго бесѣдовалъ съ Паскалемъ, который даетъ свое согласіе на бракъ твой съ Виталиной, но требуетъ, чтобы онъ состоялся въ Парижѣ и не ранѣе, какъ черезъ годъ. За это время Паскаль подыщетъ мѣсто вдали отъ Больё, ребенокъ-же останется пока при мнѣ, а ты, вернувшись въ столицу, долженъ подумать, какъ устроить свою жизнь, и тогда только имѣешь право вызвать Виталину.

— Но что станется съ ней въ мое отсутствіе?—спросилъ Луэссаръ.

— Виталина будетъ жить при братѣ. Тебѣ-же, повторяю, слѣдуетъ заняться какимъ-нибудь дѣломъ; иначе ты не въ состояніи содержать семьи.

— Я придумалъ себѣ занятіе, — возразилъ Савиньянъ. — Моя мечта поселиться въ Аргоннахъ и завести ферму, по образцу Мальпертьи. При благопріятныхъ условіяхъ, она будетъ давать хорошій доходъ, а кромѣ того, я хотѣлъ-бы пріискать мѣсто на заводѣ и работать, подобно моему дѣду Бонэ.

— Прекрасно, — перебилъ его докторъ, — но для всего этого ты долженъ имѣть спеціальную подготовку; воспользуйся-же своимъ пребываніемъ въ Парижѣ и постарайся пріобрѣсти тамъ нужныя познанія... А пока совѣтую тебѣ позаботиться о завтракѣ, такъ какъ нотаріусъ большой любитель хорошо покушать, да и я немного проголодался.

Черезъ полчаса всѣ снова встрѣтились въ комнатѣ больного, который чувствовалъ себя въ этотъ день особенно плохо. Обратясь къ присутствующимъ, Жоэль произнесъ едва внятнымъ голосомъ:

— Я посылалъ уже за вами; время не терпитъ... Моя духовная написана и вручена нотаріусу. Послѣ моей смерти, вамъ станутъ извѣстны всѣ подробности, теперь-же знайте лишь одно, что я диктовалъ свою волю въ полномъ разсудкѣ, хорошо обдумавъ послѣдствія, которыя могутъ возникнуть изъ-за моего распоряженія. Я предвижу размолвку между сыномъ моимъ и внукомъ, но все это не заставитъ меня измѣнить своихъ взглядовъ ни на іоту... Я больше не въ силахъ говорить, — добавилъ старикъ, — оставьте меня и ступайте завтракать, а тебѣ, Савиньянъ, поручаю предложить гостямъ мое любимое вино сорокъ девятаго года, которое мнѣ самому не придется уже больше пить.

За завтракомъ докторъ, нотаріусъ и Савиньянъ едва касались блюдъ: всѣ трое находились подъ впечатлѣніемъ только-что выслушаннаго. Вильмье, между прочимъ, выразилъ свое сожалѣніе по поводу страданій больного.

— Да, — воскликнулъ нотаріусъ, — этого старика хватило-бы

еще на много лѣтъ, но обстоятельства подкосили его здоровье. Во всякомъ случаѣ, я всегда относился съ уваженіемъ къ господину Луэссару и нахожу, что такихъ типовъ мало. У него твердая воля и здравый разсудокъ!

Савиньянъ хотѣлъ что-то сказать, но въ это время вбѣжала служанка съ извѣстіемъ, что ея баринъ кончается.

Пришлось немедленно послать нарочнаго къ Герману. Нотаріусъ взялся съѣздить къ священнику и къ Бонэ, а докторъ съ Савиньяномъ остались дежурить при умершемъ.

На слѣдующее утро молодая госпожа Луэссаръ съ супругомъ явились уже въ Мальпертьи, при чемъ первая обратила на себя всеобщее вниманіе изяществомъ туалета и модной прической. Крайне подвижная натура, она выглядѣла моложе своихъ лѣтъ, но для подобающаго случая приняла видъ женщины, которая горячо сочувствуетъ семейному горю.

Встрѣча Савиньяна съ мачихой была довольно холодной, но особенно недружелюбно отнесся къ ней старикъ Бонэ, который не могъ простить Герману его скорую женитьбу.

Посовѣтовавшись, семья рѣшила назначить похороны черезъ сутки. Докторъ спросилъ Германа, не желаетъ-ли онъ наложить печать на имущество.

— Незачѣмъ, — отвѣтилъ послѣдній, — никто не можетъ оспаривать наслѣдство: я единственный сынъ умершаго.

— Мой мужъ правъ,—вмѣшалась госпожа Луэссаръ,—это лишняя формальность, даже оскорбительная для семьи.

Оставалось только вскрыть завѣщаніе. Въ ожиданіи этого, новобрачная чета, несмотря на кажущееся спокойствіе, сильно волновалась.

На слѣдующее утро, послѣ похоронъ, вся семья собралась снова въ комнатѣ покойнаго Жоэля. Нотаріусъ обратился къ Герману.

— Простите,—сказалъ онъ,—что я не былъ въ числѣ сопровождавшихъ тѣло усопшаго, но мое присутствіе въ домѣ оказалось болѣе необходимо: пришлось сдѣлать нѣкоторыя распоряженія и вспомнить все то, что мнѣ поручилъ господинъ

Луэссаръ незадолго до своей смерти. Но раньше всего я долженъ познакомить васъ съ оставленнымъ мнѣ завѣщаніемъ.

Нотаріусъ вскрылъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

«На краю смерти, я, какъ остальные Луэссары, до послѣднихъ дней своихъ принадлежу римской церкви и исповѣдую католическую вѣру. Прощаю всѣмъ, кто оскорбилъ меня и въ свою очередь молю Бога объ отпущеніи моихъ грѣховъ. Все движимое и недвижимое мое имущество завѣщаю въ пользу внука моего Савиньяна де-Луэссаръ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онъ женился черезъ годъ на Виталинѣ Нуартенъ, сестрѣ уважаемаго нами священника. Имущество мое оцѣнено въ триста тысячъ франковъ, при чемъ имѣніе Мальпертьи и ферма входятъ въ эту цифру. Поручаю нашему нотаріусу, господину Пешенаръ, признать Савиньяна единственнымъ наслѣдникомъ, а доктора Вильмье прошу быть моимъ душеприказчикомъ и оставляю ему на память перстень въ тысячу франковъ».

«Завѣщаніе составлено въ Мальпертьи 29 мая 1887 года.

«Савиньянъ-Жоэль де-Луэссаръ».

По мѣрѣ того, какъ Германъ знакомился съ волей усопшаго, на лицѣ его выражалась злоба и отчаяніе. Едва сдерживая гнѣвъ свой, онъ подошелъ къ сыну и громко спросилъ его:

— При такихъ благопріятныхъ условіяхъ ты, вѣроятно, не откажешься отъ брака съ Виталиной?

— Докторъ можетъ засвидѣтельствовать вамъ,—отвѣтилъ спокойно Савиньянъ, — что я уже раньше рѣшился на этотъ серьезный шагъ, не имѣя понятія о завѣщаніи дѣда. Теперь-же мнѣ остается только порадоваться, что глава нашей семьи благословляетъ меня на женитьбу съ любимой дѣвушкой.

— Въ настоящую минуту я глава семьи,—возразилъ строго Германъ,—и протестую противъ этого брака, такъ какъ онъ компрометируетъ имя Луэссаровъ.

— Батюшка, вы только-что сами такъ поступили,—замѣтилъ Савиньянъ, — слѣдовательно теряете всякое право протеста.

Германъ, не ожидавшій подобнаго возраженія, еще больше покраснѣлъ отъ злобы и, обратясь къ женѣ, сказалъ:

— Другъ мой, намъ здѣсь больше нечего дѣлать... Готовьтесь къ отъѣзду, а я распоряжусь относительно экипажа.

Не простясь съ сыномъ, они выѣхали въ Вилоттъ.

Савиньянъ на другой-же день отправился въ Парижъ, чтобы приняться за изученіе агрономіи. Съ наступленіемъ весны, положеніе молодого Луэссара настолько выяснилось къ лучшему и въ матеріальномъ отношеніи, что онъ съ спокойной совѣстью выписалъ къ себѣ Виталину, съ которой вступилъ въ бракъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ одинъ изъ майскихъ дней 1889 года, докторъ Вильмье сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и по свойственной ему привычкѣ, предавался раздумью. Вдругъ издали послышались звуки скрипки напомнившіе ему тотъ веселый праздникъ, когда процессія возвращалась съ крестинъ Савиньяна Луэссара. Докторъ подошелъ къ окну и не повѣрилъ глазамъ своимъ.

Медленными шагами къ дому его направлялись два скрипача, а за ними шла молодая чета съ ребенкомъ на рукахъ.

— Готовьте скорѣе столъ, принесите изъ погреба лучшаго вина!—закричалъ Вильмье служанкамъ.—Друзья мои не забываютъ меня... я узнаю семью Луэссаровъ, они, очевидно, собираются навѣстить меня!

Въ это время Савиньянъ съ Виталиной входили уже въ комнату. Одинъ за другимъ они бросились въ объятія доктора, а ребенокъ, стоявшій возлѣ, узналъ своего прежняго покровителя и въ свою очередь горячо поцѣловалъ у него руку.

При видѣ этой молодой, цвѣтущей четы, Вильмье показалось, что въ домѣ его снова какъ-бы воцарилась весна.

Въ мысляхъ его промелькнуло все пережитое, онъ умилился душой, и кроткій образъ Габріэль Бланшъ всецѣло овладѣлъ его существомъ...

КОНЕЦЪ.

e

RI:

-O

Stanford University Libraries
3 6105 124 451 266

PG
3470
S79D4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.